

Универзитет у Новим Садзе
Филозофски факултет
Одзелене за русинистику

РУСИНИСТИЧНИ СТУДИЈИ RUTHENIAN STUDIES

3

ISSN 2560-3612
e-ISSN 2560-3914
doi 10.19090/rs.2019.3.

Нови Сад, 2019.

Видавателъ
Универзитет у Новим Садзе
Филозофски факултет
Одделене за русинистику

За видавателя
Проф. др Ивана Живанчевич-Секеруш, декан Филозофского факултету
у Новим Садзе

Редакция
проф. др Александер Дуличенко, Тартуский Университет, Катедра славянской
филологии
проф. др Михаел Мозер, Universität Wien, Kulturwissenschaftliche Fakultät
проф. др Олег Румянцев, Università degli Studi di Palermo, Scienze Umanistiche
проф. др Ана Плишкова, Prešovska universita v Prešove, Ústav rusinskeho jazyka a
kultúry
проф. др Оксана Тимко Дітко, Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet
проф. др Людмила Попович, Универзитет у Београдзе, Филологийни факултет
проф. др Дюра Гарди, Филозофски факултет у Новим Садзе
проф. др Йоаким Стрибер, Алфа БК университет, Београд
проф. др Алла Татаренко, Национални университет Иван Франко у
Львове, Филологийни факултет

Главни редактор
проф. др Янко Рамач, Филозофски факултет у Новим Садзе

Редакторе
проф. др Юлиан Тамаш, Филозофски факултет у Новим Садзе
проф. др Михайло Фейса, Филозофски факултет у Новим Садзе

Секретар редакциј:
Александер Мудри

Лекторе
Михайло Фейса, Ана Римар Симунович, Александер Мудри

УДК зробела
Нада Усанович-Ашоня, библиотекарка

Publisher

University of Novi Sad
Faculty of Philosophy
Department of Ruthenian Studies

Representing the Publisher

Prof. Dr. Ivana Živančević

Editorial Board

Dr. Aleksander Duličenko, Professor, University of Tartu, Department of Slavic Studies
Dr. Mihael Mozer, Professor, Institute for Slavic Studies at the University of Vienna
Dr. Oleg Rumyantsev, Professor, University in Palermo
Dr. Anna Pliškova, Prešov university, Professor, Institute of Ruthenian language and culture
Dr. Oksana Timko Đitko, Professor, University of Zagreb, Faculty of Philosophy
Dr. Ljudmila Popovič, Professor, University of Belgrade, Faculty of Philology
Dr. Đura Hardi, Professor, University of Novi Sad, Faculty of Philosophy
Dr. Joakim Striber, Associate Professor, Alfa BK university
Dr. Alla Tatarenko, Ivan Franko National University of Lviv, Faculty of Philology

Editor-in-chief

Prof. Dr. Janko Ramač, Faculty of Philosophy, Novi Sad

Editors

Prof. Dr. Julijan Tamaš, Faculty of Philosophy, Novi Sad
Prof. Dr. Mihajlo Fejsa, Faculty of Philosophy, Novi Sad

Assistant to the Editors

Aleksander Mudri

Proofreading

Mihajlo Fejsa, Ana Rimar Simunović, Aleksander Mudri

UDC

Nada Usanović-Ašonja

РЕЦЕНЗЕНТИ

- Доцент др Јасна Углариќ, Универзитет у Новим Садзе, Филозофски факултет (Србија)
- Проф. др Олег Румянцев, Универзитет у Палерму, Одделене за гуманистични студии (Италија)
- Проф. др Ана Макиш, Универзитет у Новим Садзе, Филозофски факултет (Србија)
- Проф. др Дјора Гарди, Универзитет у Новим Садзе, Филозофски факултет (Србија)
- Проф. др Жарко Бошнякович, Универзитет у Новим Садзе, Филозофски факултет (Србија)
- Проф. др Людмила Попович, Универзитет у Београдзе, Филолошки факултет (Србија)
- Проф. др Михайло Фејса, Универзитет у Новим Садзе, Филозофски факултет (Србија)
- Проф. др Оксана Тимко Дітко, Универзитет у Загребе, Филозофски факултет (Хрватска)
- Проф. др Предраг Новаков, Универзитет у Новим Садзе, Филозофски факултет (Србија)
- Проф. др Јулијан Рамач, Универзитет у Новим Садзе, Филозофски факултет (Србија)
- Проф. др Јанко Рамач, Универзитет у Новим Садзе, Филозофски факултет (Србија)
- Проф. др Јрмила Годолнич, Универзитет у Новим Садзе, Филозофски факултет (Србија)
- Проф. др, академик, Микола Мушинка, Прешовски универзитет, (Словацка)

REVIEWERS

- Dr. Ana Makiš, Professor, University of Novi Sad, Faculty of Philosophy, Novi Sad (Serbia)
- Dr. Đura Hardi, Professor, University of Novi Sad, Faculty of Philosophy, Novi Sad (Serbia)
- Dr. Janko Ramač, Professor, University of Novi Sad, Faculty of Philosophy, Novi Sad (Serbia)
- Dr. Jarmila Hodoličova, Professor, University of Novi Sad, Faculty of Philosophy, Novi Sad (Serbia)
- Dr. Jasna Uhlarik, Assistant Professor, University of Novi Sad, Faculty of Philosophy, Novi Sad (Serbia)
- Dr. Julijan Ramač, Professor, University of Novi Sad, Faculty of Philosophy, Novi Sad (Serbia)
- Dr. Ljudmila Popović, Professor, University of Belgrade, Faculty of Philology, Belgrade (Serbia)
- Dr. Mihajlo Fejsa, Professor, University of Novi Sad, Faculty of Philosophy, Novi Sad (Serbia)
- Academician Dr. Mikola Mušinka, Professor, Prešov university (Slovakia)
- Dr. Oksana Timko Đitko, Professor, University of Zagreb, Faculty of Philosophy, Zagreb (Croatia)
- Dr. Oleg Rumjancev, Associate Professor, University of Palermo, Department of Humanities, Palermo (Italia)
- Dr. Predrag Novakov, Professor, University of Novi Sad, Faculty of Philosophy, Novi Sad (Serbia)
- Dr. Žarko Bošnjaković, Professor, University of Novi Sad, Faculty of Philosophy, Novi Sad (Serbia)

УВОДНЕ СЛОВО

Кажди початок чежки и невидоми, але треба направиц перши крочаї же би ше рушело на заплановану драгу. Так було и на початку пририхтованя нашого часопису *Русинистични студії / Ruthenian Studies*. Перше требало позберац сотруднікох, обезпечиц прилоги и рецензентох. З другим числом уж було дакус легчейше: виправели зме даєдни недостатки, а и круг сотруднікох ше звекшал. Треце число доказ же ше часопис успишне виборел з початнима почежкосцами. Круг сотруднікох и рецензентох ше непереривно преширює и интересованє у науковей явности за нього ше звекшує, цо нас окреме радує и мотивує за дальшу роботу.

У пририхтованю того числа зме дакус пожнели прето же Одделене за русинистику було главни організатор Другого карпатского симпозиюму – Седмей медзинародней науковей конференції ”Бойки, Лемки, Гуцули, Русини – история и терашньосц, материялна и духовна култура” котра отримана на Филозофским факултету у Новим Садзе 21–22. юния 2019. року, и источашне зме пририхтовали и часопис и зборнік роботох з конференції. Медзитим, наздаваме ше же успишне отримана наукова конференция, на котрей участвовали науковци зоз седем державох, прешире число наших сотруднікох и змистовно збогачи наш часопис.

У Новим Садзе, 12. 12. 2019. року

Главни редактор
Проф. др Янко Рамач

ЗМИСТ

TABLE OF CONTENTS

УВОДНЕ СЛОВО.....	7
Михайло Фейса	
ПРЕДКЛАДИ ЗА ИНКОРПОРОВАЊЕ АПА СТИЛУ ДО РУСКОГО ПРАВОПИСУ	11
Александар Мудри	
ИСТОЧНОСЛОВАЧКЕ ПАРАЛЕЛЕ У РАТАРСКОЈ И ПОВРТАРСКОЈ ЛЕКСИЦИ РУСИНА У ВОЈВОДИНИ.....	23
Marina Šlemender	
PREFIXES WITH NEGATIVE AND REVERSATIVE MEANING IN ENGLISH AND THEIR RUTHENIAN EQUIVALENTS	61
Јанко Рамач	
ПИСМА ВОЈКА	75
Jevgenij Paščenko	
UKRAJINSKO-SRPSKE KOMUNIKACIJE KROZ HISTORIJU: KONTAKTI, TIPOLOGIJA, STILISTIKA	99
Олег Румянцев, Ярослав Мишанич	
ЛИСТИ ШТЕФАНА ГУДАКА ДО ОЛЕКСИ МИШАНИЧА (1968–1999)	113
Daniela Marčoková	
PRÍSPEVKY O JAZYKU RUSÍNŮV V SLOVENSKEJ MEDZIVOJNOVEJ TLAČI.....	127
Ана Римар Симунович	
ДОМ У ТВОРЧОСЦИ МИХАЙЛА КОВАЧА.....	143
Саша Сабадош	
ЧИТАЛЊНЯ НОВОСАДСКИХ РУСИНОХ (1931–1944)	159

ПРЕДКЛАДИ ЗА ИНКОРПОРОВАЊЕ АПА СТИЛУ ДО РУСКОГО ПРАВОПИСУ**

У нашеј науковей и фаховей явности превладеуе свойофайтови гаос при формованю роботох за публиковане, цитираню и наводзеню жридлих. Автор теј работи понука напрямки за превозиходзене такогo стану. Вони ше одноша на хасноване точки, запяти, двох точкох, точки зоз запяту, зукосей смужки, наводнікох, апострофов, поинтох, смуги, смужки, италики, болда, малих и великих буквох, латинки и кирилки, розмакнуца, як и фуснотох. Основу за предкладане напрямкох автор находзи у АПА стилу. Попри намири же би ше у значней мири виєдначело формоване роботох за публиковане, єден зоз цилюх и же би понукнути правила нашли место у новим правопису руского языка понеже *Правопис руского языка* Миколи М. Кочиша публиковани 1971. року.

Ключни слова: руски язык, АПА стил, стандарди писаня, референци, интерпункция, правопис.

1. УВОД

У литератури о медзинародних стандардох писаня видзелени коло 300 правила (Suzić, 2005), а ми ше з теј нагоди не пошведиме шицким, але лем тим, хтори би евентуално допринесли виєдначованю способу писаня науково-фахових роботох и хтори видзиме як дополненя *Правопису руского языка* Миколи М. Кочиша (Kočiš, 1971). У нашеј науковей и фаховей явности пановал свойофайтови гаос при формованю роботох за публиковане, цитираню и наводзеню жридлих, а, мож повесц, же и нешка превладеуе. Не ридки случай же у рижних роботох єдного автора стретаме вецей стили писаня роботох и наводзєня хаснованих або нехаснованих жридлих, а дзекеди мож и у рамикох єдней работи препознац мишане даскеліх стилох. То у

* fejsam@gmail.com

**Робота настала як продукт проектох 187002 (*Язики и култури у часу и простору*) и 187017 (*Дискурси меншинских языкох, литературах и културах у юговосточней и средней Европи*), хтори финансиує Министерство просвити, науки и технологийного розвою Републики Сербії.

значней мири и розумліве понеже авторе не мали ясни сет правилох хтори би им оможлівел проваджене одного, доминиуючого стилю. Тота робота понука розришена векшини обаваньох зоз хторима ше авторе стретаю при писаню наукових и фахових роботох.

Правила о хторих будзе бешеди у тей роботі базовани на стандардох виложених у *Приручніку за публікованє Америцкей психологийней асоціяції: Шеста едиція*. Ми у тей роботі препоручуєме АПА стил насампредз прето же його стандарди задоволюю и дружтвени и природни науки. АПА стил провадзи принцип *автор – датум*, а зоз домеркованим розпорядком точкох, запятох и других интерпункційних знакох, як и зоз хаснованьом заграденьох, розришує велі проблеми, непотребни збиваня интерпункційних знакох и повторйованя хтори характеризую други стили. Прето не чудеє же ше тот стил препоручує на сучасних інсталяційох компютерох (Suzić, 2005: 145).

Медзинародни стандарди писаня походза зоз періоду пред 90 роками, точнейше зоз 1928. року кед ше зишла група видавательох антропологийних и психологийних часописох у Медисон Бенглию у Зединених Америцких Державох же би одклонела подозривосц коло того хтора статя може буц публікована, а хтора не (ibid.: 6–7; APA: 3). Видавatele ше з тей нагоди порадили коло елементарних інструкційох за писанє и публікованє роботох. Інструкції ревидовани перше 1952. року, а потим 1974. року и 1994. року (Suzić, 2005: 6–7). Нешка важає, шесте виданє, публікованє 2007. року. Свидоми зме же и тоти стандарди годни дожиц пременку, але су у тей хвильки найперспективнейши, бо ше у рамикох АПА стандардох руша векшина наукових и фахових часописох и видавательних хижох у швецє. Тота робота и настала з намири же би допринесла применьованю дотичних стандардох и же би ше на тот способ обкеровало цитиранє у фуснотох, вихабяє релевантних фактох о наведзених жридох, неправилне и неподполне наводзєне жридох и др.

2. ОБЩИ ГРИШКИ ПРИ ПИСАНЮ

Найзначнейше за єдну статю єй сущносц. Треба насампредз ясно одредзиц цель и методу вигледованя и намагац ше не писац о уж познатим.

Як найчастейши гришки у неадекватно пририхтаних роботох за публікованє обачуєме: неповязаносц наслова и поднасловох зоз тему вигледованя и у вязи з тим правєне непотребних и вельких дигресійох, т. є. напушованє общей нїтки у поясньованю феномена хтори ше вигледує (ibid.: 8–9), непошвецованє уваги фактом хтори релевантни за

тому углавним прето же су не у складу зоз априорну тезу автора, акцентоване и видзвиговане незначного на уровень значного, шороване цитатох о задатеј теми без критичного огляднуца и без суцного повязованя зоз проблемом на хтори ше вигледоване одноши, виводзене заключеньох хтори не базовани на презентованих фактох, некоректне цитиране референцох т. є. представляне цудзих идейох як своїх, недошлїдне наводзене або ненаводзене библиографийних єдинкох (а треба наводзиц лем жридли на хтори ше автор поволує у роботи, по одредзеним порядку – азбучним або абецедним, у зависносци од писма на яким писани основни текст), одсуство абстракта (у хторим спатрени намена, цель, методологя и найобщейши риси змисту роботи) зоз ключними словами, одсуство логичного уводу (у хторим спатрени смисел и доприношене роботи) и/або резимеа на єдним шветовим языку зоз ключними словами на нїм.

Ту тому, при писаню треба хасновац актуални роботи у складу зоз найновшима спознаннями и наводзиц их по єдним зоз существуюцих стандардох (АПА, Гарвард, Чикаго, МЛА, Ванкувер або даєден други) (*ibid.*; RCS, Chicago Manual, Citation Guide, Citing and Referencing).

З оглядом же ше зявела вещеїдеценїйна потреба за новим правописом руского язика (Fejsa, 2017) намира нам же бизме зоз тоту роботу дали одредзене доприношене тому проекту Одзеленя за русинистику. Дзепоедни часци першого и по нешка єдиного *Правопису руского язика* Миколи М. Кочиша, хтори пошвечени интерпункцийним знаком (Кошіš, 1971: 51–77), вимагаю осучаснююци пременки и одредзени дополненя, окреме у вязи зоз хаснованьом електронских жридлих. Прето мож повесц же робота конципована як свойофайтови предклад за дополньоване и осучасньоване одредзених часцох *Правописа*.

3. ПРЕДКЛАДИ ДОПОЛНЕНЬОХ РУСКОГО ПРАВОПИСУ

Уж зме визначели же АПА стил ма домерковани розпорядок точкох, запятох и других интерпункцийних знакох, цо значи же ше у поровнованю зоз хаснованяма точкох, запятох, двох точкох и заградзеньох хтори заступени у *Правопису руского язика* зявює нове хасноване – запяти и заградзеньох при цитираню у тексту статї и при формованю пописа библиографийних єдинкох и жридлих зоз интернету на концу текста статї, а точки, двох точкох, точки и запяти и заградзеньох при формованю попису референцох.

За монографії, напр.:

1. Рамач, Ю. (2002). *Граматика руского языка*. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства.
2. Попри наведзених модалних дјеслових, у *Граматике руского языка* видзелене и значне число модалних слових и виразох (напр. *правда* ма допусне значене, *можебуц* ма значене можливосци) (Рамач, 2002: 229).

За статі, напр.:

3. Густавсон, С. (1983). Руски язык у Югославиї – дияхрония и синхрония. *Творчосц*, 9, 20–30.

За поглавја у тематских публикацијох або у зборнікох, напр.:

4. Сегеди, К. (2006). Русинисти-лингвисти. У: М. Фейса (ред.), *Русини/Руснаци/Ruthenians (1745–2005) I*. Нови Сад: Филозофски факултет – Одсек за русинистику, ИК Прометеј и КПД ДОК. (248–252).

Видзимо же ше *точка*, попри хаснованя за скрацоване менох авторох у прикладах 1, 2, 3 и 4 и за узвичаєне скрацене у прикладу 4 (Коџиш, 1971: 52), хаснуе и у рамикох попису референцох за оддзельоване датума од наслова твора и за оддзельоване наслова твора од места публикованя у прикладах 1 и 4.

Точка ше кладзе на концу каждой референци, праве як и на концу виреченя. Винімок кед ше точка не кладзе на концу референци то по наводзеню УРЛ адреси и ДОИ числа з циљом же би ше не здобул упечаток же точка часц УРЛ-а и ДОИ-а (Publication Manual, 2009: 192). Наприклад:

5. American Psychological Association (2007). *Publication Manual of the American Psychological Association*, sixth edition. Washington: Author. DOI: 10.1037/1082-989X.5.4.41 1
6. Kraizer, S. (2005). *Safe child*. Превжате 29. фебруара 2008, зоз <http://www.safechild.org/>

Запята ше хаснуе по наводзеню презвиска (оп. приклади 1, 3 и 4), по наводзеню назви часописа и числа часописа (оп. приклад 3), при начишльованю вецей авторох або вецей видавательох (оп. приклад 4). Тиж так, хаснуе ше и при цитираню у отвореним тексту, у округлим заградзеню – по наводзеню презвискох; гоч дзепоедни авторе Америцкей психологийней асоцијациї предкладали же би ше запята хасновала и по наводзеню рокох у случайох кед ше наводза и боки

(напр.: *Рамач, 2002, 229*), превладує становиско же у тим случаю лепше хасновац два точки (оп. приклад 2).

Два точки ше пишу по наводзеню назви места/вароша публікованя (оп. приклади 1 и 4), як и за оддзельованє наслова од поднаслова (ibid.: 90). У складу зоз *Правописом руского языка* („пред єднородними членами виреченя котри ше начишлюю”; Кошіш, 1971: 54), кед начишлюєме роботи або идеї автора, начишльованє починаме зоз двома точками. Ёу тому, два точки ше пишу: а) у подобових каталогах, подписох под подобово твори або надписох над нїма, за меном автора а опрез наслова діла (*Леонардо да Винчи: Мона Лиза; Иван Меиштрович: Побиднік*); б) кед маю значенє „спрам” (*Достали змаганє зоз 3 : 1; карти розмира 1 : 25.000; Одношенє е : о маме у словах виберац : вибор, зберац : збор*); в) кед маю значенє „подзелєне зоз” ($50 : 10 = 5$); г) кед оддзельую минути од секундох ($12:45$).

Точка зоз запяту ше пише у отвореним тексту у малим заградзеню за наводженє вецей референцох истого автора, напр. (*Дуличенко, 1971; 1998; 2009*), або вецей авторох хтори обробйовали дотичну тему, напр.:

7. Даскелью авторе пошвещели увагу моделованю сербского языка на нормох електронских медийох (Vasić, 2001; Šipka, 2002; Антовић, 2003; Filipović, 2005; Гајишин, 2011; Marković, 2011; Mišić-Plić, 2011; Francuski, 2012).

Точка зоз запяту ше пише и место запяты при начишльованю категорийох, под условийом же у рамикох єдней з начишлєних категорийох похаснована запята (Suzić, 2005, 54).

Наводніки (кавички) хаснуєме кед директно цитираме даяки текст (Кошіш, 1971: 70) и теди, попри наводзеня презвиска автора и рока публікованя, обовязково треба навесц и число бока. Наводніки хаснуєме и за визначованє пренешеного и противного значеня слова и виразах. Наводніки тиж хаснуєме за наводженє наслова статї або поглавля кнїжки у тексту (Publication Manual, 2009: 91).

Кед зме уж отворели наводніки и наидземе на цитиранє место з наводніками тото место пребереме так же го кладземе до двох *апострофов* (при чим перши апостроф обрацєни наспак од другого, звичайного). Наприклад:

8. Миєле (1993) одкрил же „‘плацебо ефект’, хтори бул потвердзєни у предходзацих студийох, скапал кед [лєм першей групи] справованя були преучовани на тот способ” (276).

Округле заградженє (парентези), лїву и праву половку, хаснуєме у попису референцох за наводженє рока публікованя статї або кнїжки (оп. приклади 1, 3 и 4). У отвореним тексту округле заградженє хаснуєме за наводженє двох або, при пребераню цитатох, трох податкох референци – презвиска автора, рока публікованя и, при цитатох, числа бока/бокох (оп. приклад 2); референцу можеме навесц лем зоз роком у заградженю кед зме пред тим у контексту наведли мєно автора (*ibid.*: 93) (оп. приклади 8 и 9).

9. Перши хтори дотхнул потенциал у рускей лингвистики бул Гавриїл Костельник у *Граматики бачваньско-рускей бешеди* (1975) у хторей констатує же „Способ можлівосци за теразнейши час твори ше так, же ше до зложеной фурми часу прешлого вклада *би*. А тото *би* то од давного аориста од *буц* (277)”.

Округле заградженє ше хаснує у попису референцох и за наводженє виданя/числа часописа под условийом же є окреме пагинованє, напр.: 27 (2). До округлого заградженя ше у попису референцох за статью/поглаве у зборнїку кладзе и скраценє *ред.*, а по наводженю наслова зборнїка – и числа першого и остатнього бока, у значеню „од ... по ...” (оп. приклад 4).

У отвореним тексту округле заградженє можеме хасновац и за уношенє структурно независних елементох, як напр. скраценьох (окреме после даваня толкованя значєня скрацєня хторе ше першираз зявює). Округле заградженє ше хаснує и у математичних виразох за групованє математичних знакох, напр.: $(k - 1)/(g - 2)$.

Полузаградженє (праву половку заградженя) хаснуєме кед у тексту по азбучним порядку (по алфавітним порядку кед основни текст писани зоз латинку) начишлюєме даяки компоненти, напр.:

10. Уключени предметни подручя: а) синоними вязани за культурни интеракції, б) описи за припадносц етнічней групи, в) [...].

Угласте заградженє хаснуєме кед до цитированого текста уруцуєме власни коментар або текст хтори не состояйна часц цитату (*ibid.*: 92) (оп. приклад 8). Попри тим, зоз угластим заградженєм, и трома точками у нїм, означуєме место дзе часц цитату випущєна (оп. приклад 10).

Угласте заградженє ше хаснує же би ше парентетични материял положел до заградки, кед є додати материялу хтори ше уж находзи у малих заградкох. Случай процивни од хаснованя у математики дзе ше малє заградженє кладзе до угластого заградженя (*Publication Manual*, 2009: 94).

Зукоса смужка ше хаснує у отвореним тексту кед сцеме указац пропорцию або ламане число, напр. $7/5$, и интеракцию двох розличних мерних единкох, напр. 100 км/г (ibid.: 95). При реферованю у заградзеню зукоса смужка ше хаснує за оддзельованє рока першого обявйованя од рока повтореного виданя истого автора, напр. (*Костельник 1923/1975*), або за оддзельованє рока публикованя оригиналногo дїла од рока публикованя преклада, напр. (*Чомски 1957/1986*).

До двох зукосих смужкох кладземе поєдинєчни фонєми, напр. /м/, або запис у медзинародним фонетским алфавету, напр. /*fonema*/ (ibid.).

Кед пре длужину текста мушимє интернетску адресу претаргнуц, не треба уношиц смужку але претаргнуце найлепше направиц за зукосу смужку (Suzić, 2005: 88).

Смужка ше хаснує медзи полузложенима словами спрам *Правопису руского языка* (Кочиш, 1971: 65), але з ню пишеме и синтагми, односно два або вецей слова хторим жадаме дац заєднїцке значенє так же смужку пишеме ведно зоз словами у синтагми, напр. *кус-покус* (Suzić, 2005: 39).

Смуга ше хаснує за роздзельованє текста и пише ше з розмакнуцом од словох. Гу тому, хаснує ше и за начишльованє компонентох текста, тезох або поняцох, єдну под другу; место смуги у тим случаю мож похасновац и *поинти* (ibid.: 40).

Смуга ше хаснує и у попису референцох за означованє бокох у статях кед число опрез смужки означує перши бок, а число по ней означує остатнї бок (ibid.: 42) (оп. приклади 3 и 4), як и у отвореним тексту за означованє бокох зоз хторих превжати цитат або идеї.

Зоз *велькими буквами* ше у отвореним тексту пишу верзални акроними, напр. *УНЕСКО*, а зоз початну вельку букву, попри случайох хтори наведзени у *Правопису*, пишу ше и назви институцийох и їх оддзелєня, назви проєктох, назви конкретних наукових инструмєнтох и др. Не треба визначовац слова або вирази зоз велькими буквами, бо то ма ефект прегласного виповеданя словох; за визначованє ше хасную букви писани зоз *италиком* (оп. нїжей).

Мали букви ше можу хасновац за начишльованє компонентох текста, напр. *а), б), в)*, а у попису референцох хасную ше за означованє публикованих творох єдногo автора у истим року, напр. *2012а, 2012б, 1012в*.

Прето же ше визначованє кончи зоз *италиком/курзивом* (зоз зукозима буквами) з нїм ше дакеди пишу и цитати, як и странски слова (окреме латински назви, напр. *Macaca mulatta*), технїчни и ключни термини хтори ше у роботи зявюю на перши завод, и вообщє слова, символи або вирази хтори служу як илустрация у тексту (оп. приклад

2). Зоз италиком ше пишу и наслови кнїжкох (оп. приклад 9), наслови периодичних публикаційох (уключуюци и число часописа, як и запяту медзи насловом часописа и числом; оп. приклад 3), филмох, ТВ емисийох и под. (Publication Manual, 2009: 104).

Текст хтори визначени зоз италиком не треба означиц и зоз *болдом* (зоз маснима буквами) прето же ше у тим случаю роби о двойнїстим, непотребним визначованю.

Розмакнуце (спаціоноване) ше хаснуе за оддзельоване словох и за оддзельоване од интерпункційних знакох, а, пре прегляднїше читане, лепше и елементи математичних виразох писац окреме, напр. $a + b = c$. Окреме ше пишу и скрацєня мерох од числох на хтори ше одноша, напр. *3 м*; винїмок лем символ за ступнї угла, хтори ше пише як *суперскрипт* числа, напр. 45° (ibid.: 115), у Кочишовой терминологїї: як *брух-цифри* (Коџиш, 1971: 75).

Наслови у статях не нужне нумеровац ані означовац зоз буквами. Нумероване необходне за рижни водителї, приручнїки и кнїжки хтори ше препатраю накрижно (Suzić, 2005: 53).

И попри тим же руске писмо кирилка у даскелїх случайох хаснуе *латинку*. Док Кочиш у *Правопису руского языка* латински букви допушел як можлївосц за скрацєня мерох, а римски числа за означоване порядка и евентуално за означоване часцох, поглавїюх або параграфох (Коџиш, 1971: 53), нови часи принесли нови и обовязуюци случаї хаснованя латинки. Єдини способ за наводзєне и-мейл и веб адресох виключно латинка, напр. *dekanat@ff.uns.ac.rs*, *http://www.apa.org/monitor/oct00/workplace.html*). Кед зоз интернету пребераме статью, теди треба навесц штири УРЛ елементи цитирания: протокол (*http://*), мено госту/домену (*www.apa.org/*), драгу по документ (*monitor/oct00/*) и файл-мено конкретного документа (*workplace.html*) (Publication Manual, 2009: 188). Кед *ДОИ* (DOI < digital objects identifier, идентификователь дигиталних обектох) число познате, його треба навесц и за друковани и за електронски жридла (ibid.: 189) (оп. приклад 5). Приклад зоз *ДОИ*, т. є. случай кед ше перше транслитеруе странске поняце на кирилку, а потим ше го у заградзєню толкуе и преїг оригинала, на латинки, мож применїц и за рижни медзинародни назви предприяцох, назви музичних групох и др. Референци ше по правилу наводза зоз жридловим писмом (цо значи: кирилково тексти на кирилки, а латинково на латинки), окрем у случаю кед сєме публикавац роботу у часописох на англїйским языку кед мушиме референцу на кирилки транслитеровац на латинку, а наслов статї або публикації обезпечиц у прекладу на англїйски язык и положиц преклад до угластого заградзєня (Suzić, 2005: 85). И редакції медзинародних часописох (та и *Русинистичних студийох*) вимагаю транслитероване кирилкових библиографийних єдинкох на латинку.

Наводженє протокола формовало нову інтерпункційну комбинацію – два точки и два зукоси смужки (<http://>), а у рамикох УРЛ адреси можу ше зявиц и три зукоси смужки. ДООИ число порядно почина зоз числом 10 и точку, цо мож наволац найновше хасноване точки. Надпоминаме же кед нам познате ДООИ число достаточне у попису референцох навесц лем того число (нет потреби и за УРЛ-ом) понеже воно функциониує як линк зоз змистом на хтори упут`юєме.

Кед жридло зоз интернета не ма означени боки хаснує ше *знак за параграф* (§) и число параграфа на боку на хторим є обявене, напр. (Myers, 2002: § 5) (ibid.: 77).

Кед жридло, друковане або електронске, не ма автора, наслов діла або институция хтора за нїм стої забера место автора, односно перше место у референци (оп. приклад 5).

Кед една робота ма двох авторох, наводзимо обидвох авторох и злучнік *и* медзи нїма (ibid.: 73). Кед у отвореним тексту цитураме мена трох, штирох або пейцох авторох, першираз наводзимо шицки мена, а потим достаточне написац лем мено першого автора и додац *и др.* (ibid.: 74).

АПА стил подрозумює же ше референци даваю на концу роботи, а нїяк у фуснотох (Publication Manual, 2009: 216). Попис референцох, т. є. попис хаснованих жридлох, хтори насловюєме як *Литература*, мож насловиц и як *Библиография*, але под условийом же попис насловох даваме як инструкцию о релевантних жридлох на дату тему (Suzić, 2005: 92).

4. ВАРИЯЦІЇ АПА СТИЛУ

Од правилох АПА стилу хтори зме пренесли у предходзацим поглавию єст одступаня. Причини тому може буц потерашні способ писаня, мишане стилох або уплїв АПА правилох зоз англійского языка. Наведземе виразнейши розлики.

Як зме визначели, кед начишлюєме компоненти текста у руским языку хаснуєме смугу або поинти, а у англійским языку ше хасную лем поинти.

Пред начишльованьом остатнього елемента у ряду у руским языку не хаснуєме запяту кед похасновани злучнік *и*, а у англійским языку ше хаснує запята опрез злучніка *and*. Под уплївом правила зоз англійского языка у библиографийних єдинкох и при реферованю у тексту у малим заградзеню место *и* хаснує ше *амперсанд* (&).

Смуга у руским языку служи за роздзельованє текста и пишеме ю окреме од словох, а у англійским языку ше пише ведно зоз словами.

Праве заграджене хаснуєме кед у тексту по азбучним порядку начишлюєме даяки компоненти, а у англійским языку ше хаснує и ліве и праве заграджене.

У англійским языку ше у тексту зоз велькими словами виписую початни букви ключних словох у насловох кнїжкох, а у руским не.

За оддзельоване децималних местох у руским языку хаснуєме запяту, а у англійским языку ше хаснує точка. У англійским языку ше не пише нула опрез точки хтора означує децимални места за нулу, а руским пишеме нулу зоз запяту и децималними числами (*ibid.*: 29).

Кед пишеме число хторе ма вецей як три цифри у англійским языку ше кажди три цифри оддзельую зоз запяту, а у руским зоз точку або розмакнуцом.

5. ЗАКЛЮЧЕНЄ

Понеже у потерашней пракси аж и у опубликованих роботох єдного автора стретаме значни недослїдносци и варираня, а у рамикох попису цитираней литератури препознаваме мишане даскелїх стилох писаня и реферованя, у тей роботї понукнути ясни сет правилох хтори би автором могол оможлївиц проваджене єдного, доминиуючого стила. Слово о АПА стилу.

АПА видавательни критериюми обезпечую ясне и дослїдне презентоване роботи хтора ше публикує. Прето же нови часи принесли и потребу за осучасньованьом правилох у *Правопису руского языка*, хтори походзи зоз початка 1970-их рокох, як и пре потребу за його дополньованьом насампредз пре звїйоване нових технологїях, ми тоту роботу конциповали так же би представляла евентуалне дополнене ещи вше важацей правописней норми руского языка зоз сучасними видавательними критериюмами.

Правила за хтори ше закладаме у роботї дотикаю ше хаснованя интерпункції, писаня малих и вельких буквох, писаня окреме и ведно, цитираня, визначованя зоз италиком, реферованя по принципу *автор – датум*, редукованя фуснотох, наводзєня жридлох зоз интернету и др.

Свидоми зме же ше стандарди меняю, алє, з оглядом же АПА стил у швецє прилапени и у дружтвених и у природних наукох, прешвечени зме же и предклади понукнути у тей роботї за руских фаховцох и науковцох маю вельки вигляди зажиц.

Mihajlo Fejsa

THE SUGGESTIONS FOR THE APA STYLE INCORPORATION IN
RUTHENIAN ORTHOGRAPHY

Summary

There was a kind of chaos in formatting works for publishing, citing and referencing sources in Ruthenian scientific and professional publishing practice, and it is still prevalent today. The basic goals of this paper are to present the rules that would lead to the unification of work publication style, and to enable the updating of orthography of the Ruthenian language, since the still-valid *Orthography Rule-Book of the Ruthenian language* by Nikola N. Kočiš dates back to 1971. The basis of the proposed rules is the APA style, i.e. the sixth version of the APA style. The author considers the APA standards dominant in all scientific areas (natural, humanistic, technical, social, medical sciences), that the *author – date* principle is the most suitable style for referencing both printed and electronic sources, and that by adopting the APA standards we will be able to get our works closer to the modern world. In order to ensure a clear and consistent presentation of our works, the author of this paper proposes several basic rules for the use of periods, commas, semicolons, colons, quotation marks, parentheses, brackets, slashes, dashes, hyphens, points, italic font, bold font, small letters, capital letters, Latin letters, and footnotes.

Key words: Ruthenian, APA style, writing standards, references, punctuation, orthography.

ЛИТЕРАТУРА

- American Psychological Association (2010). *Publication Manual of the American Psychological Association*, sixth edition. Washington, DC: Author.
- Damnjanović, P. (2016). *Uputstvo za pisanje stručnih i naučnih radova*. Beograd: Visoka škola za poslovnu ekonomiju i preduzetništvo.
- Kleut, M. (2008). *Naučno delo od istraživanja do štampe*. Novi Sad: Akademska knjiga. (Cyrillic)
- Kočiš, M. M. (1971). *Pravopis ruskoho jazika*. Novi Sad: Pokrajinski zavod za vidavanje učebnjikoch. (Cyrillic)
- Kundačina, M. i Banđur, V. (2007). *Akademsko pisanje*. Užice: Univerzitet u Kragujevcu – Učiteljski fakultet u Užicu.
- Sakan, M. (2005). *Izrada stručnih i naučnih radova*. Novi Sad: Prometej.
- Suzić, N. (2012). *Pravila pisanja naučnog rada: APA i drugi standardi*. Banja Luka: Panevropski univerzitet Apeiron.

Жридла зоз интернету:

- APA: *Mastering APA Style: Student's Workbook and Training Guide*. (2002). American Psychological Association. Prevžate 1. februara 2018, zoz <http://www.apa.org/books/4210030.html>
- Chicago Manual: *The Chicago Manual of Style Content*. (2017). University of Chicago. Prevžate 1. februara 2018, zoz <http://www.chicagomanualofstyle.org/home.html>
- Citation Guide: How to Cite Books, E-books, Chapters. Dixie State University. Prevžate 1. maja 2018, zoz <http://libguides.dixie.edu/c.php?g=57887&p=371717>
- Citing and Referencing: Monash University Library. Prevžate 1. maja 2018, zoz <http://guides.lib.monash.edu/citing-referencing/vancouver>
- Fejsa, M. (2018). *Pravopisni slovnjik ruskoho jazika*. (2017). Filozofski fakultet – Oddzeljenje za rusinistiku. Prevžate zoz <http://digitalna.ff.uns.ac.rs/sadrzaj/2017/978-86-6065-419-1> (Cyrillic)
- PMPA: *Publication Manual of the American Psychological Association*, sixth edition. (2010). American Psychological Association. Prevžate 1. maja 2018, zoz <http://www.apastyle.org/manual/index.aspx>
- Referencing and Citation Styles. University of Sydney. Prevžate 1. maja 2018, zoz <http://libguides.library.usyd.edu.au/citation>
- Setting Out References. *Publication Manual of the APA*, fifth edition. (2007). American Psychological Association. Prevžate 1. maja 2018, zoz www.acrn-journals.eu/resources/APA-Reference-Guide.pdf

ИСТОЧНОСЛОВАЧКЕ ПАРАЛЕЛЕ У РАТАРСКОЈ И ПОВРТАРСКОЈ ЛЕКСИЦИ РУСИНА У ВОЈВОДИНИ**

Историјске околности су допринеле да се у русинском језику данас могу пронаћи трагови језичких контаката са више језика карпатског ареала. Пресељавање Русина из делова данашње источне Словачке и североисточне Мађарске допринело је богатству, разноликости ових трагова. У овом раду фокусираћемо се на блискост русинског језика са источнословачким говорима. Тачније, испитаћемо повезаност ратарске и повртарске лексике у русинском језику у Војводини са паралелама у говорима источне Словачке.

Кључне речи: русински језик, Војводина, словачки језик, источнословачки говори.

Русини су се, према историографским подацима, организовано доселили на подручје данашњег Руског Крстура 1751. године када је администратор коморских поседа Франц Јосиф де Редл потписао уговор о насељавању коморске пустаре Велики Крстур (Рамач, 2007: 56). Као етничка заједница, Русини су се почели формирати средином XVIII века, када су се преселили из делова Источне Словачке у Бачку, тадашњи део Хабзбуршке монархије (Дуличенко, 2009: 129), тачније са територије тадашњих жупанија Унг, Угоча, Берг, Сатмар, Мараморош, Спиш, Абауј, Торна, Боршод, Гевеш, Сабољч и Чанад (Рамач, 1993: 35).

С обзиром на језичке контакте на територији са које су се Русини доселили средином 18. века, разумљиве су бројне идентичне паралеле са источнословачким говорима.

Претпоставља се да је за дијалектни ареал на којем су војвођански Русини били присутни пре доласка у Бачку карактеристична непрецизност генетичких особина, односно да се на том простору дотичу источнословенска и западнословенска стихија

* mudrisasa@ff.uns.ac.rs

** Рад је настао као резултат пројекта 187017, *Дискурси мањинских књижевности и култура у југоисточној и средњој Европи* који финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

(Дуличенко, 2009: 79). Александар Дуличенко, руски лингвиста који се у свом раду често бавио русинским језиком у Војводини, закључује да је дијалекат данашњих војвођанских Русина морао бити управо у ареалу прелазног слоја, те да је ту у прелазном ареалу настала дворексност.

Полазећи од ове тврдње, у нашим претходним радовима смо покушали да поједине лексеме ратарске и повртарске лексике ставимо у контекст западоукрајинских и источнословачких говора, али и језика карпатског ареала. На тај начин смо учили, онако како то види Рамач, неколико слојева русинске лексике чије формирање је било условљено историјским околностима. Под овим историјским околностима подразумевамо досељавање Русина у Бачку и нове језичке и културне контакте.

Према класификацији коју је понудио Рамач, разликујемо стару, карпатску лексику (прасловенска лексика, стари германизми, стари хунгаризми) и нову лексику (нови германизми, нови хунгаризми, србизми) (Рамач, 2006: 400).

Узимајући у обзир све наведено, у овом раду ћемо покушати да уочимо које су то карактеристике које приближавају русински језик источнословачким говорима.

ПРЕТХОДНА ИСТРАЖИВАЊА И ТЕОРИЈСКЕ ПОСТАВКЕ

Захваљујући напорима украјинског етнографа Володимира Хнађука, крајем 19. и почетком 20. века, русински језик је привукао пажњу славистике. Тада се и јављају први ставови о пореклу русинског језика (Дуличенко, 2009: 85). Према првом научном ставу, русински језик представља словачки дијалекат. Овај став је заступало више научника (Олаф Брох, Алексей И. Собољевски, Франтишек Пастрнек, Самуел Цамбел, Јозеф Шкултети, Чарлс Бидвел, Свен Густавсон). Представници другог става русински језик у Војводини виде као украјински дијалекат. Ову позицију су кроз историју заступали Володимир Хнађук, Хавријил Костелник, Михајло Ковач, Никола Кочиш и руски лингвист Никита И. Толстој (Густавсон, 1984: 20–30).¹

Тамара Хома у свом раду „Попатрунки лингвистох на походзене руског језика” даје преглед теорија и ставова о пореклу русинског језика (Хома, 2015). Између осталог, она наводи и *русинофилску теорију* према којој њени представници (М. Фејса, Г.

¹ Нећемо се задржавати на специфичностима ових ставова с обзиром на то да рад не претендује да актуализује расправу нити да покуша да да коначне одговоре.

Међешу, лингвисти Конгреса русинског језика) сматрају да се Русини у Србији осећају као Русини, те да нема основа третирају русински језик у Србији и Хрватској као дијалекат (Хома, 2015: 64). Поред ове теорије, Хома наводи и *москофилску теорију* која је у прошлости имала својих следбеника, а данас није актуелна (Хома, 2015: 64). Према њој су Русини део великог руског народа, а руски језик је њихов књижевни језик.

За разумевање места русинског језика међу словенским језицима, значајне податке дају радови Митра Пешикана „Основни структурални карактеристики рускей гласовой системи” (Пешикан, 1980) и Михајла Фејсе “Руски-бешеда, дијалект чи јазик” (Русински - говор, дијалект или језик) (Фејса, 1992–1993) и “Карактеристики руског језика” (Карактеристике русинског језика) (Фејса, 2006).

Последња значајна студија у вези са пореклом русинског језика објављена је 2011. године *Русинский язык Сербии и Хорватии в свете языковых контактов – лингвогенетический аспект*, Вјачеслава Чарског (Русински језик у свету језичких контаката – лингвогенетички аспект) (Чарский, 2011). Аутор долази до закључка да русински језик води порекло од источнословацких требишовских говора. Као доказ наводи 60 карактеристика које приближавају русински језик требишовским источнословацким говорима. Према Чарском, нису све карактеристике релевантне. Русински језик у Војводини има 18 заједничких црта са карпаторусинским говорима које сматра за нерелевантне. За Чарског су релевантне следеће карактеристике: рефлeksi прасловенских вокала, назала, прасловенских група *tort, tolt, tert, telt, je, tj, dj, dl, kv, gv*, одсуство епентетског л, асибилација, флексије номинатива једине именица средњег рода, датива једине именица мушког рода, датива и локатива именица средњег и мушког рода, инструментала једине именица на -а, именица женског рода на консонант, придева и заменица, локатива једине именица женског рода, генитива множине именица, датива множине именица, инструментала множине именица, локатива множине именица, номинатива множине присвојних придева и заменица, компарација придева, 1. лице једине презента, 3. лице једине презента, наставак инфинитива (Чарски, 2011).

Нама је, међутим, најближи став Александра Дуличенка, према коме се уникатност русинског језика састоји од унутрашњих, структурно генетичких и спољашњих, социолингвистичких карактеристика (Дуличенко, 2009: 79). За наш рад су интересантне ове унутрашње, структурно-генетичке карактеристике.

Ове тврдње Дуличенко илуструје карактеристикама русинског језика на фонетском и морфолошком нивоу. С обзиром на

то да у овом раду анализирамо лексику, навешћемо карактеристике на фонетском нивоу до којих је дошао Дуличенко:

1. $\check{e} > a$ е, 'е (*бешета, хлеб*); б) а, 'а (*цали, бляди*); в) і, 'і (*бидни, шніг*);
2. $r > a$ ар (*гарси, карк*); б) ег (*червени, шерцо*);
3. $l > a$ ол (*молга, полни*); б) ов (*розбовчани*); *жовти / жолти*;
4. $tj, kj > a$ (*ноц, вецей*); б) \check{c} (*помочи, гоч*);
5. d' испред вокала предњег реда $> a$ (dz')> dz (*дзечи, дзень*); али б) (*дески, еден*);
6. t' испред вокала предњег реда $> a$ (c')> с (*цемни, цело*); али б) (*ти, тебе*);
7. s' испред вокала предњег реда $> a$ (s')> \check{s} , а такође у групама sv' ($> \check{sv}$), sl' ($> \check{sl}'$), str ($> \check{str}$) (*шено, швижи, шлїд, штредні*) али б) (*свидоми, стредні*);
8. $tort > a$ *trat* (*крава, брада*), б) *torot* (*зноровиц ше*);
9. $tert > a$ *tret* (*брег, пред*), б) *teret* (*чересло, смерек*);

Као карактеристике које су западнословенске, Дуличенко наводи и промену *tolt > tlat* (*глад, глава*) и *tolt > tlot* (*млоди, хлоп*), од којих је први тип генетски повезан са словачким, а други са пољским језиком (Дуличенко, 2009: 80).

Међу набројаним, издваја карактеристике присутне у словачким говорима *dl* (*зубадло, садло*), *gvi > hvi* (*гвизда*), *kvi > kvi/kve* (*квице, квет*).

Акцент на претпоследњем слогу Дуличенко повезује са пољским језиком, иако је ова карактеристика присутна у свим источнословачким говорима осим сотацког.

С друге стране, карактеристика блиска украјинским говорима је $e > o$ испред шуштавих \check{c} , \check{z} (*чоло, ожог*).

Сагледавајући карактеристике, Дуличенко закључује да се још у старом крају одвијао процес међусобне интерференције две језичке стихије (Дуличенко, 2009: 81). Интересантна је тврдња да се ова двореклексност у новом крају почела губити, могуће, под утицајом српског језика, нпр. \bar{e} : *ешень, еден* (срп. *јесен, један*) са једним изузетком *озеро* (Дуличенко, 2009: 81).

Напомињемо, није нам намера да унапред прихватамо став А. Дуличенка о прелазном типу русинског језика у Војводини, већ да на научно објективан начин сагледамо порекло лексема ратарске и повртарске лексике.

МЕТОДОЛОГИЈА

У радовима у којима смо истраживали ратарску и повртарску лексику Русина у Војводини, прикупљени материјал, класификован према семантичким групама, стављали смо у контекст других словенских књижевних језика релевантних за русински језик, као што су, с једне стране, словенски језици карпатског басена, словачки, украјински и пољски, а са друге српски језик као словенски језик средине у којој Русини живе после досељавања у Бачку. Затим смо у речницима источнословачких и западноукрајинских говора покушали да нађемо паралеле лексема ратарске и повртарске лексике Русина у Војводини. На тај начин смо, на основу присутности у овим језицима или говорима одређивали да ли су лексеме део старог или новог лексичког слоја, те да ли су део словенског фонда речи или су позајмљене из других језика. Према Јулијану Рамачу, уколико одређену лексему можемо потврдити у словенским језицима карпатског басена (или у источнословачким и западноукрајинским говорима), можемо претпоставити да је она део карпатског, односно старог лексичког слоја русинског језика, односно део оног фонда који је постојао пре досељавања у Војводину. Такође, уколико се одређена лексема пронађе и у речницима српског или хрватског језика, а не налази се у језицима или говорима карпатског басена, можемо претпоставити да је она део новог лексичког слоја.

У овом раду консултујемо етимолошке речнике словенских језика (руског, украјинског, словачког, пољског и српског језика) али и немачке и мађарске етимолошке речнике. Поред тога, користимо и речнике источнословачких и западноукрајинских говора (види литературу).

КОРПУС

Лексеме су сакупљене теренским истраживањем за потребе рада *Пољоділска лексика Руснацох у Войводини* (Ратарска и повртарска лексика Русина у Војводини) (Мудри, 2011). Поред овог, представљане су и у радовима „Називи пољопривредних алатки и справа код војвођанских Русина” (Мудри, 2012), „Називи у вези са конопљом и прерадом конопље код Русина у Војводини” (Мудри, 2015), „Назви будинкох у пољоділстве при Руснацох у Войводини” (Називи објеката у ратарству и повртарству код Русина у Војводини) (Мудри, 2012), „Назви превозних средствох у пољоділскеј лексике при Руснацох у Войводини” (Називи превозних средстава у ратарској и повртарској лексике код Русина у Војводини) (Мудри, 2014), „Назви пољоділских машинох при у Руснацох у Войводини” (Називи

ратарских и повртарских машина код Русина у Војводини) (Мудри, 2012), „Назви мерох хтори ше хасную у польоділстве при Руснацох у Войводини” (Мудри, 2015), „Назви поля и часцох поля при Руснацох у Войводини” (Називи њиве и делова њиве код Русина у Војводини) (Мудри, 2013), „Називи корова и биљних паразита код Русина у Војводини” (Мудри, 2013).

СЛОВАЧКИ ГОВОРИ

Словачки говори се, према ауторкама Практичне дијалектологије (*Praktická dialektológia (vysokoškolská príručka na nárečovú interpretáciu)*) (Mucskova, G, Muzikova, K, Wambach, V, 2012) деле на:

1. Средњесловачке говоре²
2. Западнословачке говоре
3. Источнословачке говоре

С обзиром на то да нас у раду интересују источнословачки говори, њихову поделу представићемо детаљније (Mucskova, G, Muzikova, K, Wambach, V, 2012). Дакле, ови говори се деле на:

1. Спишке говоре:
 - а) Лучивњански говори;
 - б) Говори западног Спиша;
 - в) Хњилецки говори;
 - г) Говори средњег Спиша.
2. Говори југоисточног Спиша и југозападног Шариша;
3. Абовске говоре (а) Абовски говори; б) Западноабовски говори);
4. Шаришке говоре (а) Говори средњег Шариша; б) Говори северног Шариша);
5. Земплинске говоре;
6. Ужске говоре;
7. Сотацке говоре.

Према ауторима Пауљини, Ружичка, Штолц, иточнословачке говоре можемо поделити на југозападну групу (спишки говори, абовски говори, говори југозападног Шариша), средњу (говори

² Детаљна подела се може пронаћи у (Múcsková, G, Muziková, K, Wambach, V, 2012); такође и у (Krajčovič 1988).

средњег и северног Шариша, земплински говори) и источну групу источнословацких говора (ужски и сотацки говори) (Pauliny, Ružička, Štolc, 1968: 470). У поменутој литератури су представљене и опште карактеристике источнословацких говора које су нам од користи за препознавање процеса који су довели до садашњег облика (Pauliny, Ružička, Štolc, 1968: 470–478).

Аутори представљају карактеристике на фонолошком, а потом и на морфолошком плану. Ове карактеристике представљају оно што се разликује, односно што издваја ове говоре од стандардног језика или других словацких говора. С обзиром на то да анализирамо појединачне лексеме ратарске и повртарске лексике, ми ћемо на овом месту представити опште карактеристике источнословацких говора на фонолошком плану.

ЗАЈЕДНИЧКЕ КАРАКТЕРИСТИКЕ

На основу доступне литературе издвојили смо карактеристике на фонолошком нивоу које су присутне у свим источнословацким говорима, а које се јављају и у русинском језику у Војводини:

1. Сачувана псл. група *dl, tl* (*šidlo, motovidlo*). Карактеристично за све источнословацке говоре. У русинском језику у Војводини такође сачувана псл. група *dl, tl* (*видли, мидло*).

2. Прасловенска група *-ort, -olt* даје *rot-, lot- (lokec)*. Карактеристично за све источнословацке говоре. У русинском језику у Војводини идентичан развој псл. група *-ort, -olt > rot, lot- (ровни, роснуц, локец, влоні)*.

3. Иницијално *іь > і-*. Карактеристично за све источнословацке говоре. У русинском језику у Војводини *игла*.

4. Рефлекс *ъ > е (deska, oves, pjatek)* је најприсутнији, али у појединим деловима говора имамо и др. рефлексе, нпр. у источном делу ужских говора и у сотацким говорима *ъ > о (mox, von, voš, pjatok, piesok, švjatok)*³. У русинском језику је тврди полуглас по правилу дао вокал *о (сон, моx, вон, пияток)*. Поред овог, ређе се јављају рефлекси *ъ*

³ Према Михаљевићу, по правилу је и за јер и за јор рефлекс *е: sen, deska, piesek, oves, orel, jarec, cenki, tanak*“ али има и примера замене тврдога јора са *о*, обично у суседству лабијала и тврдога *т: von, moch, posol, loška*. У најисточнијим говорима рефлекс *о* појављује се и у суфиксу *-ок: piatok, pondzelok, domčok*. Можда је на такав развој јора у тим говорима утицао и додир са суседним украјинским дијалектима (Михаљевић, 2002: 202).

> а (*раж*), њ > и (*диждж*) или њ > е (*нохец, деска, овес*) (Ramač, 2006: 512).

5. Кратко *ɛ* даје *e*: *meso, hovedo, kurče, peta, dzevec, šveto*. Карактеристично за све источнословачке говоре. У русинском језику у Војводини кратко *ɛ* најчешће даје *e* испред којег се умекшавају д, т, з, с, л, н > дз, ц, ж, ш, л', н' (*месо, пета, дзевец, праше*) (Ramač, 2006: 506).

6. Дуго *ɛ* је у ужским и абовским говорима дало *a* (после изворно меких уснених консонаната) (*pjatek, vžac, dzevjati, džešati*). У русинском језику у Војводини дуго *ɛ* најчешће даје *a* испред којег се умекшавају д, т, з, с, л, н > дз, ц, ж, ш, л', н' (*заяц, прагац, градзель*) (Ramač, 2006: 506). Такође, после уснених и *p* се среће рефлекс *ja*, а у речима *пняти* /prijati/ и *пняток* /rijatok/ имамо и рефлекс *ija* /ija/ (Ramač, 2006: 506).

7. Изворно дуги вокали *é, ó* > е (*vera, beli, dzeuka, špevac*) о (*koň, moj, stol*) (абовски говори); *é, ó* > и (*vira, bili, dziuka, špivac*) и у (*kuň, muj, stul*) (земплински говори); *é, ó* > и (*vira, bili, dziuka, špivac*) и у (*kuň, muj, stul*) (ужски говори); *é, ó* > и (*vira, bili, dziuka, špivac*) и у (*kuň, muj, stul*) (сотацки говори). Вокали у русинском језику у Војводини не познају дужине.

8. Слововно *r, l* није присутно у источнословачким говорима. У русинском језику у Војводини такође нису присутни слоготворни *r* и *l*. Прасловенско вокално *r* и *l* је у русинском дало следеће рефлексе: њг > ар (*кармиц, гарец, мархва, таргац*) и ор (*горди*); вокално њг > ар (*зарно, сарня*), њг > ер (*верба, шерп*); њл, њл > лу (*слунко, слуп*) и ол (*полни, волна*) (Ramač, 2006: 511).

9. Дужина вокала у источнословачким говорима као и у русинском у Војводини није диференцијално обележје.

10. Асибилација изворних *d', t' > dz, c: dzeci, volac, isc, dzivi* се среће у свим источнословачким говорима. Ова промена је карактеристична и за русински језик у Војводини.

11. Консонанти *š, ž* се изговарају као меки *ś, ź: seno, sušed, šivi, žac, žima*. Такође, користи се меко *l', ŋ: list, les, ŋedam, ŋič*. Али, депалатизација (*ś, ź > š, ž*) је присутна у абовским говорима и земплинским говорима. У русинском нема меких *ś, ź*.

12. Изворно меки уснени се разлажу на уснени + *j* (*rospravjas, pamjatka*), у свим осим сотацким говорима. У русинском такође (памятка, розправяц).

13. На почетку речи или као предлог испред речи честа је промена *v > u* (*unuk, užac, u mejsce*) (земплински говори, ужски говори, сотацки). У русинском језику такође унук али вжац, сачувано *v* у изразима, односно прилозима *влџце, всоботу* итд.

14. Сачувана је изворна форма групе *šč, ždž*, (*ešči, ščesce, diždž / ešči, ščesce, diždž*) и у групи *sč* (*otpušćic, ščarñec*), мек изговор шиштавих је и у групама *šl', žl', šp, žb* (*rozmišlac, špivac*). У русинском језику присутне групе *šč, ždž*, (*ище/ещи, щесце, диждж ešči, ščesce*), али без меких *šl', žl', šp, žb*.

АНАЛИЗА

У обзир су узете лексеме за које смо у претходним истраживањима пронашли релевантне паралеле у источнословачким говорима, па на основу њих покушавамо да потврдимо претходне тврдње о мешаном, прелазном језичком типу.

Избор је условљен фазом анализе, односно чињеницом да анализу свих семантичких поља пољопривредне лексике Русина у Војводини нисмо завршили. Ипак, сматрамо да материјал који је анализиран, с обзиром на циљ овога рада, може илустровати карактеристике пољопривредне лексике, односно блискост са источнословачким говорима.

богар м „инсект Coleoptera”. Од мађарског *bogár* (Timko, 1998: 88). У Етимолошком речнику украјинског језика ова лексема је такође означена као хунгаризам (Mel'пуџук ур., 1982: I 220). Са истим значењем се ова лексема користи и у закарпатском говору *богар* (Sabadoš, 2008: 28), такође и у источнословачким говорима: *bogar* (Halaga, 2002: 141–142), *bogar, bomgar* (Buffa, 2004: 26).

брана ж „пољопривредна справа за разбијање, дробљење и равнање земље”. Општесловенска лексема: у укр. *борона́* (Bilodid, 1970: I 220), (Mel'пуџук ур., 1982: I 233), рус. *борона́* (Fasmer, 1986: I 196–197), слч. *brána* (Machek, 1957: 64) пољ. *brona* (Brückner, 1985: 41), срп. *брана* (Nikolić, 2007: 106), псл. **borna*. Идентична форма је присутна и у источнословачким говорима: *brana* (Buffa, 2002: 29), (Halaga, 2002: 148), (Ripka, 1994: 153). У украјинским западним дијалектима се среће *борона́* (Bilodid, 1970: I 220), (Mel'пуџук ур., 1982: I 232), (Onyškevyč, 1984: I 67).

вага ж 1. „део запрежних кола” (~ *на коч, ~ на дерлячу, ~ орача, ~ на санки*). 2. „справа за мерење”. Од немачког *Waage* (Kluge, 1957: 829), (Ramač, 1983: 100). Лексема *вага* се среће са значењем справе за мерење тежине и са значењем дела запрежне кочије, односно онога што се у српском означава са *јармац* (Ramač, 2010: 75). Присутна је и у другим словенским језицима: у укр. *вага́* „тежина”, (Mel'пуџук ур., 1982: I 317–318), (Fasmer, 1986: I 263), слч. *váha* „тежина” (Machek,

1957: 674), пољ. *waga* „1. за мерење; 2. део запрежних кола” (Brückner, 1985: 598). У украјинским дијалектима на западу се форма *вага* (Опушкевућ, 1984: I 81) користи са значењем дела запрежне кочије, а у источнословачким дијалектима са оба значења *ваха* (Halaga, 2002: 1097), *vaha* (Buffa, 2004: 296). Према (Mel’нућук, ур. 1982: I 317–318) у украјинском од немачког Waage посредством пољског.

ВИДЛИ мн. „пољопривредна алатка са дугим држаљама и са два, три или четири рога која се користи за сакупљање и преношење сламе, сена, ђубрива”. Општесловенска лексема: у укр. *вила* и *виделка* (Mel’нућук ур., 1982: I 374, 370), рус. *вилы* (Fasmer, 1986: I 314), слч. *vidly* (Machek, 1957: 688–689), пољ. *widły* (Brückner, 1985: 613), (Boryś, 2005: 689), срп. *виле* (Skok, 1971: I 593–594). Од псл. **vidly*. У русинском се група *dl* чува, па поред *видли*, имамо и: *мидло*, *шидло*, *кридло*, *садло*, *модліц ше* (Ramač, 2006: 523).

У западноукрајинским дијалектима се срећу форме у упрошћеном консонантском групом *dl*, па имамо *вилы*, у закарпатским говорима (Sabadoš, 2008: 38), *віла* у хуцулским (Piraš, 2005: 22), а у источнословачким говорима се ова група, као и у русинском језику, чува: *vidly* (Halaga, 2002: 1119), у шаришком *vidli* (Buffa, 2004: 302).

ВИДЕЛКИ / ВИДОЛКИ мн. „двороге виле са дужим држаљама за избацивање снопова пшенице на врх камаре”. Присутно је колебање у коришћењу две форме. Општесловенска лексема: укр. *виделка* (Mel’нућук ур., 1982: I 370), рус. *видёлки* (Fasmer, 1986: I 312), слч. *vidly* (Machek, 1957: 688–689), пољ. *widelki*, *widelec* (Brückner, 1985: 613), (Boryś, 2005: 689), срп. *виле* (Skok, 1971: I 593–594). У источнословачким говорима се користи идентична форма *videlku* мн. (Halaga, 2002: 1119).

ВИМИЧКА ж „влакно које после гребенања на густој гребенаљци остане у руци”. Паралеле основе проналазимо у словенским језицима карпатског ареала: укр. *мікати* „гребенати лан, конопљу” (Mel’нућук ур., 1989: III 458), слч. *mykat’* (Machek, 1957: 384), у пољским дијалектима *тукас* (Mel’нућук ур., 1989: III 458). У западноукрајинским говорима проналазимо форме: бојкивско *микати*, *мыкати* (Опушкевућ, 1984: I 439), *міканка* (Karpenko, 1971: IV 75; 78), закарпатско *мыкати*, „чупати биљку са кореном” (Sabadoš, 2008: 172), хуцулско *міканка* „предиво слабог квалитета” и *мікати* „чупати биљке или косу”, *мічка* „пропуштено место у кошењу” (Zakrevs’ka, 1997: 123) *міканец*, *міканка* „одпад од конопље” (Piraš, 2005: 101). У

источнословачким говорима проналазимо форме *vimički* мн. „трунчица, мрва” (Buffa, 2004: 305).

влакно с „конопља очешљана на гребенаљци”. Паралеле проналазимо у словенским језицима: у укр. *волоknó* (Mel’пуџук ур., 1982: I 419), рус. *волоknó* (Fasmer, 1986: I 342), слч. *vlákno* (Machek, 1957: 693), пољ. *włók* (Brückner, 1985: 627), срп. *влакно* (Nikolić, 2007: 157). Од прасл. **volkъno*. У западноукрајинским говорима: бојківско *волокинє* (Onyškevuč, 1984: I 141), буковинско *волоknó* (Karpenko, 1978: 75). Источнословачки говори познају форму *vlakno* (Buffa, 2004: 310).

гарсц ж „1. мера којом се одређује колико је особа бацила семена при сејању; 2. нарамак наруководаног жита при кошењу с косом (пола снопа); 3. влакно од једног истрљеног снопа конопље”. У другим словенским језицима је присутна у следећим формама: украјинско *гóрстка* „исте”, *гóрсточка* (Mel’пуџук ур., 1982: I 572), (Билодід, 1970: I140), руско *горсть* (Fasmer, 1986: I 444), словачко *hrst’* (Machek, 1957: 185), пољско *garść* (Brückner, 1985: 136), (Boryś, 2005: 156), српско *грст* у *прегрит* (Skok, 1971: I 625). Од псл. **grstь*. У западноукрајинским говорима налазимо следеће форме: бојківско *гóрстка* „исто” (Onyškevuč, 1984: 187), закарпатско *горсть* „~ сакупљених стабала конопље, жита” (Sabadoš, 2008: 51). Идентичне форме налазимо у источнословачким говорима: *harsc* „исто” (Halaga, 2002: 269), *harsc zarna usipala hušom. Harsce lenu brala a stojački z nich robila. Skošene zarno nakladl’i na harsce* (Buffa, 2004: 89).

главка ж „1. на вилама за репу, на врху сваког клина је причвршћена гвоздена куглица која се у русинском језику зове главка; 2. Лексема *главка* се користи и за означавање округлог плода неких повртарских култура нпр. цвекле, белог лука, купуса, сунцокрета”. Општесловенска лексема коју проналазимо са значењем „округли плод биљке”: у укр. *голóвка* „округли плод рошліни” (Bilodid, 1970: I 112), *головá* (Mel’пуџук ур., 1982: I 550), рус. *головá* (Fasmer, 1986: I 429), слч. *hlava* (Machek, 1957: 166), пољ. *glówa, glówka* (Brückner, 1985: 144), (Boryś, 2005: 163), срп. *глава, главица* (Skok, 1971: I 566). Од псл. **golva*. Група *tol* је у русинском као и јужнословенским језицима и у словачком и чешком језику дала групу *tlat* па имамо *глава*, односно *главка* (Ramač, 2006: 513). Ово значење, у нешто другачијој форми, с обзиром на полногласје, налазимо у хуцулском говору, *голбџка* (Рираћ, 2005: 37). У источнословачким говорима налазимо формално идентичну форму као у русинском са значењем „округли плод”: *hlavka* (Halaga, 2002: 273), (Ripka, 1994: 573–574).

гліна ж „растресита материја на земљиној кори”. Општесловенска лексема: у укр. *гли́на* (Mel’nyčuk, 1982: I 524–5), рус. *гли́на* (Fasmer, 1986: I 412), слч. *hlina* (Machek, 1957: 168), пољ. *glina* (Brückner, 1985: 142), срп. *глина* (Skok, 1971: I 569). Од прасловенског **glina*. У бојкивском *гли́нянка* „суд или рупа из које се копа, узима земља” (Onyškevuč, 1984: I 174), хуцулско *глинянка*, *глинище* „рупа са земљом” (Piraš, 2005: 35). Одговарајућу паралелу налазимо у источнословачким говорима: *hlina* (Halaga, 2002: 274), (Ripka, 1994: 576).

градзел м „основни део сваког плуга, гредица која спаја његов предњи и задњи део (и на којем су сви други делови), срп. *грџељ*”. Општесловенска лексема: у укр. *гряді́ль* (Bilodid, 1971: II 184), (Mel’nyčuk ур., 1982: I 608), рус. *гряді́ль*, *греді́ль*, *граді́ль* (Fasmer, 1986: I 467), слч. *hriadel’* (Machek, 1957: 188). Лексема се у овој форми среће само у шарошском говору *hradzel’*, (присутни су и облици *hradel’*, *grandzel’*, *grandzol’*) (Buffa, 2004: 97).

груда ж „земља сједињена у један комад”. Општесловенска лексема: у укр. *гру́да* (Mel’nyčuk ур., 1982: I 603), рус. *гру́да* (Fasmer, 1986: I 463), слч. *hruda* (Machek, 1957: 185), пољ. *gruda* (Brückner, 1985: 159–160), срп. *груда* (Skok, 1971: I 626) Од прасловенског **gruda*. У западноукрајинском бојкивским налазимо *гру́дя* „грудва смрзнуте земље” (Onyškevuč, 1984: I 195), а у буковинском *гру́да* „грудва засушене или смрзнуте земље” (Карпенко, 1971: 96). Такође, и у источнословачком *hruda* „исте” (Buffa, 2004: 99).

гумно с „задње двориште иза куће на селу”. Општесловенска лексема присутна у језицима карпатског ареала: укр. *гумно́* (Bilodid, 1971: II 193), (Mel’nyčuk ур., 1982: I 619), слч. *humno* (Machek, 1957: 190), пољ. *gumno* (Brückner, 1985: 163), (Boryś, 2005: 188). Такође, лексема је присутна и у руском *гумно́* (Fasmer, 1986: I 474) и српском језику *гумно*, *гумно* (Skok, 1971: I 633). Ова лексема је део прасловенске лексике **gumьno* „место у дворишту где стока гажењем врши, распоређене по земљи, снопове одређене житарице” (Mel’nyčuk ур., 1982: 619). Форма гумно се среће у западноукрајинском хуцулском говору *гумно́* (Piraš, 2005: 40) и у источнословачким говорима *humno* (Halaga, 2002: 293), (Buffa, 2004: 100), (Ripka, 1994: 640).

гушеніца (и **гушенічка**) „гусеница, Lepidoptera”. Општесловенска лексема: укр. *гусениця* (Bilodid, 1971: II 197), (Mel’nyčuk ур., 1982: I 625), рус. *гусеница* (Fasmer, 1986: I 477), слч. *hušienica* (Horák, 1991: 85; 433), пољ. *gąsienica* (Brückner, 1985: 137),

(Boryś, 2005: 158), срп. *gusenica* (Skok, 1971: I 635). Од прасловенске форме (v)osěnica, а ово од (v)qsъ „брк“. У западноукрајинским говорима налазимо следеће форме: закарпатско *гусілниця* (Sabadoš, 2008: 54), хуцулско *гусельниця* (Закревська, 1997: 50), (Piraš, 2005: 41). Формално ближе форме проналазимо у источнословацким говорима: *husenica* (Halaga, 2002: 295), *hušeñica* (Buffa, 2004: 101), (Ripka, 1994: 643).

газ м „1. коров; 2. „смеће које остане после чишћења, селектовања зрна“. У русинском језику од мађарског *gaz* (Szarvas, 1890: I 1069). Према Рамачу, лексема је у истој форми, са значењем „коров“ присутна и у карпатским говорима (Ramač, 1983: 116). Ми је међутим, не проналазимо у доступним речницима источнословацких или западноукрајинских говора.

гордон м „стричак, (паламида, бодаљ) *Carduus crispus* L. или осјак, (бода, бодеж) *Cirsium vulgare* (Savi) Tem“. У насељеном месту Куцура је забележена и форма *гордонь* са истим значењима. Од мађарског *gordon* (Szarvas, 1890: I 1109) и *gordony* „коров“ (Timko, 1998: 21). У источнословацким дијалектима налазимо форму *gordañ* (Buffa, 2004: 83).

доліна ж „места, близу села, испуњена водом у којима се мочила конопља“. Словенски језици познају ову лексему са основним значењем: укр. *доліна* (Mel’nučuk ур., 1982: II 106), пољ. *dolina* (Sobol, 2005: 146), срп. *долина* (Nikolić, 2007: 302). Од прасл. **dolъ*. У западноукрајинским говорима са значењима „доњи део предмета и низија“: бојкивско *долена* (Onuškevuč, 1984: I 226), бук. *доліна*, *долена* (Karpenko, 1971: I 33), хуцулско *доліна* (Piraš, 2005: 50). У источнословацким говорима: *dolina* са значењима „долина“ (Buffa, 2004: 58), али и „јама, гроб“ (Ripka, 1994: 640).

драбина (и **драбинка** дем.) ж 1. „мердевине, справа обично од дрвета, направљена од две напоредне гредице са хоризонтално постављеним пречкама“; ~ *до пойда*. 2. „део запрежних кола у форми мердевина, страница“; *накласц до, по* ~. Од немачког *treppe* / *trappe* (Kluge, 1957: 787). Лексема је присутна и у другим словенским језицима: укр. *драбина* „део запрежних кола“ (Mel’nučuk ур., 1985: II 119), рус. *дрябы* са значењем „део запрежних кола“ (Fasmer, 1986: I 546), пољ. *drabina* „оба значења“ (Boryś, 2005: 122), слч. *drabina* „део запрежних кола“ (Machek, 1957: 125). Према Mel’nučuk, Боришу прасловенско **drab*, могуће, у вези са средње-високо-немачким *treppe* / *trappe* (данас *Treppe*). У говорима карпатског ареала ова лексема се

среће у следећим облицима са оба значења: у бојкивском *драб*, *драбіна* (Опушкевућ, 1984: I 231), буковинско *дра́би*, *драбіне*, *драбіни* (Карпенко, 1971: II 37–38), хуцулско *дра́би* мн., *драбу́га* (Zakrevs'ka 1997: 62), *драбіни* (Pipaš, 2005: 50). Такође, и у источнословачким говорима са оба значења: *drabina* (Halaga, 2002: 220), *drabina* „исто (rebrík na voze)” *na pujd še išlo po drabiňe*, *V drabinoch še vozi zarno*, и *drabinka* (Buffa, 2004: 61), (Ripka, 1994: 378).

друк м „основни део опреме који повезује запрегу, плуг или друге прикључне машине и направе”. Општесловенска лексема: укр. *друк*, слч. *druk* „дручок” (Fasmer, 1986: I 543, 544), пољ. *drag* „дуго, грубо дрво” (Boryś, 2005: 124). Од прасловенске форме **drōgъ*. У западноукрајинском бојковском налазимо форму *друг* „розвора” (Опушкевућ, 1984: I 235), у хуцулским се са формом *друк* означава „ленштина, нерадник” (Zakrevs'ka, 1997: 64). У источнословачким говорима *druk* (Halaga, 2002: 225), *druk* „дебља палица” (Buffa, 2004: 64).

жац -жнем „сакупљати сазрелу конопљу помоћу косира”. Општесловенска лексема: укр. *жа́ти* (Mel'nyčuk ур., 1982: I 188), рус. *жать* (Fasmer, 1986: I 36), слч. *žať*, *žnet* (Machek, 1957: 1957: 728), пољ. *żąć* (Brückner, 1985: 662–663), срп. *жети* (Nikolić, 2007: 370). Од псл. **žeti*, *žьnq*. У бојковском говору налазимо форму *жа́ти* (Опушкевућ, 1984: I 249). У источнословачким говорима присутна је идентична форма *žac* (Buffa, 2004: 334).

железо (и **железко**) с „оштри гвоздени део плуга који при орању сече земљу”. Општесловенска лексема: у укр. *за́лізо*, *желе́зо* (Bilodid, 1971: II 190), (Mel'nyčuk ур., 1982: I 228–229), рус. *желе́зо*, *зелёзо* (Fasmer, 1986: I 42), слч. *žezezo* (Machek, 1957: 725), пољ. *żelazo*, *żelazko* (Brückner, 1985: 664), (Boryś, 2005: 753–754). Лексема *железо* се у овој форми налази у источнословачким говорима: у шаришком *žel'ezo* (Buffa, 2004: 333). У западноукрајинским дијалектима се срећу нешто другачије форме: у бојковском *желе́зо*, *желе́изо*, *жалі́зо* (Опушкевућ, 1984: I 250), у буковинском *желе́изо*, *жили́зо*, *зали́зо*, *зелі́зо* (Карпенко, 1972: III 63).

заграда ж „мање парче земље на којем се сади поврће, најчешће близу куће или салаша”. Лексема је присутна и у другим словенским језицима: у укр. *загоро́да* „ограђени простор” (Bilodid, 1972: III 85), слч. *záhrada* „башта, врт, воћњак” (Hořák, 1991: 724). Од псл. **gordъ*. Полногласје није карактеристично за русински језик. У западноукрајинским говорима налазимо форму *загорода*: бојковско

zágoroda „ограђени простор” (Onyškevuč, 1984: I 267), бук. *zágoroda* „друго” (Karpenko, 1972: III 15), закарпатско *zágoroda* „друго” (Sabadoš, 2008: 93), хуцулско *zágoroda* „град, двориште, башта” (Piraš, 2002: 59). Према Муличаку, у украјинским говорима у Словачкој се поред форми *загорода*, *загорідка* користи и форма *заграда* (Mulyčak, 1995: 283). У источнословацким говорима налазимо идентичне форме *zahrada* „исто” (Halaga, 2002: 1251), *zahrada* „воћњак” и *zahratka* „исто” (Buffa, 2004: 316).

кабел -бла м „суд за воду, ведро”. Према Рамачу, од (старонемачког) германизма *kubil*, (савремено) *Kübel* (Kluge, 1957: 408), (Duden, 1963: 374), још у прасловенској епохи *kъblъ* (Рамач, К330). На истом месту се Хнаћуковој претпоставци о српском пореклу ове лексеме супротстављају паралеле из говора карпатског ареала: бојковско *кобиля* (Onyškevuč, 1984: I 362), хуцулско *кобел* (Закревська, ур. 1997: 97), *кобел*, *кобелі* (Piraš, 2005: 80). С друге стране, у источнословацким говорима налазимо идентичне форме *kabel* (Halaga, 2002: 321), (Buffa, 2004: 115). У другим словенским језицима се срећу следеће форме: у укр. *кобеля* (Mel’nyčuk ур., 1982: I 476), рус. *кобел* „мера” (Fasmer, 1986: II 267), слч. *kabela* (Machek, 1957: 247), пољ. *kobialka* (Boryś, 2005: 240), срп. *кабел* (Skok, 1972: II 8–9).

камень м „плъсната плоча од камена која гњечи, меље зарно”. Лексема је општесловенска и припада прасловенској лексици **kamъ*. У западноукрајинским хуцулским се среће форма *ка́минь* са значењем „део разбоја, комад соли” (Piraš, 2005: 75). У речницима источнословацких говора забележене су форме *каміњ* (Halaga, 2002: 325), *камењ* (*mlinek mal verchňi a spodňi камењ*) (Buffa, 2004: 117).

клочѐ с „остаці гребенане конопље најлошијег квалитета”. Општесловенска лексема: укр. *клок* и *клóччя* (Mel’nyčuk ур., 1985: II 464; 466), рус. *клок* (Fasmer, 1986: II 252), слч. *klk* (Machek, 1957: 258), пољ. *klak* (Brückner, 1985: 236), срп. *кучине* (Nikolić, 2007: 621). Од прасл. **klъkъ*. У вези са **kolti* „бости”, од литванског *kūlti* „млатити, тући” (Mel’nyčuk ур., 1985: II 464). У хуцулском говору са истим значењем је присутна форма *клоч’и* (Piraš, 2005: 80), а у источнословачком *клоѐ* (Halaga, 2002: 341).

колесо с „точак”. Лексема *колесо* у украјинском књижевном језику има форму *кóлесо* (Bilodid, 1973: IV 219), *кóлесо* од *кóло* (Mel’nyčuk ур., 1985: II 514–515), слч. *kolieska*, *koleska* (Machek, 1957: 270), пољ. *koło* (Boryś, 2005: 245), (Brückner, 1985: 247–248), срп. *коло*, *колесо* (Skok, 1972: II 126). Од прасловенског **kolo*. У

западноукрајинским говорима, с истим значењем налазимо следеће форме: бојковско *кóлесо* и *коло*, *колёса*, *колiса* (Onuškevuč, 1984: I 366), закарпатско *колесарити* „правити точкове, колеса”, *колесáрь* „колесар и презвиско” (Sabadoš, 2008: 147), хуцулско *кóлесó* (Zakrevs’ka, 1997: 98), *кóлесо* (Piraš, 2005: 81). У источнословачким говорима налазимо форму *koleso* (Halaga, 2002: 348), и *kol’eso* (Buffa, 2004: 128), (Ripka, 1994: 800).

коляй м „у земљи урезани трагови точкова од запреге”. Лексема је словенског порекла чије паралеле проналазимо у више словенских језика: у укр. *кóлія* (Mel’nyčuk, 1985: II 514), *колей* (Fasmer, 1986: I 290), слч. *kol’aj* (Machek, 1957: 268), пољ. *kolej* (Brückner, 1985: 245), од прасловенског *kolēja а ово од *kolo* „колесо, точак”. У западноукрајинских говорима налазимо: *кóлій* „железница, гайзибан” у бојковском (Onuškevuč, 1984: I 367), хуцулском *кóлія* „железница, воз” (Zakrevs’ka, 1997: 99). Такође, у источнословачким говорима *kolej* (Halaga, 2002: 347), *kol’aj* (Buffa, 2004: 128), (Ripka, 1994: 798).

коса (и **ручна** ~) ж „ручна алатка са дрвеном држаљом и оштрим сечивом за кошење житарица и траве”. Општесловенска лексема: у укр. *косá* (Bilodid, 1973: IV 304), (Mel’nyčuk ур., 1989: III 48), рус. *косá* (Fasmer, 1986: II 345), слч. *kosa* (Machek, 1957: 280), пољ. *kosa* (Brückner, 1985: 259), (Boryś, 2005: 251), срп. *коса* (Skok, 1972: II 161). Лексема је у овој форми присутна и у западноукрајинским бојковском *косá* (Onuškevuč, 1984: I 380) и источнословачким дијалектима: *kosa* (Halaga, 2002: 356), (Buffa, 2004: 132), (Ripka, 1994: 833).

коцка ж „парче земље у форми коцке”. Лексема *коцка* (Szarvas, 1891: II 327), је у мађарском позајмљеница из словенских језика, од псл. *kostьka „кошчица” (Ramač, 378), (Mel’nyčuk ур., 1989: III 64). У овој форми лексема *коцка* је присутна и у српском језику (Nikolić, 2007: 577), укр. *коцка*, слч. *коцка* (Mel’nyčuk ур., 1989: III 64). Такође, овај мађаризам налазимо у западноукрајинском бојковском *кóцка* (Onuškevuč, 1984: I 152), хуцулском *кóцка* „коцка шећера” (Piraš, 2005: 85). Иста форма забележена је и у источнословачким говорима *коцка* (Halaga, 2002: 344). Представљене паралеле се срећу са значењима „коцка шећера, предмет у форми коцке” али не и са значењем површине поља које налазимо у русинском језику у Војводини. Могуће је да се лексема са овим значењем користи и у другим језицима.

коч м „1. превозно средство; 2. наслaгано житo на запрези”. Овај хунгаризам *kocsi* (Szarvas, 1891: II 328) је формиран према називу села *Kocs* у Мађарској из којег су људи (у 15. и 16. веку) на том превозном средству превозили путнике из Будима у Пешту или Беч. Лексема је у овој форми присутна у украјинском књижевном језику *коч* (Bilodid, 1973: IV 314), у којем се нашла посредно из пољскогo језика у 17. веку (Mel’nyčuk ур., 1989: III 65). У таквој форми је и у словачком језику *koč* (Machek, 1957: 265–266), такође и у пољском *kocz*, *koczyk* (Brückner, 1985: 242–243). У западноукрајинском хуцулском говору проналазимо форму *кочія* (Piraš, 2005: 85), а за источнословацке говоре су карактеристичне форме *коџ* и *киџ* (Halaga, 2002: 344), (Buffa, 2004: 126), (Ripka, 1994: 794).

кошар м „цилиндрични суд исплетен од прућа за чување и краћи транспорт”. Општесловенска лексема: у укр. *кіш* „кошара” (Mel’nyčuk ур., 1989: III 451), рус. *кош* „кошар” (Fasmer, 1986: II 359), пољ. *kosz* „кошара” (Brückner, 1985: 259–260), (Boryś, 2005: 441), слч. *koš* „за хватање рибе” (Machek, 1957: 427), од псл. **košь*. У свим језицима је то предмет исплетен од прућа, већи или мећи, за чување оваца или зрна. Ова реч је у мађарском добила форму *kosár*, а у том облику, са значењем „плетена корпа, суд за преношење ствари”, се раширила по словенским језицима. Лексему *кошар* у овој форми налазимо и у украјинском, пољском и словачком језику са значењем „корпа” (Mel’nyčuk ур., 1989: III 67), (Machek, 1957: 282), (Brückner, 1985: 260). Такође и у словачким и украјинским дијалектима: у бојковском *кошáр*, али и форма *кóшик* „корпа за кромпир” (Onyškevyč, 1984: I 383), у закарпатском *кошáр* (Sabadoš, 2008: 152). У словачким источним говорима се ова форма користи са истим значењем *košar* (Halaga, 2002: 358), али и са значењем „ограђено место за овце”. Такође, налазимо *коџ*, *киџ* са значењем „ограда на запрези од прућа” (Buffa, 2004: 133).

кошиско с „држаље за косу”. Ова форма се користи и у источнословацким дијалектима *košisko* (Buffa, 2004: 133).

лавка ж „формирана гомила конопље у мочилима преко које је насипано блато”. Данас је основно значење ове лексеме „клупа”. Општесловенска лексема са значењима „клупа, радња и прелаз преко воде”: укр. *лáвка* (Mel’nyčuk ур., 1989: III 175–176), рус. *лáва* (Fasmer, 1986: II 444), слч. *lávka* (Machek, 1957: 322), пољ. *lawka* (Brückner, 1985: 307). Од прасл. **lava*. У бојковском, буковинском и хуцулском говору, лексема *лáвка* се користи са значењима „клупа и прелаз преко воде”: (Onyškevyč, 1984: I 401), (Karpenko, 1978: V 6), (Zakrevs’ka,

1997: 108). Са овим значењима и у источнословачким говорима: *lavka* (Halaga, 2002: 390), (Balleková et al., 2006: 37), *lafka* (Buffa, 2004: 146). Према Дзендзељивском ова лексема је најпре значила „клуба” да би касније развила значење „клада, прелаз преко воде” (Dzendseliv’s’kuj, 1969: 82–83).

ланц (и **ланец**) м „мера за површину (7.193 м²)” (Ramač, 2010: 358). Лексема *ланц* је мађарског порекла, *lánc*. У русинском језику могуће, посредно из српског. Ова лексема заменила је стару меру *ютар* (Vlajinas, 1964: 519). Лексему *ланц* налазимо и у западноукрајинским говорима: бојковско *ланц* „исто” али и форме *ланцок*, *ланцух* (Onuškevuč, 1984: I 403), буковинско *ланц*, *ланиц* „исто” *Ланц то була нива...* (Karpenko, 1971: 13), хуцулско *ланц* „исто” (Zakrevs’ka, 1997: 109), (Piraš, 2005: 91). У источнословачким говорима налазимо следеће форме: *lanc*, *lancuch* „железни ланац” (Buffa, 2004: 147).

лобода ж 1. „лобода *Atriplex hortensis* L.; 2. *Chenopodium* L.”. Општесловенска лексема која у словенским језицима има следеће форме: укр. *лободá* (Bilodid, 1973: IV 536), (Mel’nučuk ур., 1989: III 276), рус. *лободá* и *лебедá* (Fasmer, 1989: II 469), слч. *lebeda* и *loboda* (Machek, 1957: 323), пољ. *lebioda*, *loboda* (Brückner, 1985: 292, 310), (Boryś, 2005: 281), срп. *лобода* (Skok, 1972: II 312). Од прасловенске форме **elbeda* / *olboda*. Данашње форме су резултат метатезе ликвидације од корена *elb-* / *olb-* које је сродно са лат. *albus* „бели“, *-da* збирни суфикс (Brückner, 1985: 292; 310). У западноукрајинским говорима ову лексему налазимо у истој форми: бојковско *лободá* (Onuškevuč, 1984: I 416), закарпатско *лободá* „јело слабог квалитета” (Sabadoš, 2008: 162). У источнословачким говорима су присутни *lebeda*, *loboda* (Halaga, 2002: 391; 400), (Buffa, 2004: 238), (Balleková et al., 2006: 78).

лопата ж „плосната гвоздена или дрвена алатка са дрвеним држаљама, за пребацивање терета”. Назив је настао према асоцијацији на широки лист. Исти прасловенски корен **lor-uhъ* „који има широке, плоснате листове” (Mel’nučuk ур., 1989: III 289) је присутан и у називу биљке *лопух*, *лопуше* “лопух, лопушац, репух”, која има широке листове (Ramač, 1983: 141). Општесловенска лексема: у укр. *лопáта* (Bilodid, 1973: IV 545), (Mel’nučuk ур., 1989: III 287), рус. *лопáта* (Fasmer, 518: II 519), слч. *lopata* (Machek, 1957: 339), пољ. *lopata* (Brückner, 1985: 312), (Boryś, 2005: 301), срп. *лопата* (Skok, 1972: II 318). Присутна је у западноукрајинским говорима: у бојковском *лопата* (Onuškevuč, 1984: I 417) и источнословачким говорима: *lopata* (Halaga, 2002: 401), (Buffa, 2004: 149), (Balleková et al., 2006: 85).

лопух м „чичак, *Arctium minus* (Hill.) Bernh”. Збирни назив *лопуше* означава биљку лопух, (лопушац, репух), *Petasites hybridus*. Лексема *лопух* је општесловенска, а у словенским језицима означава више биљака са великим лишћем: укр. *лопух* (Bilodid, 1973: IV 547), (Mel’nyčuk ур., 1989: III 289–290), рус. *лопух* (Fasmer, 1986: II 520), слч. *lorúch* (Machek, 1957: 340), пољ. *lorian*, *loruch* (Brückner, 1985: 312), (Boryś, 2005: 302). Од прасловенског *lor-uhъ. „онај који има широко лишће“. Од исте основе и лексема *лопата*. Идентичне форме проналазимо у западноукрајинским говорима: бојковском *лопух* (Onyškevyč, 1984: I 418), хуцулском *лџпух* и *лунух* (Zakrevs’ka, 1997: 114), (Pipaš, 2005: 95). Такође и у источнословацким говорима: *loruch* (Halaga, 2002: 401), (Buffa, 2004: 149), *lorúch* (Balleková et al., 2006: 87).

луки мн. „ливада, односно место обрасло травом за кошење или напасање стоке”. Форма једнини (*лука*) забележена само код Хнађука (Ramač, 1983: 141). Лексеми налазимо у више словенских језика: у укр. *лука* (Mel’nyčuk ур., 1989: III 302), рус. *лука* (Fasmer, 1986: I 531), слч. *lúka* (Machek, 1957: 341), пољ. *ląka* (Brückner, 1985: 308), од прасловенског *lŭka. Такође, и у западноукрајинском бојковском *лука* „место близу куће где се коси трава” (Onyškevyč, 1984: I 419) и источнословацким говорима *luka* (Buffa, 2004: 238), *lúka* (Balleková et al., 2006: 94–95).

магазин м „просторија, објекат у који се смешта жито или друга летина”. Лексема је присутна у више европских језика: нем. *Magazin*, (Duden, 1963: 415), мађ. *magazin*, фр. *magazin*, итал. *magazzino* (Ramač, 389). У овој форми лексема је присутна и у другим словенским језицима: укр. *магазин* (Bilodid, 1973: IV 589), (Mel’nyčuk ур., 1989: III 351), рус. *магазин* (Fasmer, 1986: II 554–555), пољ. *magazyn* (Brückner, 1985: 317), срп. *магаџин* (Драгин, 1991: 34). Такође и у дијалектима карпатског ареала: у украјинском бојковском *магазин* „магазин, комора, склад” (Onyškevyč, 1984: I 425), и источнословацким говорима *magazyn*, *magazjin* (Halaga, 2002: 408), (Buffa, 2004: 155).

мажа ж „1. одређена измерена количина терета (у новије време 500 кг); 2. „вага за мерење већих терета”. Од мађарског *mázsa* (Szarvas, 1891: II 711) које је испрва значило „одређена измерена количина терета”, а чије значење се касније специјализовало, сузило на означавање „100 килограма”. Ова лексема је у 18. веку у мађарском језику имала и значење „вага за мерење већих терета” (Ramač, M409). У речницима западноукрајинских дијалеката форма *мажа* означава меру без информације о тачној вредности, количини (Sabadoš, 2008:

166), (Piraš, 2005: 97). Само у источнословачком ова лексема *тажа* има значење „100 килограма” (Piraš, 2005: 97).

медведз (и **медведзик**) м „1. велики инсект *Gryllotalpa vulgaris* који копа подземне канале и уништава корење младих биљака; 2. справа за поливање њиве коју покреће коњ”. Општесловенска лексема: укр. *медвідь* (Bilodid, 1973: IV 663), *медвѣдик* (Mel’nyčuk ур., 1989: III 427), рус. *медведка*, *медведь* (Fasmer, 1986: II 589), слч. *medved’* (Machek, 1957: 357), пољ. *niedźwiedz* (Brückner, 1985: 361), (Boryś, 2005: 360), срп. *медвед* (Skok, 1972: II 398). Од прасловенског *medvĕdъ. У западноукрајинском буковинском *медвѣдик* (Karpenko, 1978: V 69), закарпатском *медвѣдик* (Sabadoš, 2008: 170) паралеле имају исто значење. Такође, и у источнословачким говорима: *medzvedzik* (Halaga, 2002: 419), *medzvedz*, *medvedz* (Buffa, 2004: 158), (Balleková et al., 2006: 145).

метер -тера м „мера, сто килограма”. У русинском од мађарског *meter* (Ramač, 1983: 58) или српског *метар* (Nikolić, 2007: 702–703). У говорима карпатског ареала налазимо идентичне форме. Речници западноукрајинских закарпатски говора бележе лексему *мѣтер* „мера дужине и тежине” (Sabadoš, 2008: 171), у хуцулском *мѣтер* „мера дужине” (Zakrevs’ka, 1997: 122). Такође у источнословачким шаришким говорима *meter* „исто” *predal meter zarna* (Buffa, 2004: 160), (Balleková et al., 2006: 157). На основу форме ових паралела из карпатског ареала може се претпоставити да је ова лексема стари мађаризам који су Русини прихватили у старом крају пре досељавања у Бачку.

метла ж „алатка која се користи за чишћење дворишта и помоћних објеката”. Општесловенска лексема: у укр. *мітла* (Bilodid, 1973: IV 756), од *містлi* (Mel’nyčuk ур., 1989: III 486), рус. *метла* (Fasmer, 1986: II 610), слч. *metla* (Machek, 1957: 361), пољ. *miotła*, (Brückner, 1985: 336), (Boryś, 2005: 327), срп. *метла* (Nikolić, 2007: 704). Од псл. *metъla, од *mesti, *meto, са суфиксом *-ъla. Присутна је у западноукрајинским дијалектима: бојковско *мітла* (Onyškevuyč, 1984: I 445), буковинско *мітла* (Karpenko, 1978: V 81). Такође, и у источнословачким: *metla* (Halaga, 2002: 423), (Buffa, 2004: 160), (Balleková et al., 2006: 157).

мех м „платно зашивено са две стране и отвором на врху”. Општесловенска лексема: у укр. *міх*, *мішок* (Bilodid, 1973: IV 757), (Mel’nyčuk ур., 1989: III 487), рус. *мех* (Fasmer, 1986: II 612), слч. *tech* (Machek, 1957: 358), пољ. *miech* (Brückner, 1985: 331), (Boryś, 2005:

322–323). Од псл. *měchъ. У западноукрајинским бојковским и закарпатским говорима имамо нешто другачију форму: *mix* (Onyškevuč, 1984: I 445), (Sabadoš, 2008: 174), а у источнословацким, идентичну: *mech* (Halaga, 2002: 418), (Buffa, 2004: 160), (Balleková et al., 2006: 147).

мечик м „део справа *гладњица* и *церљица* у форми малог мача који при трљењу, трепању конопље сецка, ломи стабла”. Лексема је присутна у украјинском језику *мечик* (Bilodid, 1973: IV 698), од *меч* (*ударна частина терниці*) (Mel’nyčuk ур., 1989: III 454–455). Основа од које је изведена лексема је присутна и у другим словенским језицима: рус. *меч* (Fasmer, 1986: II 613, 614), слч. *meč* (Machek, 1957: 357), пољ. *miecz* (Brückner, 1985: 331), (Boryś, 2005: 323), срп. *мач* (Skok, 1972: II 345). Од псл. *mečъ. Идентичне форме са одговарајућим значењем проналазимо у бојковском *мечик* (Onyškevuč, 1984: I 438), хуцулско *мечик* (Zakrevs’ka, 1997: 122), такође, и у источнословацким говорима *mečik* (Halaga, 2002: 417), (Buffa, 2004: 158), (Balleková et al., et al. 2006: 142).

мирка ж „1. суд као мера; 2. процент који добија извршитељ и услуге, срп. ушур”. Форму *мирка* налазимо у украјинском језику у форми *мірка* са значењем „суд као мера од 16–25 кг” (Билодід, 1973: IV 746); у пољ. *miara* (Boryś, 2005: 321). Од псл. *měra. У западноукрајинским говорима налазимо идентичну форму. У закарпатском говору *мірка* означава суд од 3–5 кг (Sabadoš, 2008: 173), хуцулско *мірка*, *мирѣнка*, *миртук* „суд (2 кг)” (Zakrevs’ka, 1997: 124), (Piraš, 2005: 102). Ову форму налазимо и у источнословацким говорима *mirka* без информације колико килограми има суд (Halaga, 2002: 426).

млїн м „објекат који покреће вода, пара, коњи или машина, а у којем се меље зрно или омекшава конопља”. Лексема *млїн* општесловенска именица присутна у карпатском ареалу: укр. *млин* (Bilodid, ур. 1973: IV 764), (Mel’nyčuk ур., 1989: III 489), слч. *mlun* (Machek, 1957: 369), пољ. *mlun* (Brückner, 1985: 341), (Boryś, 2005: 332–333). Такође, и у српском језику *млин* (Skok, 1971: 443), (Dragin, 1991: 33). Она је део старог прасловенског слоја *mьlїnь. У западноукрајинским дијалектима присутне су форме: *млиниць*, *млинойко* „исто”, у бојковском (Onyškevuč, 1984: I 447), *млинецъ* „исто”, у закарпатском (Sabadoš 2008: 174), *млинец* „ручни млин”, *млинок* „машиница за месо” (Zakrevs’ka, 1997: 124) и *млинок* „вејалица” у хуцулском (Piraš, 2005: 130). 3 друге стране, у источнословацким говорима налазимо идентичне форме: *mlin* „исто”

(Halaga, 2002: 429), (Buffa, 2004: 163), *ml'in* и *mlyn*, *mlin*, *min*, *mleń*, *mlejń* (Balleková et al., 2006: 142).

млїніца ж „млин, нижи објекат са кровом од трске или црепа у форми купе чији механизам покрећу коњи. Овај објекат се у русинском језику у Војводини чешће означава србизмом *сувач*”. У украјинским говорима источне Словачке налазимо и лексему *млиніца* „објекат у којем се налази механизам млина” (Sopolyha, 1976: 474). Форма *ml'iniца*, *mlinica* „део млина” присутна у источнословачким говорима (Buffa, 2004: 163).

мотика ж „алатка са гвозденим плоснатим делом на дрвеним држаљама за ручно окопавање земље”. Општесловенска лексема: У укр. *motika* (Bilodid, 1973: IV 810–811), (Mel'nyčuk ур., 1989: III 521), рус. *моты́ка* (Fasmer, 1986: II 665), слч. *motyka* (Machek, 1957: 375), пољ. *motyka* (Brückner, 1985: 345), (Boryś, 2005: 337), срп. *мотика* (Skok, 1972: II 460). У овој форми, лексема мотика је присутна у западноукрајинском бојковском *motika* (Onyškevyč, 1984: II 453) и источнословачким дијалектима: *motika* (Halaga, 2002: 435), (Buffa, 2004: 164), *motyka* (Balleková et al., 2006: 195). За украјинске говоре је такође карактеристична лексема *sana* (Dzendzelivs'kyj, 1959: 51).

мочиц -им „мочити конопљу у мочилима”. Општесловенска лексема: укр. *mochiti* (Mel'nyčuk ур., 1972: III 422), рус. *мочи́ть* (Fasmer, 1986: II 666), слч. *močiť* (конопе) (Machek, 1957: 371), пољ. *moszyć* (Brückner, 1985: 343), срп. *мочити* (Nikolić, 2007: 734). Од прасл. **močiti*. У бојковском говору проналазимо форму *mochiti* (Onyškevyč, 1984: I 455), источнословачки говори познају форму *močic* (Buffa, 2004: 163).

паздзере (и **паздерче**) с „остаци истрљене конопље који испадају из трлице”. Општесловенска лексема: укр. *паздір* (Mel'nyčuk ур., 2003: IV 254), рус. *па́здер* (Fasmer, 1987: III 185–186), слч. *pazderie* (Machek, 1957: 439), пољ. *paździez* (Brückner, 1985: 400–401), срп. *паздер* (Nikolić, 2007: 957). Од псл. **pazderъ*, *pozderъ*. Према Fasmer, у, у вези са лексемом *драти* префиксацијом са паз- или поз-. У западноукрајинском бојковском су са истим значењем присутне форме *паздеро*, *паздіря* (Onyškevyč, 1984: II 34), закарпатско *паздеріна*, *паздіре* (Sabadoš, 2008: 216). У источнословачким говорима проналазимо форме *pazdzere*, *pazdzir* (Halaga, 2002: 645), *pazdzere*, *pazdere*, *pazdzire* (Buffa, 2004: 201), *pazdzere* (Balleková et al., 2006: 755).

пайта ж „амбар, зидан са стране, поред куће”. Овај мађаризам *pajta* (Szarvas, 1891: II 1213) је у русинском језику, вероватно, прихваћен пре досељавања, с обзиром на источнословачко *pajta* (Halaga, 2002: 633), (Balleková et al., 2006: 699). Лексема је у украјинском језику присутна у форми *пóйтa* „објекат за снопове, за сушење дувана” (Mel’nyčuk ур., 1989: III 481). Лексема *pajta* је у мађарски језик дошла из јужнословенских језика где је присутна форма *pajata* (Skok, 1973: III 695), (Рамаћ, ПЗ). Мађарска форма сугерише да смо ову лексему могли прихватити и после досељавања.

парлаг м „необрађена земља, парлог”. Од мађ. *parlag* (Szarvas, 1891: II 1239). По Махеку мађарско *parlag* из словенских језика од префикса *pre-* *loh* и *ležati* са истим значењем „њива која је једну годину остављена необрађена како би одморила, прележала”. У русинском из мађарског које смо вероватно примили у старом крају. Томе у прилог иде и форма *парлаг* у украјинским западним говорима, бојковска форма *переліг* (Onyškevyč 1984: II 51). Блиске русинској су и источнословачке форме *parlak*, *parlagy* (Halaga, 2002: 640). Лексема се јавља код Словака у Војводини у форми *parlak* са значењем којим се означава необрађени, запуштени виноград али и уопште необрађена земља (Filip, 1984/5: 90).

пачески мн. „остаци од гребенања влакна”. Општесловенска лексема: рус. *пáчесы* мн. (Fasmer, 1987: III 223), слч. *pačesy* (Machek, 1957: 100), пољ. *pacześ* (Brückner, 1985: 390). Према Fasmer, у ова лексема је изведена од префикса *pa-* и *česati*, *češq* (Fasmer, 1987: III 223). У источнословачким говорима проналазимо форме *pačeski*, *pačesi* (Buffa, 2004: 196), *pačesky* (Balleková et al., 2006: 690).

плєвнїк (или **плєвнїкар**) м „објекат у коју се смешта плеву”. Лексеме су изведене од општесловенских именица *плева* (**pelva*) које се у словенским језицима јављају у следећим формама: укр. *полóва* (Bilodid, 1973: IV 87), (Mel’nyčuk ур., 2003: IV 496), рус. *полóва* (Fasmer, 1987: IV 312), слч. *pleva* (Machek, 1957: 459–460), пољ. *plewa* (Brückner, 1985: 418), (Boryś, 2005: 441), срп. *плева* (Nikolić, 2007: 934). Од псл. **pelva*. Форму идентичну русинској форми *плєвнїк*, налазимо у источнословачким говорима: *plevnik* (Halaga, 2002: 666), (Buffa, 2004: 209), *plevnik* (Balleková et al., 2006: 832).

плуг м „справа за орање земље”. Од нем. *Pflug* (Kluge, 1957: 545), (Duden, 1963: 506) или од глагола *plužiti* „вући се по земљи” (Mel’nyčuk ур., 2003: IV 455–456). У словенским језицима: укр. *плуг* (Bilodid, 1975: VI 595), (Mel’nyčuk ур., 2003: IV 455–456), рус. *плуг*

(Fasmer, 1987: III 287), слч. *pluh* (Machek, 1957: 463–464), пољ. *plug* (Brückner, 1985: 422), (Boryś, 2005: 447), срп. *пљуг* (Nikolić, 2007: 936). Стара позајмљеница присутна још у прасловенском периоду **plugъ*. У дијалектима карпатског ареала: у западноукрајинском бојковском *пљуг* (Opuškevuč, 1984: II 82) и источнословачком *pluh* (Halaga, 2002: 605), (Buffa, 2004: 208), (Balleková et al., 2006: 840).

пoйд (и **пoйдзик** дем.) м „просторија непосредно под кровом која је коришћена за смештање сакупљеног жита, кукуруза и сушење дувана”. Иста просторија мањих димензија означава се са деминутивном формом. Од именице *под* (псл. **rodъ*.) „доња површина просторије” са значењем „доња површина под кровом, изнад просторије” (Machek, 1957: 497). У источнословачким говорима се срећу форме: *pujd, pojd* (Halaga, 2002: 828), (Buffa, 2004: 234).

порвазок м „канап исплетен од конопље”. Деминутивном формом *порвацок* се означава канап мањих димензија. У основи ове речи је прасловенски корен **vorz* који је у превоју са **verz* (у порвисло) (Ramač, 1983: 163). Према Боришу од **porovzъ* (Boryś, 2005: 475). Сличне форме су присутне и у источнословачким говорима: *porvazěk* (Halaga, 2002: 728), *porvazek, porvašček* (Buffa, 2004: 217).

порвисло с „за везање снопова пшенице или друге житарице некада је кориштен уплетени раж, односно уже”. Општесловенска лексема: у укр. *перевéсло* (Bilodid, 1975: VI 139), (Mel’nyčuk ур. 2003: IV 339), рус. *перевясло* (Fasmer, 1987: III 236), слч. *povrieslo* (Machek, 1957: 477), пољ. *powrósto* (Brückner, 1985: 433), (Boryś, 2005: 475), срп. *повријесло* (Skok, 1972: II 18). Од псл. **poverslo*. У западноукрајинском хуцулском је забележена лексема *перевéсло* (Zakrevs’ka, 1997: 135), а у источнословачким говорима имамо форме *porvislo* (Halaga, 2002: 728), и *porvislo, povrislo, povirislo, povereslo* (Buffa, 2004: 218).

пориско с „држаље”. Форма *пориско* је настала отпадањем почетног *то-* од *то-пориско* (Ramač, П609). Општесловенска лексема коју у словенским језицима налазимо у старијој форми са значењем одређене врсте секире: у укр. *топорісько, топоріице* (Bilodid, 1979: X 198), рус. (Fasmer, 1987: IV 79), слч. *topor* (Machek, 1957: 647), пољ. *topor* (Brückner, 1985: 573), (Boryś, 2005: 638). Од псл. **topogъ*. У западноукрајинским дијалектима (бојковском, хуцулском) срећемо ову старију форму са значењем „дрвена дршка секире” *топоріице* (Opuškevuč, 1984: II 296), (Pipaš, 2005: 194), а у источнословачким и упрошћени облик *porisko* (Halaga, 2002: 725), (Buffa, 2004: 217), (Balleková et al., 2006: 1005).

посцель (и **посцелка**) ж „од дасака ограничен простор у форми четвороугаоника у који се спремила посебно припремљена, нађубрена земља, за узгајање пресаде паприке, купуса сл.” Одговарајуће форме у говорима карпатског ареала проналазимо са основним значењем „кревет за лежање, спавање, одмор”: бојковско *постелѣнок* (Опушкевић, 1984: II 122), закарпатско *пóстіль* (Sabadoš, 2008: 266), хуцулско *пóстіль* (Zakrevs'ka, 1997: 155), (Piraš, 2005: 152). Са истим, основним значењем и у источнословачким говорима *poscel'*, *poscil'* (Buffa, 2004: 218).

пранік (и **пераци пранік**) м „пракљача”. У словенским језицима са овим значењем проналазимо паралеле у форми прости лексеми: укр. *пранік* (Mel'нучук ур., 2003: IV 556), рус. *пранік* (Fasmer, 1987: III 353), пољ. *pralnik* (Brückner, 1985: 434), срп. *пракљача* (Nikolić, 2007: 997). У украјинским западним дијалектима са одговарајућим значењем проналазимо: бојковско *пранник*, *пранік*, *пранік* (Опушкевић, 1984: II 133), закарпатској хуцулско *пранник* (Sabadoš, 2008: 279), (Piraš, 2005: 153). У источнословачким говорима *pranik*, *prajnik* (Buffa, 2004: 223).

прац -перем „ударати *прањиком* „пракљачом” како би намочено влакно било белје”. Општесловенска лексема: укр. *прати* (Mel'нучук ур., 2003: IV 556), рус. *прати* (Fasmer, 1987: III 355), слч. *prat'* (Machek, 1957: 481), пољ. *prac* (Brückner, 1985: 434), срп. *прати* (Nikolić, 2007: 998). Од прасл. **prati*. У бојковском и хуцулском говору је присутна форма *прати* (Опушкевић, 1984: II 133), (Piraš, 2005: 153), а у источнословачким говорима *prac* (Halaga, 2002: 754).

преса ж „прикључна машина за пресовање сламе, сена у бале”. Од нем. *Presse* (Kluge, 1957: 504). Овај интернационализам се среће и у укр. *прес* (Bilodid, 1976: VII 541), од фр. *presse* (Mel'нучук ур., 2003: IV 565), рус. *прес* (Fasmer, 1987: III 361), слч. *pres* (Machek, 1957: 483), пољ. *prasa* (Brückner, 1985: 434), (Boryś, 2005: 479), срп. *преса* (Nikolić, 2007: 1023). Такође, и у источнословачком говору *преса* (Halaga, 2002: 785). Код војвођанских Словака присутна форма *преш* од нем. *die Presse* (Filip 1984/5: 90).

репчень ж „коровска биљка горушица, *Sinapsis arvensis*, се означава лексемом која је у русинском језику хунгаризам, од мађарске форме *repcény* (Szarvas, 1891: II 1412). Претпоставља се да је ова лексема изворно словенског порекла (Ramač, 1983: 171). У закарпатском западноукрајинском говору се среће форма *ринчак* (Sabadoš, 2008: 308), а у источнословачком формално ближи облик

repšeň (Halaga, 2002: 845), *repšeň*, *repčiň* „*Raphanus raphanistrum*“ (Buffa, 2004: 238).

рошта ж „алатка у форми плитког цилиндра са мрежастим дном за прочишћавање зрна“. Мађаризам *rousta* је присутан и у источнословачким говорима *rošta* (Halaga, 2002: 852), *rošta*, *rošti* (Buffa, 2004: 242).

салаш м „кућа за становање са економским објектима у атару, на власниковом имању“. Лексема је у словенским језицима присутна са различитим значењима. У украјинском језику *салаш* значи „шатор, наткривено, ограђено место за овце“ (Mel’nyčuk ур., 2006: V 168), у слч. *salaš* „тор за овце са пастирском колибом или пастирска колиба“, (Machek, 1957: 536), пољ. *szalas* „примитиван, једноставан дом“ (Brückner, 1985: 540), (Boryś, 2005: 592), срп. *салаш* „исто“ (Skok, 1973: III 194). Овај стари хунгаризам *szállás* „ноћник“ (Szarvas, 1893: 55) значење „кућа за становање са економским објектом у атару“ у русинском језику је добио по досељавању (Ramač, C717). О старом значењу „пастирска колиба“ говоре и паралеле из дијалеката карпатског ареала. У западноукрајинским дијалектима: бојковско *салаш* „ограђено место за овце“ (Onyškevyč, 1984: II 201), закарпатско *салаш* „ограђено место за овце, ноћник“ (Sabadoš, 2008: 326), хуцулско *сáлаш* „привремени дом на пољу, колиба“ (Zakrevs’ka, 1997: 167), (Piraš, 2005: 170). Форму *salaš* са значењем „ограђено место за овце, ноћник“ налазимо и у источнословачким говорима (Halaga, 2002: 898). Код Словака у Војводини *sálaš* са значењем „кућа за становање са економским објектима у атару, на власниковом имању“ (Filip, 1984/5: 108).

стик м „палица којом се чистио плуг од налепљеног блата“. У украјинским дијалектима се срећу облици *истик*, *естик*, *гистик* (Dzendzelivs’kuj, 1959: 46). Идентичну форму налазимо у источнословачким говорима *styk* (Halaga, 2002: 980), *stik* (Buffa, 2004: 259).

трец -ем „одвајање влакна конопље од поздера помоћу трлице“. У укр. *тёрти* (Mel’nyčuk ур., 2006: V 558–559), слч. *triet’* (Machek, 1957: 658–659), пољ. *trzeć* (Brückner, 1985: 580), (Boryś, 2005: 648), срп. *трти* (Nikolić, 2007: 511–513). Од псл. **terti*. У бојковском и хуцулском говору је присутна лексема *тёрти* (Onyškevyč, 1984: II. 286), (Zakrevs’ka, 1997: 183). Ближе по форми и значењу су паралеле у источнословачким говорима *trec* (Halaga, 2002: 1049), *tric* (Buffa, 2004: 287).

туляйка ж „гвоздени део на који се насађује дрвени део више ручних алатки.” Општесловенска лексема: у укр. *туліти* и *тулій*, *тулія* (Mel’пучук ур., 2006: V 671–672), рус. *туліть* (Fasmer, 1987: IV 117–118), слч. *tulit’ sa*, *tul’ajka* (Machek, 1957: 648), пољ. *tulić*, *tul* (Brückner, 1985: 584), (Boryś, 2005: 653), срп. *тулајка* (Dragin, 1991: 19). Од псл. *tulēja. Паралела *тулійки* мн. у украјинском бојковском дијалекту значи „ситна пера кокошке” (Onuškevuč 1984: II 306), а у источнословачком шарошком лексеми *tul’ejka*, *tul’ajka* значе „водир” (Buffa, 2004: 289).

фалат м „део веће површине, њиве, парче”. Од мађарског *falat* „исто” (Szarvas, 1893: III 759). Лексема је са истим значењем присутна у западноукрајинском бојкивском *fálat* (Onuškevuč, 1984: II 327), закарпатском *fálat* (Sabadoš, 2008: 397), хуцулском *fálat* (Zakrevs’ka, 1997: 195). Ово потврђује и Деже *фалат* „парче, део земље” (Деже, 1961: 172). Такође, и у источнословачким *falat* (Halaga, 2002: 246), (Buffa, 2004: 74). Према томе, ово је стари мађаризам у русинском језику.

фертал м „четвртина поља”. То је германизам *Viertel* који у русински дошао преко мађарског језика *fertály* (Рамач, 1983: 188). По Рамачу форма *фертал* је присутна и у карпатским украјинским говорима *фертал* и источнословачким говорима *fertal’* (Рамач, 1983: 188).

фурик м „ручна колица са једним точком за превоз терета” (*прости* ~, *муљарски* ~, *дрвени*, *железни* ~). Од немачког *Fuhre* „товар, кола” (Kluge, 2002: 223), (Duden, 1963: 167). Форму *фурик* налазимо и у источнословачким говорима *furik* (Halaga, 2002: 253), (Buffa, 2004: 79), па се може претпоставити да је она стари германизам.

хлїв м „објекат за стоку”. Лексема *хлїв* часц нашей праславянскеј лексики *chlěvъ (Fasmer, 1987: 423). У говорима карпатског ареала имамо идентичне форме: бојкивско *хлив* (Onuškevuč, 1984: II 340), хуцулско *хлив* (Pipaš, 2005: 211), и источнословачко *chliv* (Halaga, 2002: 301), (Buffa, 2004: 105).

хотар м „атар, сеоско подручје”. Од мађарског *határ* „међа, граница” (MNL). Лексема је присутна и у словачком *chotár* (Machek, 1957: 203), и српском језику *атар* (Nikolić, 2007: 48). Такође, и у западноукрајинским бојкивском *хотарь* (Onuškevuč, 1984: II 345), хуцулски *хотáр* (Zakrevs’ka, 1997: 203), (Pipaš, 2005: 212) и источнословачким говорима *chotar* (Halaga, 2002: 304), (Buffa, 2004:

107). Код Словака у Војводини присутна лексема *xotár* (Filip, 1984/5: 108). Према томе, ово је стари мађаризам у русинском језику.

хробак м „инсект Vermes (Helminthes)”. Паралеле проналазимо у словенским језицима: укр. *xrobák* (Bilodid, 1980: XI 150), слч. *chrobák* (Machek, 1957: 206), пољ. *chrobak, robak* (Brückner, 1985: 184). Такође и у источнословачким говорима *chrobak* (Halaga, 2002: 304), (Buffa, 2004: 108).

цепли́ца ж „топла баштица у коју се сеје рана пресада” (Рамаџ, 858). Форма *тепли́ця* у украјинским језику значи „пластеник” (Bilodid, 1980: XI 78), (Mel’nyčuk ур., 2006: V 547–548). Од псл. *терпъ, торпъ. У говорима карпатског ареала проналазимо следеће форме: бојкивско *тепли́чина* (и *тепли́чка, тэплюшка*) „место где вода не мрзне” (Опушкевић, 1984: II 284), хуцулско *тепли́ця, теплі́чка* „природни извор где вода не мрзне и пластеник” (Zakrevs’ka, 1997: 182), (Pipaš, 2005: 190) и источнословацке *ceplica* „топла вода” (Halaga, 2002: 167).

церли́ца ж „дрвена справа која се користила за одвајање влакна конопље од поздера се зове, срп. трлица”. Паралеле налазимо у украјинском *тэрлиця, тэрниця* (Bilodid 1980: XI 87) од *терту* (Mel’nyčuk ур. 2006: V, 558–559), и пољском језику *cierlica* (Brückner, 1985: 63). Такође, ову форму налазимо у источнословачким говорима *cerlica* (Halaga, 2002: 167), *cerl’ica, terl’ica, carl’ica* (Buffa, 2004: 37). У украјинским западним говорима су присутне форме: *тэрниця*, у бојкивском (Опушкевић, 1984: II 285), *тэрлиця* у закарпатском и хуцулском (Sabadoš, 2008: 350), (Zakrevs’ka, 1997: 183), (Pipaš, 2005: 190).

чересло м „део плуга испред рала у облику ножа који сече земљу”. У српском језику се за означавање овог дела користи форма *цртало* (Nikolić, 2007: 1499). Општесловенска лексема: у укр. *чересло́* (Bilodid, 1980: XI 308), рус. *чэресло́* (Fasmer, 1987: IV 342), слч. *črieslo, čereslo, čerieslo* (Machek, 1957: 107), пољ. *trzosło, trzos* (Brückner, 1985: 583), (Boryś, 2005: 651). Од псл. *čerslo. Лексема се у овом облику среће у западноукрајинским: *чересло* (Dzendzelivs’kuj, 1969: 43), и источнословачким дијалектима: *čereslo* (Halaga, 2002: 184), *čereslo, čerislo, čirislo* (Buffa, 2004: 45). Полногласје није карактеристично за русински језик, а форма *čereslo* се сматра украјинизмом у словачком језику (Dzendzelivs’kuj, 1969: 43).

чесац -ешем „одвајање влакна конопље од поздера на гребенаљци”. Паралелу ове лексеме са основним значењем проналазимо у украјинском језику *чесати* (Mel’nyčuk ур. 2012: VI 311), рус. *чесать* (Fasmer, 1987: IV 349–350), слч. *česat’* (Machek, 1957: 100), пољ. *czesać* (Brückner, 1985: 77). Од прасл. **česati*, *češq*. Речник хуцулског говора бележи форме *чесаний*, *чисаний*, *чисальний* „врста домаћег платна” (Zakrevs’ka, 1997: 211) У источнословачким говорима присутна је форма *česac* (Buffa, 2004: 46).

шеменец ж „1. бела, женска конопља, семењача; 2. семе конопље”: У украјинском језику присутна је форма *сіменець* (Mel’nyčuk ур., 1974: V 254), у пољ. *siemieniec*. У српском језику у Војводини *семењача* „биљка која се чува за семе” (Nikolić, 2007: 1213). Према Timko, западнословенска лексема (Timko, 1998: 47). У западноукрајинском хуцулском говору проналазимо форму *сіменець* са значењем „семе конопље” (Piraš, 2005: 174). С друге стране, у источнословачким говорима проналазимо форме које такође значе „семе конопље”: *setenec* (Halaga, 2002: 908), *šeteñec*, *šetiñec* (Buffa, 2004: 267). Русинска лексема *шеменец* је првобитно морала значити само „семе конопље”, а касније се почела користити и за означавање саме биљке женске конопље.

шмеце с „1. коров; 2. остаци код одређене прерађене биљке који нису за употребу или су слабог квалитета”. Лексема *шмеце* је општесловенска. У словенским језицима проналазимо следеће форме: укр. *смiття* (Bilodid, 1980: XI 409–410), (Mel’nyčuk ур., 2006: V 323), рус. *смётье* (Fasmer, 1987: III 687), слч. *smet’* (Horák, 1991: 635), пољ. *śmieci* (Brückner, 1985: 532), (Boryś, 2005: 617–618), срп. *смеће* (Nikolić, 2007: 1245). Од прасловенске форме **smetye*, а ово од глагола *mesti* (*metq*). У источнословачким говорима проналазимо идентичне форме са општим значењем: *šmece* (Halaga, 2002: 997), *šmec* (Buffa, 2004: 269).

шніц м „гљивично обољење гар (снет), *Ustilago* f. *Ustilaginae* које се јавља на појединим биљкама”. Општесловенска лексема: укр. *снiть* (Mel’nyčuk ур., 2006: V 336–337), слч. *snet’* (Machek, 1957: 564), пољ. *śnieć* (Brückner, 1985: 533), срп. *снет* (Nikolić, 2007: 1250). Од прасловенске форме **sněť*. У закарпатском говору *снiть* (Sabadoš, 2008: 336), а у источнословачком проналазимо форму *šñic* али и форму *šñec* (Buffa, 2004: 270), (Halaga, 2002: 999).

шнур м 1. „делови стабла диње, лубенице, краставца који се вуку по земљи” (*пушиц шнури*); 2. „канап за сушење дувана”. Канап који се користи за сушење дувана се зове *шнур*. Иста лексема се,

управо по асоцијацији на канап, користи за означавање стабла диње, лубенице и краставца које се вуче по земљи. Од немачког *Schnur*, ср.в.нем. *snour*, „гајтан, врпца” (Kluge, 1957: 673), (Duden, 1963: 619). У словенским језицима налазимо форме: укр. *шнур* (Bilodid, 1980: XI 503–504), рус. *шнур(ок)* (Fasmer, 1987: IV 462), слч. *šnúra* (Machek, 1957: 618), пољ. *sznur(ek)* (Brückner, 1985: 551), (Boryś, 2005: 605). Форма шнур „канап” је стари германизам који је прихваћен пре досељавања у Бачку, што потврђују и паралеле у западноукрајинском бојкивском говору *шнурок* (Опушкевућ, 1984: II 386), и хуцулском *шнур*, *шнурь* (Zakrevs’ka, 1997: 218), (Pipaš, 2005: 227). Идентичне форме налазимо и у источнословачким говорима *šnur* (Halaga, 2002: 1018), (Buffa, 2004: 278). Значење „делови стабла диње, лубенице и краставаца” може бити иновација створена у новом крају, с обзиром да ово значење не налазимо и у говорима карпатског ареала. Код Словака у Војводини форма *šnúra* са основним значењем „врпца” (Filip, 1984/5: 103). Истог порекла и лексема *šńira* „пергла” (Filip, 1984/5: 103).

шопа ж „објекат поред куће у којем се чувају пољопривредна оруђа и сл.”. Од нем. *Schuppen* (Ramač, 887), (Kluge, 1957: 684). Објекат поред куће у којем се чувају ратарске и повртарске алатке зове се *шопа*, а мањи објекат исте намене *шопка*. Лексема је у овој форми присутна и у другим словенским језицима: укр. *шóна* (Bilodid, 1980: XI 509), рус. *шона* „амбар” (Fasmer, 1987: IV 466), слч. *šopa* „за сламу, сено” (Machek, 1957: 618), пољ. *szopa* (Brückner, 1985: 551), (Boryś, 2005: 605), срп. *шупа* (Skok, 1973: III 423). Идентичне форме се налазе и у речницима у западноукрајинских говора: бојкивско *шóна* (Опушкевућ, 1984: II 386), хуцулско *шóна* (Zakrevs’ka, 1997: 218), (Pipaš, 2005: 227), такође и у источнословачким: *šopa* (Halaga, 2002: 1019), (Buffa, 2004: 278). Код војвођанских Словака присутна форма *šupa* (Filip, 1984/5: 97).

шпарга ж „канап”. Стари мађаризам (*spárga*) (Рамач, 1983: 198).Томе у прилог говоре и паралеле из западних украјинских дијалеката, нпр. закарпатско *шпарга* (Sabadoš 2008: 423), хуцулско *шпáрга* (Zakrevs’ka, 1997: 219), (Pipaš, 2005: 228), али и источнословачких: *šparga* (Halaga, 2002: 1020), (Buffa, 2004: 278).

шпиц м „њива која има шпицаст облик / један шпицасти део”. Од нем. *Spitz* (Ramač, 1983: 54), (Kluge, 1957: 727), (Duden, 1963: 660). У овој форми такође и у мађ. *Spicc* (Szarvas, 1891: II 1602). У српском језику се са овом лексемом означава исто (Драгин, 1991: 74). Лексема је такође присутна и у западноукрајинском закарпатском *шпиц* са значењем „шпиц, врх обуће” (Sabadoš, 2008: 423), и у хуцулском *шпиц*

са општим значењем али не и са значењем „форма њиве” (Zakrevs’ka, 1997: 219), (Piraš, 2005: 228). У источнословацким говорима се ова лексема користи са значењем *špic* „шпиц, врх обуће” (Halaga, 2002: 1020), (Buffa, 2004: 278). Код војвођанских Словака *špicati (nôž)* (Filip 1984/5: 88).

штранг м „алатка за везање, повезивање терета од заплетених влакана конопље”. Од немачког *Strang* (Kluge, 1957: 755), (Duden, 1963: 685). Одговарајуће паралеле налазимо само у источнословацким говорима: *štrang* (Halaga, 2002: 1023), *štrang, štraneg* (Buffa, 2004: 280). Лексема *štrank* је присутна и код Словака у Војводини (Filip, 1984/5: 92).

шух м „мера за дужину; трећина метра” (*дзевецишухови, осемишухови коч*). Од нем. *Schuh* (30,48 цм) (Kluge, 1957: 682, 683), (Duden, 1963: 624). У западноукрајинском закарпатском језику *шух* “народна мера” (Sabadoš, 2008: 426), хуцулском *шух* (Zakrevs’ka, 1997: 222), (Piraš, 2005: 230), такође и у источнословачком *šuch* (Buffa, 2004: 238). Код Словака у Војводини се користи лексема *šuf* истог порекла са истим значењем (Filip, 1984/5: 98).

ЗАКЉУЧАК

На основу анализе, издвојили смо карактеристике које приближавају русинске лексеми источнословацким:

1. $\check{e} > a$) е, ’е (*мех (*měchъ) : mech; гушеніца (*v)ošēnica) : husenica, hušeñica; медведз (*medvěď) : medvedz, medzvedz*). б) а, ’а (*туляйка (*tulēja) : tul’ajka* (али и *tul’ejka*); *коляй (kolēja) : kol’aj* (али и *kolej*)). в) і, ’і (*мирка (*měra) : mirka; хлів (*chlěvъ) : chliv, шніц (*sněť) : šñic* (али и *šñec*));
2. $\varphi > y$: *друк (*drogъ) : druk; луки (*lŏka) : luka и lúka; гушеніца (*v)ošēnica) : husenica, hušeñica;*
3. $\epsilon > e$: *жац (*žeti, žьnq) : žac;*
4. $r > ar$: *гарсц (*grstъ) : harsc;*
5. $lъ > lo$: *коче (*klъkъ) : kloče;*
6. $g > h$: *груда (*gruda) : hruda; гумно (*gumъno) : humno; плуг (*plugъ) : pluh;*
7. $-ti > -c$: *жац (*žeti, žьnq) : žac; мочиц (*močiti) : močic; чесац (*česati, češq) : česac; трец (*terti) : tres али и tric; прац (*pъrati) : prac;*

8. *t'* испред вокала предњег реда > (с') > с *цeрліца* (**terti*) : *cerlica* али и *cerl'ica*, *terl'ica*, *carl'ica*; *цeпліца* (**terľ*, *torľ*) : *ceplica*; *шмeцe* (**šmetěje*) : *šmece*;
9. *tort* > *trat*: *брана* (**borna*) : *brana*; *заграда* (**gordь*) : *zahrada*;
10. *tert* > а) *tret*: *тpeц* (**terti*) : *trec* (али и *tric*); б) *teret*: *чepecлo* (**čerslo*) : *čereslo* (али и *čerislo*, *čirislo*);
11. *telt* > *tlet*: *плeвнiк* (**pelva*) : *plevnik*;
12. *tolt* > *tlat*: *влaкнo* (**volkьно*) : *vlakno*; *глaвa* (**golva*) : *hlavka*;
13. сачувана група *dl*: *вiдлi* (**vidly*) : *vidly*, *vidli*; *вiдeлкi*: *videlky*).

Присутан је одређен број идентичних облика у русинском језику и западноукрајинским и источнословачким говорима: *луки* : *luka*; *друк* : *druk*; *гpyдa* : *hruda*; *гyмнo* : *humno*; *кocа* : *kosa*; *лaвкa* : *lavka*; *лoбoдa* : *loboda* (и *lebeda*); *лoпaтa* : *lorata*; *лoпyх* : *loruch*; *мoтикa* : *motika*; *плyг* : *pluh*; *xpобaк* : *chrobak*.

Треба истаћи да су анализиране лексеме у највећој мери словенског порекла. Међу њима је мањи број лексема које су у прасловенски језик дошле из других језика а које данас држимо за прасловенски фонд нпр. *дpaбинa* : *drabina*. Дакле, словенске лексеме су: *брана* : *brana*, *вiдлi* : *vidly*, *вiдeлкi* / *вiдoлкi* : *videlky*, *вимичкa* : *vimički*, *влaкнo* : *vlakno*, *гapcц* : *harsc*, *глaвкa* : *hlavka*, *гліна* : *hlina*, *гpaдзeљ* : *hradzel'*, *гpyдa* : *hruda*, *гyмнo* : *humno*, *гyшeнiцa* (и *гyшeнiчкa*) : *hušeñica*, *дoлiнa* : *dolina*, *дpaбинa* (*дpaбинкi*): *drabina*, *друк* : *druk*, *жaц* : *žac*, *жeлeзo* (и *жeлeзкo*) : *žel'ezo*, *зaгpaдa* : *zahrada*, *кaбeл* : *kabel*, *кaмeњ* : *kameň*, *клoчe* : *kloče*, *кoлeсo* : *kol'eso*, *кoлaj* : *kol'aj*, *кocа* : *kosa*, *кoшap* : *košar*, *кoшискo* : *košisko*, *лaвкa* : *lavka* / *lafka*, *лoбoдa* : *lebeda* / *loboda*, *лoпaтa* : *lorata*, *лoпyх* : *loruch*, *луки* : *luka*, *мeдвeдз* (и *мeдвeдзик*) : *medvedz* / *medzvedz*, *мeтлa* : *metla*, *мex* : *mech*, *мeчик* : *mečik*, *миркa* : *mirka*, *млiн* : *mlin* (*ml'in* и *mlyn*, *min*, *mlen*, *mlejn*), *млiнiцa* : *ml'iñica*, *мoтикa* : *motyka*, *мoчиц* : *močic*, *пaздзepa* (и *пaздepчe*) : *razdzere* (*razdere*, *razdzire*), *пачeскi* : *pačesky*, *плeвнiк* (или *плeвнiкap*): *plevnik*, *плyг* : *pluh*, *пoйд* (и *пoйдзик* дем.) : *pujd*, *pojd*, *пopвaзoк* : *porvazek*, *пopвискo* : *porvislo* (*povrislo*, *povirislo*, *povereslo*), *пopискo* : *porisko*, *пoсцeљ* (и *пoсцeлкa*) : *poscel'* (*poscil'*), *пpaнiк* : *pranik* (*prajnik*), *пpaц* : *prac*, *пpeca* : *presa*, *cтик* : *styk* (*stik*), *тpeц* : *trec* (*tric*), *тулajкa* : *tul'ajka* (*tul'ejka*), *хлiв* : *chliv*, *xpобaк* : *chrobak*, *цeпліца* : *ceplica*, *цeрліца* : *cerl'ica*, *чepecлo* : *čereslo* (*čerislo*, *čirislo*), *чecaц* : *česac*, *шeмeнeц* : *šemeñec* (*šemiñec*), *шмeцe* : *šmece*, *шнiц* : *šñic* (*šñec*).

С друге стране анализирали смо и позајмљенице које проналазимо и у источнословачким говорима, шире на карпатском

ареалу. Ту су хунгаризми нешто бројнији: *богар* : *bogar* (*bomgar*), *газ* : *gaz*, *гордон* : *gorđan*, *коцка* : *koska*, *коч* : *koč* (*kuč*), *ланц* : *lanc*, *мажа* : *maža*, *метер* : *meter*, *матазин* : *magazin* (*magadzin*), *парлат* : *parlak*, *рошта* : *rošta*, *хотар* : *chotar*, *салаш* : *salaš*, *фалат* : *falat*, *фертал* : *fertal*, *репчењ* : *repčej*, *репчињ*.

Међу њима лексеме *коцка*, *пайта*, *парлат* представљају лутајуће речи, односно речи словенског порекла које су у мађарском језику промениле облик, а затим су у том новом облику прихваћене у одређеном словенском језику. Поред хунгаризама, присутни су и германизми: *вага* : *vaha*, *кабел* : *kabel*, *преса* : *presa*, *фурик* : *furik*, *шнур* : *šnur*, *шона* : *šona*, *шпарга* : *šparga*, *шпиц* : *špic*, *штранг* : *štrang* (*štraneg*), *шух* : *šuch*.

Иако код ових речи, за разлику од словенских, не можемо пратити развој речи и на тај начин расуђивати о пореклу или блискости, чини нам се да облик речи који је прихваћен такође говори о блискости одређеном језичком ареалу.

Мишљења смо да анализирани материјал потврђује блискост изабране ратарске и повртарске лексике Русина у Војводини са паралелама у говорима Источне Словачке.

Aleksandar Mudri

EASTSLOVAK PARALELS IN AGRICULTURAL LEXICON OF RUTHENIANS IN VOJVODINA

Summary

Historical circumstances contributed to the current Ruthenian language in Vojvodina, where traces of contact with several languages of the Carpathian area can be found. Migration of Ruthenians from parts of today's eastern Slovakia and north-eastern Hungary, only enriched these traces. In this paper, the focus will be on contrasting the Ruthenian language with Eastern Slovak dialects. More precisely, the agricultural lexicon of the Ruthenian language in Vojvodina will be paralleled to that of the Eastern Slovak dialects. In the paper, lexemes based on which conclusions can be drawn about the similarities of the lexemes of this subject area in the Ruthenian language in Vojvodina with the Eastern Slovak dialects are presented. Through the analysis, characteristics which support this claim are emphasized. Additionally, lexemes which have an identical form in Eastern Slovak and Western Ukrainian dialects are found. When it comes to the origin of these lexemes, they are mostly words of Slavic origin.

Key words: the Ruthenian language, Vojvodina, the Slovak language, Eastern Slovak dialects.

ЛИТЕРАТУРА

- Balleková, K. et al. (2006). *Slovník slovenských nářečí*, 2. Bratislava: Veda.
- Bilodid, I. K. et. al. (1970–1980). *Slovník ukrajinských jazyků*. Kyjiv: Akademiya nauk ukrajinských RSR, Naukova dumka. (Cyrilic)
- Brückner, A. (1985). *Etymologiczny słownik języka polskiego*. Warszawa: Wiedza Powszechna.
- Buffa, F. (2004). *Slovník Šarišských nářečí*. Prešov: Vydavateľstvo Nauka.
- Boryś, W. (2005). *Słownik Etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo literackie.
- Czambel, S. (1906). *Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov*. Turčiansky sv Martin: Nakladom vlastnym.
- Čarskij, V. (2011). *Rusinskij jazyk Serbii i Horvatii v svete jazykovykh kontaktov – lingvogenetičeskij aspekt*. Moskva: Marhotin. (Cyrilic)
- Děže, L. (1961), “K voprosu o venerskih zaimstvovanijah v zakarpatskih pamjatnikah XVI–XVIII vv.”, *Studia slavica*, 7, Budapest, s. 137–176. (Cyrilic)
- Dragin, G. (1991). Ratarska i povrtarska terminologija Šajkaške. *Srpski dijalektološki zbornik*, XXXVI, 621–708. (Cyrilic)
- Duden, K. (1963). *Deutsches Universalwörterbuch*. Mannheim: Bibliographisches Institut.
- Duličenko, A. D. (2009). *Jugoslavo Ruthenica, roboti z ruskeje filologiji i istoriji, II*. Novi Sad: Oddeljenje za rusinistiku. (Cyrilic)
- Dzendzelivs'kyj, J. O. (1969). *Ukrajinsk'ko-zaxidnoslov'jans'ki leksyčni paraleli*. Kyjiv: Akademiya nauk ukrajinských RSR. (Cyrilic)
- Fasmer, M. (1986–1987). *Ėtimologičeskij slovar' russkogo jazyka, I–IV, perevod s nemeckogo i dopolnenija členu-korrespondenta AN SSSR O. N. Trubačeva*. Moskva: Progress. (Cyrilic)
- Fejsa, M. (1992–1993). Ruski - bešeda, dijalekt či jazik. *Studia Ruthenica*, 83–105. (Cyrilic)
- Fejsa, M. (2006). Charakteristiki ruskogo jazika. U: M. Fejsa (Red.) (2006). *Rusini / Rusnaci / Ruthenians (1745–2005) I tom*. Novi Sad: IK Prometej - KPD DOK. 225–234 (Cyrilic)
- Filip, M. (1984/5). Lexikálne výpožičky z nemeckého a maďarského jazyka v reči Slovákov v Starej Pazove. *Zborník spolku vojvodinských slovakistov*, 6–7, 83–117.
- Gustavson, S. (1983). Ruski jazik u Jugoslaviji– dijachronija i sinchronija. *Tvorčosc*, 11, 20–30. (Cyrilic)
- Halaga, O. R. (2002). *Východoslovenský slovník*. Košice – Prešov: Universum.

- Homa, T. (2015). Popatrunki lingvistoch na pochodzenje ruskoho jazika. U: Mudri, A. & Sabadoš, S. (Red.) (2015). *Zbornjik robotoch z druhej ruskej naukovej konferenciji mladich naukovcoch i profesionalcoch*. Novi Sad: Zavod za kulturu vojvodjanskih Rusnacoch, 61–75. (Cyrilic)
- Horak, E. (1991). *Srbochorvátsko-slovenský a slovensko-srbochorvátsky slovník*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo.
- Karpenko, JU. O. (1971). *Materialy do slovnika bukovyns'kyx hovirok I-VI*. Černivci: Ministerstvo vyščoji y seredn'oji special'noji osvity. (Cyrilic)
- Kluge, F. (1957). *Etymologisches Wörterbuch der deutschen sprache*. Berlin: Walter de Gruyter & Co.
- Krajčovič, R. (1988). *Vývin slovenského jazyka a dialektológia*. Bratislava: Slovenske Pedagogické nakladateľstvo.
- Machek, V. (1971). *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha: Československá academia věd.
- Mel'nyčuk, O. S. (1982–2006). *Etymolohičnyj slovník ukrajins'koji movy, I-VII*. Kyjiv: Naukova dumka.
- Mihaljević, M. (2002). *Poredbena gramatika slavenskih jezika -Fonetika-*. Zagreb: Školska knjiga.
- Mucskova, G, Muzikova K, Wambach V. (2012). *Praktická dialektológia (vysokoškolská príručka na nárečovú interpretáciu)*, Wien: Facultas Verlags- & Buchhandels AG.
- Mudri, A. (2012). Nazivi poljoprivrednih alatki i sprava kod vojvođanskih Rusina. *Slavistika*, 16, 182–198. (Cyrilic)
- Mudri, A. (2012). Nazvi budinkoch u poljodjilstve pri Rusnacoh u Vojvodini. *Švetlosc*, 1, 79–84. (Cyrilic)
- Mudri, A. (2013). Nazivi korova i biljnih parazita kod Rusina u Vojvodini. *Slavistika*, 17, 314–320. (Cyrilic)
- Mudri, A. (2013). Nazvi polja i časocoh polja pri Rusnacoch u Vojvodini. *Polyslav*, 16, 148–154. (Cyrilic)
- Mudri, A. (2013). Nazvi poljodjilskih mašinoch pri Rusnacoch u Vojvodini, Slov'jans'ka kul'tura ta pysemnist': mynule ta sučasnist', Užhorod. (Cyrilic)
- Mudri, A. (2014). Nazvi prevoznich sredstvoch u poljodjilstve pri Rusnacoch u Vojvodini, *Slavistika*, 18, 275–281. (Cyrilic)
- Mudri, A. (2014). *Poljodjilska leksika Rusnacoch u Vojvodini*. Novi Sad: Zavod za kulturu vojvodjanskih Rusnacoch. (Cyrilic)
- Mudri, A. (2015). Nazivi u vezi sa konopljom i preradom konoplje kod Rusina u Vojvodini, *Slavistika*, 19, 225–230. (Cyrilic)
- Mudri, A. (2015). Nazvi meroch chtori še chasnuju u poljodjilstve pri Rusnacoch u Vojvodini. U: Živančević, I. et al. (Red.) (2014).

- Prvi međunarodni interdisciplinarnoi skup mladih naučnika društvenih i humanističkih nauka Konteksti*, 1, 129–136. (Cyrilic)
- Mulyčak, JU. (1995). Nazvy diljanok y jakisnyx riznovydiv zemli. *Naukovyj zbirnyk Muzeju ukrajins'koji kul'tury v Svydnyku*, 20, 282–289. (Cyrilic)
- Nikolić, M. (ur.) (2007). *Rečnik srpskoga jezika*. Novi Sad: Matica srpska. (Cyrilic)
- Onyškevyč, M. J. (1984). *Slovnnyk bojkivs'kyx hovirok I-II*. Kyjiv: Akademija nauk ukrajins'koji RSR. (Cyrilic)
- Pauliny, E, Ružička, J, Štolc, J. (1968). *Slovenská gramatika*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo.
- Pešikan, M. (1980). Osnovni strukturalni charakteristiki ruskej hlasovej sistemi. *Tvorčosc*, 6, 9–33. (Cyrilic)
- Pipaš, JU. (2005). *Materialy do slovnika hucul's'kyx hovirok*. Užhorod: Užhorods'kyj nacional'nyj universytet. (Cyrilic)
- Ramač Ju., Fejsa M., Medješi H. (1995). *Serbsko - ruski slovnjik I*, Novi Sad: Univerzitet u Novim Sadze. (Cyrilic)
- Ramač IO., Fejsa M., Medješi H. (1997). *Serbsko - ruski slovnjik II*. Beograd: Zavod za učebnjiki i nastavni sredstva. (Cyrilic)
- Ramač, Ja. (1993). *Kratka istorija Rusnacoh (1745–1918)*. Novi Sad: Grekokatoljicka parochija sv. Petra i Pavla Novi Sad. (Cyrilic)
- Ramač, Ja. (2007). *Rusnaci u Južnej Uhorskej (1751–1918)*. Novi Sad: Vojvodjanska akademija naukoh i umetnoscoch. (Cyrilic)
- Ramač, Ju. (1983). *Leksika ruskoho jazika*. Novi Sad: Univerzitet u Novim Sadze, Filozofski fakultet, Institut za pedagogiju, Katedra za ruski jazik. (Cyrilic)
- Ramač, Ju. (2006). *Gramatika ruskoho jazika*. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva. (Cyrilic)
- Ramač, Ju. (2017). *Slovnjik narodnoho jazika*. Novi Sad: Filozofski fakultet – Odsek za rusinistiku, Zavod za kulturu vojvodjanskich Rusnacoh, Društvo za ruski jazik, literaturu i kulturu, Ruske slovo. (Cyrilic)
- Ramač, Ju., Medješi, G., Fejsa, M. (2010). *Rusko-serbski slovnjik*. Novi Sad: Filozofski fakultet Novi Sad, Odsek za rusinistiku, Zavod za kulturu vojvodjanskich Rusnacoh. (Cyrilic)
- Ripka, I. (1994). *Slovník slovenských nářečí, I*. Bratislava: Veda.
- Sabadoš, I. (2008). *Slovnnyk zakarpats'koho sela Sokyrnycja xusts'koho rajonu*. Užhorod: Užhorods'kyj nacional'nyj universytet. (Cyrilic)
- Skok, P. (1971–1974). *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I-IV*. Zagreb: JAZU.
- Sobol, E. (2005). *Slovník jezika polskiego*. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN.

- Sopolyha, M. (1976). Narodne budivnyctvo ukrajinciv Sxidnoji Slovaččyny. *Naukovyj zbirnyk Muzeju ukrajins'koji kul'tury u Svydnyku*, 7, 387–476. (Cyrilic)
- Szarvas, G. (1890–1893). *Magyar Nyelvtörténi szótár, I–III*, Budapest: Kiadja Hornyánszky Viktor Akadémiami Könyvkereskedése.
- Tymko, O. (1998). *Botanična i zoolohična nomenklatura bačvan'skyx rusnakiv*, Užhorod: Užhorods'kyj deržavnyj universytet. (Cyrilic)
- Vlajinac, M. (1961). *Rečnik naših starih mera : u toku vekova, sv. 1.* Beograd: Naučno delo.
- Vlajinac, M. (1964). *Rečnik naših starih mera : u toku vekova, sv. 2.* Beograd: Naučno delo.
- Vlajinac, M. (1968). *Rečnik naših starih mera : u toku vekova, sv. 3.* Beograd: Naučno delo.
- Vlajinac, M. (1974). *Rečnik naših starih mera : u toku vekova, sv. 4.* Beograd: Srpska akademija nauka i umetnosti.
- Zakrevs'ka, JA. (1997). *Hucul's'ky hovirky-korotkyj slovnyk*. L'viv: Nacional'na akademija nauk Ukrajiny. (Cyrilic)
- <http://korpus.sk/dialect.html> (pristupljeno 29.09.2016.)

PREFIXES WITH NEGATIVE AND REVERSATIVE MEANING IN ENGLISH AND THEIR RUTHENIAN EQUIVALENTS**

The researchers of the English and Ruthenian language defined the prefix, explained the meanings of prefixes and their use, in their own languages, but, there are not many works which focus on contrasting the prefixes in these two languages. For this reason, this paper was written, where the focus is on the negative and reversative meaning of English prefixes and their translation into the Ruthenian language. The goal of this paper is to provide a different perspective on how the negative and reversative meanings are denoted in English and Ruthenian. Through analysis of the examples from the corpus, some conclusions were made, about the similarities and differences in the two languages.

Key words: English language, Ruthenian language, prefixes, contrastive analysis, negative meaning, reversative meaning

1. INTRODUCTION

Through the analysis of the grammars of the English and Ruthenian language it can be seen that the English researchers and linguists do not just give definitions of different linguistic phenomena, which is done in great detail, but also compare and contrast those phenomena with the same or similar ones from different languages, such as, for example, French or German. On the other hand, when the grammars and research papers of the Ruthenian language are analyzed, it is seen that the linguists and researchers of this language focus mainly on defining and explaining prefixes of the Ruthenian language, comparing them only to Slavic languages such as Ukrainian or Serbian. However, in the more recent days, the linguists of this language started turning their focus on contrasting the Ruthenian language with English, so as to provide a new perspective on the Ruthenian language. This research paper is written in order to encourage more researchers to write papers on this topic, as well as to offer a starting

* marina.slemender.95@gmail.com

** This paper is a segment of the master thesis Verb prefixes in English and Ruthenian language (semantic and aspectual analysis), which was defended in the Department of English language at the Faculty of Philosophy in Novi Sad, 30.09.2019., mentored by Predrag Novakov, PhD and Mihajlo Fejsa, PhD.

point for further research about prefixes, so as to show the similarities and differences which English and Ruthenian have, and which may not be noticeable at the first glance.

Both in the English and Ruthenian language, there are four types of affixes, and those are prefixes, suffixes, postfixes and interfixes. The focus of this research paper will be on the prefixes of both languages, giving the relevant definitions, explanations and examples, and then finally they will be contrasted. In the first part of this paper, the definitions and explanations of the English prefixes with negative and reversative meaning will be given, and they will be summarized and presented based on the Grammar written by Quirk and Greenbaum (1990). After that, the process of prefixation and prefixes themselves in the Ruthenian language will be defined, explained and exemplified, and for that the grammars written by Kosteljnik (1923) and Ramač (2002).

Finally, the focus of the paper will shift to contrasting the function, meaning and use of prefixes of the English language which bring negative and reversative meaning to the word with their Ruthenian equivalents. For that part, the examples from *Alice in Wonderland*, in the English language and its translation into Ruthenian, will be used. In order to draw conclusions about how the negative and reversative meaning of the English prefixes *in-*, *un-* and *dis-* transfers into the Ruthenian language, first the examples with these prefixes in the English language are listed, and then they are followed by their translations in the Ruthenian language. By contrasting and analyzing these sentences, some conclusions have been made about how the English prefixes *in-*, *un-* and *dis-* are translated into the Ruthenian language.

The main purpose and goal of this research paper is to present and analyze the prefixes of the English and Ruthenian language, and then contrast them in order to get the answer to the main question of this research, which is how the English prefixes *in-*, *un-* and *dis-* are translated into the Ruthenian language. In the last part of the paper, all of the possible ways of translation of these prefixes which have been found in the corpus of the paper will be presented.

2. THEORETICAL BACKGROUND

In this part of the paper, the research relevant to the topic done by the English and Ruthenian researchers and linguists will be summarized and presented, so as to give some background information about prefixes, their meaning and use in the two languages in question.

2.1. Prefixation in the English language

Laurie Bauer in his work *Word-formation* (1983) gives definitions and explanations related to the process of word-formation in the English language. However, since this paper focuses only on the process of prefixation, his conclusions about this linguistic phenomenon will be extracted.

Morphology is defined by Bauer as a “sub-branch of linguistics which deals with the internal structure of word-forms”, and morphemes are “the basic units of its analysis” (1983: 13). A morph is defined as “a segment of a word-form which represents a particular morpheme” (Ibid. 15). A morph can be free, which can occur in isolation, and bound, occurring only with at least one other morph (Ibid. 17). He states that affixes are bound morphs, and that they are affixes added before a base (Ibid. 18).

Furthermore, a definition for derivation is given, saying that it is “the morphological process that results in the formation of new lexemes” (Ibid. 27). Bauer states that there are two kinds of derivation. The first one is a class-maintaining process of derivation, which produces lexemes that are in the same form class as the base. The second type is a class-changing process of derivation, where lexemes after the process belong to a different form class than the base (Ibid. 31). He applied these definitions when listing prefixes, thus arranging them into two basic groups, that of class-maintaining, and that of class-changing prefixes. Prefix *dis-*, according to Bauer, is a class-changing prefix, which can form verbs from other types of words, and as an example he gives the verb *disbar*. About the prefix *dis-*, Bauer also says that it is the most productive prefix which can be added to not only verbs, but also to nouns and adjectives.

Randolph Quirk and Sidney Greenbaum in *A Student's Grammar of the English Language* (1990) presented affixes by organizing them into specific semantic categories, in order to show in a clearer way the relation between contrasted affixes. The semantic categories they used are the group of prefixes with negative meaning, reversative or privative prefixes, pejorative prefixes, prefixes of degree or size, prefixes of orientation and attitude, locative prefixes, prefixes of time and order, number prefixes, neo-classical prefixes and conversion prefixes. In this paper, only their conclusions about the groups of prefixes with negative and reversative meaning will be presented.

Quirk and Greenbaum (1990: 1540) listed the following prefixes in the group of negative prefixes: the prefix *dis-* *disobey* (*не послушау*), *in-*

incomplete (не подполносу), *non-smoker* (той хто не кури) and *unfair* (не поштено).

In the group of prefixes with reversative meaning, Quirk and Greenbaum (Ibid.: 1541) found three prefixes which can be combined with verbs, and those are the following:

1. *dis-*, which has the meaning ‘to reverse an action’, combined freely with verbs, especially denominal ones. Some of the examples are *disconnect*, *disinfect* and *disown*;
2. *de-* has two meanings. When combined with verbs, especially denominal ones, this prefix has the meaning of ‘reversing the action’, as in *decentralize* and *defrost*. Another meaning of the prefix *de-* is ‘depriving of’, and it can be added to several items already connoting deprivation, such as *denude* or *defraud*;
3. *un-*, when combined with verbs has the meaning of ‘reversing the action’, as it can be seen in the examples *undo*, *unzip* and *unpack*.

2.2. Prefixation in the Ruthenian language

Havrijil Kosteljnik was the first linguist of the Ruthenian language who defined the term prefix in his *Граматика бачваньско-рускей бешеди* (*The Grammar of the Ruthenian Speech*) (1923). He said that prefixes change the meaning of the word to which they are added (Kosteljnik, 1923: 233), that they are most often part of the verb, but can also be added to other words (Ibid.: 242), and that the majority of prefixes are of the prepositional basis, but there are also those which cannot function as independent units, such as *об-* and *роз-* (Ibid.: 243). Since this was the first grammar of the Ruthenian language, not many conclusions can be found in this work, but it served as the starting-point for further research.

That further research was one by Julijan Ramač in *The Grammar of the Ruthenian Language* (*Граматика руского язика*), where he defined prefixes as morphemes which can form new words. He stated that verbs which were formed through the process of prefixation can denoted the meaning of place, time, condition and degree or size (Ramač 2002: 136-137). Ramač gave description of the meaning of 15 prefixes, where verbs were made out of verbs with the use of prefixes, and those are:

1. *в-/во-* (*войсу* ‘come inside’, *вланиц* ‘catch’)
2. *ви-* (*вису* ‘go out’)
3. *до-* (*добегнуц* ‘run to a certain point’)
4. *з-/зо-/с-* (*зису* ‘come down’, *зограц* ‘heat up’, *спечису* ‘burn too much’)

5. з- сербски еквивалент уз- (*зовреџ* ‘come to boil’)
6. за- (*заплакаџ* ‘start crying’)
7. на- (*нацагнуџ* ‘pull something on’)
8. над- (*надмудриџ* ‘outwit’)
9. о- (*означиџ* ‘mark’)
10. об(о)- (*областиџ* ‘hug’)
11. од(о)- (*одвесџ* ‘take somewhere’)
12. по- (*побешедоваџ* ‘talk for a bit’)
13. под- (*подкопаџ* ‘dig under/undermine’)
14. пре- (*прескочиџ* ‘jump over’)
15. пре- (*претиџ* ‘start drinking’)

Ramač (Ibid. 62) also stated that, although not as often as with suffixes, nouns can be formed with prefixes, and those are:

1. без- (*безсмисленосџ* ‘nonsense’)
2. ви- (*виход* ‘exit’)
3. медзи- (*медзичас* ‘time in between something’)
4. над- (*надприродносџ* ‘supernatural’)
5. не- (*невирносџ* ‘infidelity’)
6. о- (*охрана* ‘security’)
7. од- (*одход* ‘going away’)
8. по- (*Подунавџ* ‘place surrounding the Danube’)
9. под- (*поднебеџ* ‘place under the sky’)
10. пре- (*преклад* ‘translation’)
11. пред- (*предгород* ‘suburb’)
12. при- (*примирџ* ‘peace treaty’)
13. у- (*уход* ‘entrance’)

3. CORPUS

3.1. Information about the corpus

To form the corpus of this paper, the novel by Lewis Carroll *Alice in Wonderland* (2004) was taken, as well as its translation into the Ruthenian language by Mihajlo Fejsa *Алуца у Жџџ Чудоџ* (2010). First, the original English version of the sentences where a prefix with negative and reversative meaning occurs are listed, which are then followed by their Ruthenian translations, in order to see clearly how these prefixes are transferred from English into Ruthenian.

There are 32 sentences where, in the English version, there is a prefix with negative and reversative meaning, and here those are the prefixes *un-*, *dis-* and *in-*, in this case its allomorph *im-*. There are 25 sentences with the prefix *un-* occurring in them, 4 with the prefix *dis-* and 4 with the prefix *im-*.

4. ANALYSIS OF THE CORPUS

In this part of the paper, the three English prefixes, *im-*, *dis-* and *un-*, through their occurrences in the corpus, and their Ruthenian equivalents will be extracted and then an analysis about how these prefixes are translated into the Ruthenian language will be given.

The prefix *im-*, as the allomorph of the prefix *in-*, is found four times in the corpus. It can be added to nouns and adjectives, and it denotes a negative meaning. In this corpus, it is found only with adjectives and it still denotes a negative meaning. It is added to adjectives *possible*, *patient* and *pertinent* to form *impossible*, *impatient* and *impertinent*. The first two adjectives, *impossible* and *impatient*, are translated into the Ruthenian language with the negative particle *не*, which carries the negative meaning of the prefix *im-*, and adjectives *можливе* (*possible*) and *цярпезліво* (*patient*). This prefix also appears with the adverb *patiently* to form *impatiently*, but it is translated into Ruthenian the same way as the adjective, which is *не цярпезліво*. The adjective *impertinent* differs from the previous examples, because the prefix is not translated with the negative particle *не*, rather that negative meaning is added with the prefix *без-* in the translation of this adjective, which is *безочліви*.

The prefix *dis-*, unlike the previous one which has only negative meaning, can add both the negative and reversative meaning to the word, and for both of these meanings, some examples were found in *Alice*. There are two examples where the negative meaning of this prefix is seen, and those are the verbs *disagree* and *disobey*. These negative meaning of the prefix *dis-* was translated into Ruthenian the same way as the negative meaning of the prefix *im-* was, and that is with the negative particle *не*. This means that the verb *disagree* was translated as *не зложуц* and the verb *disobey* as *не послухац*. The reversative meaning of this prefix is seen in the verb *disappeared*, which is translated into the Ruthenian language with the verb *цезнуц* without a prefix, because the reversative meaning is already implied in the meaning of the verb itself.

The prefix *un-* is another prefix which can add both negative and reversative meaning to a word. The negative meaning of this prefix can be

seen in the following examples from the corpus: *unpleasant, uncomfortable, unhappy, uncivil, unusually, uneasily, uneasy, unwillingly, unfortunate, unimportant, uncommon* and *unable*. This negative meaning is again transferred into Ruthenian with the negative particle *не*, which is followed by the translation of the base to which the prefix is added in English. This means that the examples listed above are translated into Ruthenian as *неприємности, неприємно, нещешліва* (or *бідна* used as the synonym), *непристойне, незвичайно, неспокойно* (or the synonym *знемирено*), *незлагодно, недзечно, нещешліви, неважне, незвичайни* and *не у можлівосци*. The only example which stood out from this list, is the adverb *uncommonly* which is found in the corpus as the part of the phrase *uncommonly fat*. This phrase was translated into Ruthenian as *сама сланїна*, in order to paint the picture as vividly as possible in the Ruthenian language.

As it was already said, the prefix *un-* can also add reversative meaning to a word, which is transferred into Ruthenian with several prefixes. The first prefix is the prefix *роз-* as in the examples *розплесц* (*undo* and *unfold*), *розруцел* (*unrolled*), and *розкруцел* (*unfold*). Then, it is also translated with the prefix *од-* as in *одмервїювац* (*untwist*), *одомкла* (*unlocking*) and *одмотал* (*unrolled*). Finally, the prefix *ви-* is also used, as in *випросцела* (*to prevent its undoing itself*) and *винаяла* [дугов] (*uncorked*).

5. CONCLUSION

What can be noticed when reading the theoretical part of this paper, is that both the English and Ruthenian linguists find the process of prefixation in their languages to be one of the ways in which new words can be formed. These newly-formed words, as the linguists of the two languages conclude, are mainly verbs, nouns and adjectives, whose structure changes due to the added morpheme, and sometimes even their part of speech shifts to another group. Additionally, linguists agree that, besides changing the part of speech, prefixes can change the meaning of the word to the meaning they denote.

In this research paper, where the focus was only on the English prefixes which denote negative and reversative meaning and their Ruthenian equivalents, some conclusions have been made about the similarities and differences between the prefixes of the two languages in question. These conclusions are based on the examples taken from the corpus of this paper, which consists of the list of sentences from *Alice in Wonderland* and its translation into Ruthenian.

When it comes to the negative meaning of the English prefixes *dis-*, *im-* and *un-*, and their Ruthenian equivalents, there are both similarities and differences. The difference between the English words with these negative prefixes and their Ruthenian equivalents is in the form of the words in these two languages. In other words, when the English word is found with negative meaning and one of these three prefixes, it is translated into the Ruthenian language not with a prefix, but rather with the negative particle *не*. What the original word and its translation have in common is that they both carry the negative meaning. That was not lost during the translation.

The reversative meaning of the English prefixes *un-* and *dis-* is seen to be translated into the Ruthenian language in two ways. The first, which represents the similarity among the two languages, is the translation of the English prefix *un-* with the Ruthenian prefixes *роз-*, *од-* and *ву-*, meaning that an English prefix was translated with the Ruthenian one. The difference is seen with the prefix *dis-*, when it appeared in the verb *disappeared*, and was translated with the Ruthenian verb *цезнуц*. Here, a prefix was not used in the Ruthenian language, as this verb already has reversing meaning on its own.

It should be emphasized at the end of this paper that as the source for the corpus of this paper a literary work and its translation was taken, and, since a work cannot be translated word by word, some exceptions are to be expected. Because of this, when the original sentences are analyzed with their translations, it can be noticed that some parts are translated descriptively rather than literarily. The reason behind this is that when translating a work, the task is to convey the same message the author wanted to tell, so the focus is on the meaning rather than the formal features of words.

Марина Шлемендер

АНГЛІЙСКИ ПРЕФИКСИ З НЕГАТИВНИМ И РЕВЕРЗИЙНИМ
ЗНАЧЕНЕМ И ЇХ ЕКВИВАЛЕНТИ У РУСКИМ

Резиме

Же би ше звекшало число контрастивних роботох у хторих ше контрастную англійски и руски язык, написана тота робота о англійских префиксах з негативним и реверзийним значенем и їх еквивалентох у руским языку. У першей часци роботи представени найзначнейши вигледовацки роботи релевантни за тоту тему, перше англійских, а потим и руских лингвистох. После краткей теорийней часци, представени корпус роботи, хтори представя

група ви́реченьо́х на англійськи́м язикѹ и ї́х пре́клад на руски́ язик. През поровноване ориґиналних ви́реченьо́х и ї́х пре́кладах, достати́ заключе́ня хтори́ представени́ у диску́сийне́й часци́ роботи́, дзе́ бу́дзе́ бе́шеди́ о по́добно́сцох и ро́зликох тих пре́фиксох.

Ключни́ слова: англійськи́ язик, руски́ язик, пре́фикси, контра́стивна́ ана́лиза, неґа́тивне́ значе́нє, ре́верзійне́ значе́нє

REFERENCES

- Bauer, L. (1983). *English Word-formation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Carroll, L. (2004). *Alice in Wonderland*. New York: Barnes & Noble.
- Kosteljnik, H. (1923). *Gramatika bačvanjsko-ruskeje bešedi*. RNPD. Sremski Karlovci: Srpska manastirska štamparija. (Cyrillic)
- Quirk, R. and Greenbaum, S. (1990). *A Student's Grammar of the English Language*. Harlow: Longman.
- Ramač, J. (2002). *Gramatika ruskoho jazika*. Novi Sad: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva. (Cyrillic)

List of sentences

1. a) ...for she had read several nice little stories about children who had got burnt, and eaten up by wild beasts, and other *unpleasant* things,... (Al. 10)

b) То прето же вона пречитала даскелї шумни приповедочки о дзецох хтори ше опекли, хторих поедли дзиви жвири, хторих знашли вельи други *неприємности*... (Ал. 13)

2. a) ...and she had never forgotten that, if you drink much from a bottle marked “poison,” it is almost certain to *disagree* with you, sooner or later. (Al. 9)

b) ...и вона нігда не забула же кед дахто вельо одпие зоз фляшки на хторей пише „Отров”, то ше му вшелїяк *не зложи* зоз организмом, скорей або познейше. (Ал. 12)

3. a) They were indeed a queer-looking party that assembled on the bank—the birds with dragged feathers, the animals with their fur clinging close to them, and all dripping wet, cross, and *uncomfortable*. (Al. 29)

b) Наисце представляли єдно чудне дружество кед ше позбєрали на побережю – птици зоз окляпнутим пирїом и животинї зоз шерсцу припиту гу целу, а шицки, понеже же з нїх вода ише счурийовала, мокри, нагнївани и *напарту*. (Ал. 26)

4. a) “Oh, do let me help to *undo* it!” (Al. 38)

b) „О, допуц ми най ци поможем *розплєсц* их!” (Ал. 35)

5. a) There was no label this time with the words “DRINK ME,” but nevertheless she *uncorked* it and put it to her lips. (Al. 44)

b) На тот завод не було нїякей цидулки зоз словами „ПИЙ МЕ”, але заш лєм, Алиса *виняла дугов* з ней и приложела ю гу устом. (Ал. 46)

6. a) ... still it was very *uncomfortable*, and, as there seemed to be no sort of chance of her ever getting out of the room again, no wonder she felt *unhappy*. (Al. 46)

b) Заш лєм було ей барз *неприємно*, а понеже не було нїякого вигляду же вообщє дакеди видзе з тей хижи, не чудо же ше *бидно* чувствовала. (Ал. 48)

7. a) For some minutes it puffed away without speaking; but at last it *unfolded* its arms, took the hookah out of its mouth again, and said, “So you think you’re changed, do you?” (Al. 62)

b) У шлїдуюцей хвильки Гушенїца поцапчала даскельо дими без словох же би на остатку *розплєтла* руки, заш виняла пипосар з устох, и гварела: „Значи, ти думаеш же ши же прєменєла, чи не?” (Ал. 65)

8. a) And have grown most *uncommonly* fat; (Al. 64)

b) и постал ши сама сланіна; (Ал. 67)

9. a) and every now and then she had to stop and *untwist* it.
(Al. 74)

b) та ше мало – мало мушела застановяц и *одмервйовац* ю.
(Ал. 77)

10. a) He was looking up into the sky all the time he was speaking, and this Alice thought decidedly *uncivil*. (Al. 79)

b) Док приповедал, цали час патрел на небо, цо Алиса охарактеровала як крайне *непристойне*. (Ал. 82)

11. a) “Oh, there goes his precious nose!”, as an *unusually* large saucerpan flew close by it, and very nearly carried it off. (Al. 84)

b) „Яй пошол ей шумни ноцок”, зйойчала кед една *незвичайно* велька шерпенка прелетла непосредно коло бебового носа, и лем цо го не однесла зоз собу. (Ал. 86)

12. a) As soon as she had made out the proper way of nursing it (which was to twist it up into a sort of knot, and then keep tight hold of its right ear and left foot, so as to prevent its *undoing* itself), she carried it out into the open air. (Al. 86)

b) Накадзи винашла вигодни способ за тримане (хтори ше состоял у тим же бебу скруцела на цошка цо могло буц и гузел, та ю вец mocno тримала за праве ухо и ліву ногу же би ше не *випросцела*), винесла ю вонка на воздух. (Ал. 89)

13. a) The poor little thing sobbed again (or grunted, it was *impossible* to say which), and they went on for some while in silence. (Al. 87)

b) Бидне мале существо знова застукало од плачу (або загрузлено; *не було можліве* повесц цо ше ту стало), та кратши час ишли без словох. (Ал. 89)

14. a) ...he had taken his watch out of his pocket, and was looking at it *uneasily*, shaking it every now and then, and holding it to his ear. (Al. 99)

b) Винял свою годзинку з кишенки, патрел на ню *знемирено*, покивйовал ю з часу на час и приношел гу уху. (Ал. 102)

15. a) The Dormouse shook its head *impatiently*, and said, without opening its eyes, “Of course, of course: just what I was going to remark myself.” (Al. 100)

b) Пух *несцерпезліво* затресло з главу и, не отвераючи очи, гварел: „Розуми ше, розуми ше! Праве и я то сцел замерковац.” (Ал. 103)

16. a) ...the March Hare moved into the Dormouse’s place, and Alice rather *unwillingly* took the place of the March Hare. (Al. 108)

b) Марцов Заяц ше премесцел на Пухово место, а Алиса досц *недзечно* завжала место Марцового Заяца. (Ал. 110)

17. a) “Now, I’ll manage better this time,” she said to herself, and began by taking the little golden key, and *unlocking* the door that led into the garden. (Al. 111)

b) „А тераз, тераз ми то уж будзе лепше исц,” гварела сасей себе и, пошала з тим же вжала златни ключик та *одомкла* дзвери хтори водзели до гевтей загради. (Ал. 114)

18. a) and when she had got its head down, and was going to begin again, it was very provoking to find that the hedgehog had *unrolled* itself (Al. 122)

b) А кед би му заш лем намесцела главу и сцела шицко почац ознова, секирало ю кед видзела же ше їж *одмотал* и рихтал ше одшмикац. (Ал. 125)

19. a) Alice began to feel very *uneasy*... (Al. 122)

b) Алиса ше уж почала чувствувац барз *нелагодно*... (Ал. 125)

20. a) “Don’t be *impertinent*,” said the King, “and don’t look at me like that!” (Al. 125)

b) „Не буц *безочлїви*,” опомнул хо Краль, „и не пач так на мне!” (Ал. 127)

21. a) The Cat’s head began fading away the moment he was gone, and, by the time he had come back with the Duchess, it had entirely *disappeared*: (Al. 129)

b) Кандурова глава почала капац у истей хвильки кед кат пошол, и по хвильку кед ше врацел з Войводкиню, уж цалком *щезла*. (Ал. 130)

22. a) For some minutes the whole court was in confusion, getting the Dormouse turned out, and, by the time they had settled down again, the cook had *disappeared*. (Al. 101)

b) Єден час у цалей дворани запановал вельки непорядок док вируцовали Пуха, а по хвильку кед ше знова шицко змирело, кухарка *щезла*. (Ал. 125)

23. a) “Come, that’s a good thing!” she said to herself, for she had felt quite *unhappy* at the number of executions the Queen had ordered. (Al. 137)

b) „Е, то наисце фино!” хварела Алиса у себе, понеже була барз *нещешиїва* пре таке вельке число смертельных карох хтори Кралїца наказала вивершиц. (Ал. 140)

24. a) “No, no! The adventures first,” said the Gryphon in an *impatient* tone: “explanations take such a dreadful time.” (Al. 155)

b) „Не, не! Перше дожица,” умишал ше Грифон *нещернезїво*, „за толкованя треба страшно вельо часу.” (Ал. 157)

25. a) “Well, I never heard it before,” said the Mock Turtle; “but it sounds *uncommon* nonsense.” (Al. 158)

б) „Е, я то скорей ані не чула,” гварела Фалшива Коритнявка, „але ми звучи як даяки *незвичайни* безсмыслел.” (Ал. 161)

26. а) Alice did not dare to *disobey*, though she felt sure it would all come wrong... (Al. 158)

б) Алиса ше не ошмелела *не послухац*, гоч чувствовала же знова шицко випадне наспак... (Ал. 162)

27. а) On this the White Rabbit blew three blasts on the trumpet, and then *unrolled* the parchment-scroll, and read as follows: (Al. 165)

б) На тото Били Заяц три раз затрубел, а потим *розруцел* ролну пергаменту и пречитал... (Ал. 168)

28. а) ...he kept shifting from one foot to the other looking *uneasily* at the Queen, and in his confusion he bit a large piece out of his teacup instead of the bread-and-butter. (Al. 169)

б) Почал ше премесцовац з ноги на ногу, патриц *неспокойно* на Краліцу, и у шицкей своей змухавеносци одгризол вельки фалат шольки за чай место фалатка хлеба з маслом. (Ал. 172)

29. а) Alice looked at the jury-box, and saw that, in her haste, she had put the Lizard in head downwards, and the poor little thing was waving its tail about in a melancholy way, being quite *unable* to move. (Al. 178)

б) Алиса попатрела на поротніцку лавку збачела же од велького понагляня Ящурку поставела з главу на долу, та бидне мале створене жалосне махало зоз хвостом понеже *не було у можлівосци* вибахтац ше. (Ал. 180)

30. а) “*Unimportant*, your Majesty means, of course,” he said, in a very respectful tone, but frowning and making faces at him as he spoke. (Al. 179)

б) „*Неважне*, сцело повесц вашо височество, розуми ше,” гварел зоз полно почитованя, але ше хмурел и правел гримаци на нього док бешедовал. (Ал. 182)

31. а) He *unfolded* the paper as he spoke, and added “It isn’t a letter, after all: it’s a set of verses.” (Al. 181)

б) Док бешедобал *розкруцел* цидулку и додал: „Заш лем то не писмо, то якишик стихи.” (Ал. 184)

32. а) The *unfortunate* little Bill had left off writing on his slate with one finger, as he found it made no mark; (Al. 186)

б) *Нещешливи* мали Бил ше охабел писаня з єдним пальцом по таблічки, бо винашол же не охабя ніяки шлїд. (Ал. 190)

Јанко Рамач*
Универзитет у Новим Садзе
Филозофски факултет
Одделене за русинистику

УДК 811.161.2(497.11)-6
94(497.1)"1941/1945"
doi 10.19090/rs.2019.3.75-97

ПИСМА ВОЈКА**

У историографији Руснацох у Југославији тема Другеј шветовеј войни и участвованя Руснацох у ней недосц вигледована: нет синтетични роботи, котри би у цалосци спатрали тоту тему, а публиковани углавним поединечни роботи, вецей публицистичного характеру. Не публиковани ані даяки жридлово материяли, здогадованя, дньовніки або писма з того часу. Прето тримаме же "Писма војка", як их условно наволаме, котри писал Осиф Колошнія з Руского Керестура супруги Веруни и ей родичом, представяю драгоцини материял котри з веліх углох розшветлюе ширше патрено воєни обставини и як ше вони одражовали на фамилийни живот поединцох, на їх приватни живот, як ше поединци находзели у ніх, як их оценьовали. Читаюци тоти писма треба мац на розуме же у ніх найчастейше висловени кратки описи, хвильково думки, становиска, розположеня, и же војак зоз касарні, а поготов з фронту, не могол и не шмел писац шицко цо видзел, знал, доживйовал и чувствовал пре цензуру, котра дакеди була благша, але дакеди досц строга. Тримаме же тоти писма заслужую наукову увагу, анализу и толковане, а неодлуга, наздаваме ше, и публиковане як жридлового материялу.

Ключни слова: Осиф Колошнія, Руски Керестур, Југославянске войско, Друга шветова война, Восточни фронт.

У историографији Руснацох у Југославији не иснуе преглядна студия або синтетична работа котра би спатрала живот и участвоване Руснацох у Другеј шветовеј войни, од приказованя живота под час войни як найвекшей часци руского жительство на тих просторох, так и поединцох, а окреме участвоване у єдинкох Југославянского войска, перебуванс у зараброваню у немецких лагрох и на примушующей работи, участвоване у єдинкох окупацийного мадырского войска, у єдинкох Независней держави Горватскеј, у руху одупераня, у

* janko.ramac@ff.uns.ac.rs

** Робота робена на проєкту *Војвођански простор у контексту европске историје* Министерства просвити, науки и технологийного розвою Републики Сербии ч. 177002.

партизанских єдинкох/Югославянскей народной армії, або на други способ активне участвоване у войны. Исную поєдинечни прилоги и статї, у котрих спатрани поєдини теми у вязи з войну, о партизанских базох (Latjak, 1981a), о снованю келиюх Комунистичней партії Югославиї и антифашистичней женскей організації у Руским Керестуре (Latjak, 1981d; Latjak, 1981c), о участвованю у войны Руснацох у даєдних населеньох (Latjak, 1970; Latjak, 1981b; Latjak, 1981e; Latjak, 1981f), або часци студийох/монографийох, у котрих тиж так парциально приказани даєдни подїї и участвоване у войны (Biljnja, 1987: 143–189; Tamaš, 1992: 263–304). Тема участвованя Руснацох у Другей шветовой войны присутна и у уметницькей літературі, у творох Евгения Е. Кочиша, Влади Костельника, Владимира Бильні и других (Tamaš, 1997), котри мож хасновац лем як ширши рамик опису поєдинечних подїйох и ситуацийох, але не и брац як примарне жридо у наукових вигледованьох. Прето писма/карточки Осифа Колошняя,¹ котри вон писал супруги Веруни, а дакеди и єй родичом, од фебруара 1941. року перше як резервиста Югославянского войска, познейше, 1942. и 1943. року, кед на два заводи бул поволани на вежбу до малярского окупационного войска як гонвед,² а найвещей кед бул мобилизовани до того войска и послани на Восточни фронт у януаре 1944. року, по септембер истого року, кед написал остатне писмо котре зачуване з того часу – драгоцене историйне жридо котре дава богатство податкох, описи поєдинечних ситуацийох, становиска и оцїнки звичайного вояка. За лепше розумене писмох, односно подїйох котри ше зменьовали як на филмскей пантлїки, од хвильки кед Осиф бул поволани до резерви Югославянского войска по конец войны вельо може помогнуц його дньовник ”Подсетник регрута”, дзе велї поєдиносци и подїї, його перебуванє и рушаня дакеди точнейше означени и датовани (Ramaš, 2018). У тим чаще Осиф написал супруги Веруни и єй родичом вещей як сто карточки и писма, але не шицки зачувани. Познейше, кед ше врацел дому, тоти зачувани поскладад и означел з зеленим клайбасом зоз шорнима числами од 1–100 (не вше точно по хронологийним шоре як су писани), але и ту даєдни числа

¹ Осиф Колошняї народзени у Дюрдьове 10. IV 1917. року. Мац Мелана умарла 1918. року, а оцц Йовген ше оженел 1921. року и преселели ше перше на Косанчич, а вец прешли до Руского Керестура. Осиф як хлапец служел у єдного Шваба у Крущичу, котри го дал (чи прешвечел оца же би го дал) на виучованє ремесла до Сримскей Митровици. Там Осиф виучел скравецке ремесло и 1937. року положел майсторски испит. 1940. року ше оженел з Веруну Джуньову (Андичову). Умар у Руским Керестуре 1986. року.

² Гонвед (маляр. honvéd) – домобран, вояк регулярного малярского войска.

недоставаю. Не познате чи вони у медзичаше були затрачени або єдноставно зніщени або видвоєни пре даяки причини. За формоване подполнейшей слики о шицких тих подійох и преживйованьох барз значна подполна преписка, односно и писма котри Осиф доставал од супруги Веруни и ей родичох, але вони не зачувани. Осиф у писмох супруги з фронту спомина же чува ей писма, але нажал, шицки затрачени кед бул ранети 24. юлия 1944. року и вец превежени перше до Ческей, а вец до Австриї, дзе еден час бул на ліченю: "Шицко сом потрацел, лем фото-слика моей жени остала" (Ramač, 2018: 176).

Як вислужени вояк и воєни обовязнік, Осиф бул поволани як резервиста до Югославянского войска и од 20. фебруара 1941. року бул у касарні у Сомборе – VII полк, 3 батальон, 3. чета, и ту остал по 3. април, кед пред самим нападом Немецкей на Югославию (6. 04. 1941.) войско у маршу рушело на юг, до Сербії, дзе ше концентровани воєни єдинки за одбрану жеми. У Лешници 14. априла єдинка у котрей ше вон находзел була залапена од немецких СС єдинкох и такой були преруцени на сивер Немецкей до лагрох за зараброваних воякох (Ramač, 2018: 159).

Од 23. фебруара 1941. року, кед як резервиста Югославянского войска написал супруги Веруни першу карточку, по початок Другей шветовой войны у Югославиї и одход зоз Сомбора на територію Сербії, Осиф написал супруги Веруни седем карточки и єдно писмо, и єдну карточку ей родичом. Познейше, од 4. мая 1942. року, кед бул осем тижні на вежби як резервиста мадырского окупацийного войска у Сомборе, зачувана лем єдна карточка, а з 1943. року, кед знова од 10. септембра по 18. децембер 1943. бул на воєней вежби на истим месце и у истей єдинки, зачувани 13 карточки писани супруги Веруни, остатня од 14. децембра з ч. 23.

14. януара 1944. року Осиф бул мобилизовани до мадырского войска и послати на Восточни фронт. Од теди по 15. септембер истого року, кед написана остатня його карточка зачувана з войнового періоду, написал супруги Веруни (даскельо ей родичом) вецей як 70 карточки и писма, але не шицки зачувани.

Такой у перших зачуваних карточкох/писмох Осиф як резервиста Югославянского войска (фебруар – марец 1941. р.) виноши интересантни замеркованя, нешка углавним познати факти з историй. Вон тримал же резервисти поволани прето же войско не мало досц воєного кадру: "лем прето зме ту, же ньет досц кадровцох". З його писмох ясно видно же войско слабо организоване. Уж у першим писме наводзи: "до тєраз зме нич не зробели, лем фурт чекаме тих цо приходза, бо једни ше обљєкаю, а други зобљєкаю" (25. 02 1941, карт. 1). Спомина же предпоставени официре барз нервозни та легко, и за малу вину, мож заслужиц кару – гарешт. И у других карточкох зоз

касарні у Сомборе Осиф наводи тото що видзи як звичайни вояк: же стан у Югославянским войску пред самим початком Другей шветовой войны бул катастрофални: офицерски кадери бул досц дезориєнтовани, координация слаба, резервисти немотивовани и недисциplinовани: вноци и за викенд велі сцекали з касарні, гоч за тото були предвидзени кари – найчастейше гарешт у касарні (Писмо и карточка: 2. 03. и 12. 03. 1941). Резервисти не були заинтересовани за живот у касарні, роздумовали лем о тим як цо скорей отамадз висц и врациц ше до звичайного цивилного живота. Так и Осиф совитує супруги Веруни же, кед ше людзе буду интересовац же би дацо ушил за Вельку ноц, лем най прима роботу, бо ше наздавал же озда швидко придзе дому и сцигне то до швета поробиц. Дакеди пише супруги и интимнейши ствари, цо и розумліве, бо вони лем 1940. року були побрани (Рамач, Рамач, 2018: 153). Дзеци ище не мали. Пише ей о любви, о малженским довирию и вирносци, а часто ей, як младеј газдині, совитує цо и як би мала робиц у обисцу. Так, наприклад, пита ше ей чи виняла шунки з комина, же би ше не прекурели. Осиф очиглядно бул предплатнік на *Руски Новини*,³ бо у писме пише супруги же би чувала тоти числа новинох цо достава (2. 03. 1941, писмо, 2). Осиф дакеди писал и швекрови и швекри и з тим им указовал почитованє и подзековносц (5. 03, карта, 3).

При концу марца 1941. року, кед ше у держави политична ситуация заострийовала, офицере поставали вше нервознейши, а у касарні ше запровадзовала векша дисциплина и строгосц. Шицко було у приправносци. Анї офицере не могли виходзиц зоз касарні без дошлебодзєня (24. 03. 1941, карт. 5). Але, випатра ше и теди з резервистами мало робело на воєней обуки, бо Осиф наводзи "тераз не барз егзецираме, найвечей зме по роботох койкадзи по магазинох". Вон теди робел у хлівох при коньох. З його писмох мож заключиц же медзи резервистами була добра атмосфера: єдни других потримовали и прикривали кед у питаню сцекане з касарні и подобне несполньоване длужносцох. И Осиф, гоч очиглядно же по природи бул точни, послушни и дакус бояжліви, бул порихтани за викенд сцекнуц дому (12. 03. 1941, карта, 6).

Найблізши могли приходзиц до касарні нацивйовац резервистох. Осиф у писмох наводзи же велі жени и други блізши з Керестура приходзели вєдзелю до нациви до касарні у Сомборе. И його супруга дакеди приходзела на бицигли. Вон ей радзел же би не приходзела сама, бо ше бал же би ше ей дацо у драже не случело.

³ *Руски новини* – тижньово новини, орган Руского народного просвитного дружтва (1924–1941).

Вояци, як тоті у порядним войску, так и резервисти, вше роздумую лем о тим кеди пойду дому. Осиф при концу марца 1941. року пише супруги же ше приповеда же ше пошвидко враца дому, гоч чежко вериц же така информация сциговала од официрох у чаше кед политична ситуація у держави була барз зацагнута.⁴

У карточки першого априла Осиф пише супруги же му мило же го була нацивиц и же могли ведно висц до городу. Медзитим, не ясне чи вон теди запожнел до касарні, чи не мал дошлебодзене за виход з касарні, бо у писме спомина же є задовольни же го не обачели кед уходзел, бо ”вельох влапели – заварти су” (1. 04. 1941, карт. 8).

На початку априла уж почали премесцованя поєдиних єдинкох: 3. априла єдинка у котрей бул Осиф мала вноци прейсц до Пачиру. Теди до резерви почали брац и старших воєних обовязнікох, та ше Осиф питал супруги чи и оец не наруковал (4. 04. 1941, карт. 9). То його остатне писмо з резерви. Цо ше далей случовало мож видзиц зоз його дньовніка, котри педантно водзел (Ramač, 2018). Ушлїдзели кратки марши и премесцованя воєних єдинкох з Бачки до Сербії, дзе єдинку у котрей бул Осиф залапели немецки СС єдинки 14. 04 1941. року у Лешници. Там направени за нїх лагер у порти православней церкви (Ramač, 2018: 160). Отамаль их преруцели до Сримскей Митровици, дзе их змесцели до завартих вагонох и далей их преруцели до Осеку, дзе були три дні и три ноци у одпремним лагре у кругу фабрики цукру, а вец ушлїдзело чежке путованє у вагонох на сивер Немецкей, недалеко од Бременвердену, дзе бул лагер за воєних зараброваних. По врацаню з лагру дакус меней як рок препровадзел дома, а 04. 05. 1942. року бул поволани на воєну вежбу як резервиста до мадярского окупацийного войска. Теди з Руского Керестура поволани до резерви 69 хлопи (Ramač, 2018: 171).

Перше писмо як резервиста з мадярского войска, дзе бул як обични пешак honvéd, написал супруги Веруни 5. мая 1942. року. У тей карточки пише же их два тижні не пуца з касарні, а вец озда достаню урлап.⁵ Найвечей у касарні було тих зоз Старей Мадярскей,⁶ але були и даскельо з Керестура. У касарні ше бешедовало по мадярски, та Осифови було дакус цілво, але з тим не мал векши проблеми прето же розумел и бешедовал по мадярски (5. 05. 1942, карт. 10). Тото пребуванє у резерви тирвало осем тижні, по 30. юний

⁴ У Београдзе и у других городах 27. марца були протестни демонстрації против подписованя приєдинєня Кральовини Югославиї гу Тройному пакту, котри подписани у Берлину 25. 03. 1941. року.

⁵ Урлап – од нем. Urlaub – вояцке одсуство.

⁶ Стара Мадярска – Anyaország – матични односно етнічни мадярски жеми.

1942. року (Рамач, 2018: 172), але з того часу зачувана лем тота една карточка и не познате чи написал вецей.

Други раз бул вжати до резерви мадярського войска 20. септембра 1943. року, до Сомбора, на исте место як и пред тим (Рамач, 2018: 172). Першу карточку супруги написал отамаль 23. септембра. Пише же добре допутовал на гайзибану. Такой го як скравца дали до мигелю скравцох. Роботи було вельо. Осиф бул прешвечени же их прето и поволали до резерви же ест вельо роботи. Писал же едзень доставаю досц. Навецей мал коло себе Мадярох зоз Аняорсагу.⁷ На початку верел же не остане длуго, же ше швидко враци дому (23. 09. 1943, карт. 19). После того, введзелю 26. септембра пополадню писал супруги же му ”ње подло“, але у мигелю, дзе их було 11 хлопох, маю вельо роботи. Пише же ше праве рихтал висц до городу купиц цигари, бо у касарні не мож купиц. У касарні видзел лем єдного Руснака, але з нїм не могол длужей бешедовац, бо кажди понаглял по своєй длужносци. Наводзи же достал першу плацу.⁸ Випитовал ше супруги о домашніх роботох: чи уж зомлела муку, чи ламе кукурицу и подобне (26. 09. 1943, карт. 20). Спомина же вони у мигелю робели од шейсц рано до осем годзин вечар, бо думали же кед скорей поробя тото цо им наложене – скорей пойду дому.

Осиф у писмох совитовал супруги же би затримовала роботу, тото цо уж ма наручене як скравец, наздаваюци ше же ше швидко враци и же сцигне шицко пощиц. Спомина и же колачи цо принесол з дому уж поедол: ”барз були добри, лєм их њет“. Наводзи же зоз нїм у мигелю були найвецей Мадяре – тоти ”од горе”, шицко добри людзе, поженети, а понеже знал мадярски, не було му чежко пре язык. Поносавал ше лєм же не може спац пре блощици. Пише супруги и же бул у канцеларії и покончел шицко же би вона доставала помоц док вон у резерви. Совитовал ей же кед ю буду волац до општини, най пове же не ма нїяки приходи. Док бул у резерви, з плаци котру доставал єдну часц пенежу такой посилал супруги и писал ей же би шицко повиплацовала цо треба, же би купела древа, кед ей видзе, и друге (28. 09. 1943, карт. 21).

Читаюци писма котри посилал супруги док бул у резерви, мож заключиц же Осиф верел, або голем так прешвечовал супругу, же су поволани до резерви лєм же би поробели даяки роботи, а вец их пуца дому. Кед до касарні мали присц нови регрути з Керестура, Осиф

⁷ Аняорсаг - Anyaország – матични односно етнічни мадярски жеми.

⁸ Под час Другей шветовой войны вояци у мадярским войску, резервисти и мункаше – тоти цо були одведзени на обовязну роботу у Мадярскей або провадзели мадярске войско на фронту – доставали одредзену плацу.

писал супруги же би му з німа послала колача зоз маком. Теди ей писал же кед на други тидзень законча роботу котру робя – озда их пуца дому зошицким, бо тоти ”цо мали пойсц зос Зомбора” (на фронт), уж пошли. Спомина же достал плацу и цигари. На концу писма, по обичаю, поздравя шицких найблізших: свою и женову родзину (2. 10. 1943, карт. 11). У шлідующей карточки Осиф пише супруги же достал пак котри му послала з Єфремом. Знова спомина же роботу котру робя законча того тижня, але уж не знал повесц цо будзе далей. Гоч ше наздавал же их пуца дому, заш лем ей совитовал же би поєднала роботнікох гу роботи з вицагованьом цвикли, бо роботу треба покончиц на час. Радзел ей же лепше же би вона ламала у дакого кукурицу, кед найдзе дагдзе, та заламе и меней буду куповац. Очиглядне, вони теди не мали посадзену кукурицу. Совитовал супруги и же би дала витрец конопу док хвиля. Питал ше ей и чи видно чи швиня прашна. Гоч физично одсутни, Осиф ше интересовал о шицких домашніх роботах и намагал ше голем зоз совитами помогнуц супруги котра як млада газдиня ише не мала досц искуства и знаня провадзиц з обисцом. З другого боку, Осиф ше намагал шицок живот у касарні прилапиц цо мирнейше, без вельо поносованя и не виражуюци незадовольство або даяке процивене. Так, кед до касарні сцигли нови регрути, спомина же за ніх ”старших воякох” то добре, бо офицере вецей уваги буду пошвецовац тим новим, цо лемцо пришли, а тоти старши буду мац вецей шлебоди. Осиф випатра любел куриц и досц курел: часто, кед у касарні доставали догану або цигари спомина же ”будзе цо куриц”. У єдним писме спомина же му у войску не так подло, але, заш лем, волел би буц дома, як у касарні трациц час на койяки платаня и оправки. Очиглядно, не видзел оправдане и смисел перебуваня у касарні, але тримал же и то лепше як же би их послали на фронт, так як даєдних зоз касарні у Сомборе уж послали (5. 10. 1943, карт. 12).

Кед Осиф на початку октобра 1943. року не достал дошлебодзене за викенд пойсц дому (8. 10. 1943, карт. 13), супруга го пришла нацивиц. Нажаль, могла го лем накратко видзиц, бо праве теди бул у гарешту. О тим прецо бул покарани ніч не спомина, лем наводзи же му жаль же вона пришла, а не могли длужей буц ведно. Як наводзи, у гарешту бул три дні и три ноци (13. 10 1943, карт. 14). Вироятно же после тей кари не могол такой достац дошлебодзене за други викенд пойсц дому, та писал супруги же би му, кед будзе на недзелю приходзиц, принесла тото цо му було найпотребнейше: чисту кошулю, хусточки до рукох, миделка за бритвене, чисти ручнік, и вшеліяк – з маком колача (15. 10. 1943, карт. 15). После того и вон бул дома, бо у карточки 28. октобра пише же ше добре врацел. Гоч ше уж наздавал же пойдзе зошицким дому, гварели им же лем половка

скравцох з мигелю пойдзе дому, а таки як вон, цо не маю дзеци, вироятно останю у касарні до Крачуна. Прето писал супруги же би му послала ручнік и гуглоф, кед му мац упече (28. 10 1943, карт. 16). Випатра же му супруга на початку новембра знова була у нащиви, бо у карточки спомина же вчас рано вошел до касарні, вироятно уж кед ю випровадзел, и же го ніхто не видзел, а ані го не гледали док бул одсутни, так же ше шицко добре закончело. Медзитим, мал бригу як ше вона врацела, чи добре походзела (8. 11. 1943, карт. 17).

На початку новембра ше уж требало рихтац за клане швині. Дома не мали ванічку та ю Осиф пробовавал найсц у дутянох у Сомборе, але ше му не поспишело. Писал супруги и же би дагдзе набавела отруби – озда за швиню (1. 11. 1943, карт. 18).⁹

На початку децембра, кед уж видзел же можебуц не придзе швидко дому, совитовав супруги же би сама організовала клане швині: же би поволала своїх братох же би ей у шицким помогли, але ю модлел и же би поволала и його оца, голем на вечеру. За ванічку и гордов не знал цо порадиц, бо не нашол купиц. Оставало лем пожичиц од дакого (4. 12. 1943, карт. 22). Верел, а вироятно им то и обецали, же голем за Крачун придзе дому на урлап (14. 12. 1943, карт. 23). 18. децембра пришол з резерви не лем на урлап, але як сам наводзи – ”зос шицким” (Рамач, 2018: 172). Медзитим, случело ше тото цо вон можебуц и не обчековав, або думал же го може заобисц: 14. януара 1944. року достал ”шаш” цидулу,¹⁰ а 18. януара уж бул у Билим Манастире, дзе ше формовали як єдинка и такой их посилали на Восточни фронт (Рамач, 2018: 172–173). З перших писмох котри посилал з фронту не видно як вон то преживйовав. Вироятно о тим не сцел, або ані не шмел писац пре цензуру, але очиглядно и же сцел указац же є змирени и же шицко цалком нормално подноши, же би змирел супругу котра то вельо чежше преживйовала и барз ше бриговала за нього.

У *Потсетнику регрута* Осиф записал же першу карточку з Восточного фронту написав супруги 21. януара 1944. року (Рамач, 2018: 173), а у карточки 25. януара пише же то перша карточка котру отамаль посила. Карточка писана по малярски. Кед то наисце перша карточка як наруковав 14. януара 1944. року, не ясне дзе карточки з шорнима числами, 24, 25. и 26, бо тоти з тима числами не зачувани. У карточки од 25. януара Осиф пише супруги же би не була барз смутна. Обецує же ей будзе писац два раз до тижня. Наводзи же є на добрим месце, не на небезпечним. Правда же маю досц роботи, але зато ше не

⁹ Шорни числа писмох/карточкох и датумох на ніх не складаю – очиглядно же Осиф дагдзе познейше погришно написав шорне число.

¹⁰ Поволанка до войска.

змарзує, не гладни є и не смиядни. Ма цигари и здрави є (25. 1. 1944, карт. 27).

Другу карточку з фронту Осиф написал супруги исто по мадярски, 30. януара, и ясно пише же то друга котру отамаль послала (30. 1. 1944, карт. 29). Обещує же ей будзе писац пондзелок и пияток. Пише ей же док вон вояк, вона будзе доставац материялну помоц, а кед ю достанє, най купи праше. И треца карточка писана по мадярски. У ней Осиф спомина же достал перше писмо од мацери, а ей, супруги, послала по Андрийови Надьови 40 пенги (2. 2. 1944, карт. 30).¹¹

Карточка ч. 31 писана по руски. Випатра же тота карточка барз швидко сцигла, бо Осиф пише же достал ей карточку котру писала 30. януара. Спомина же там пада шніг. Найвекша радосц му кед од ней достанє пошту. На концу ю поздравя и наводзи: ”писане даљеко”, бо не шмел точно написац дзе ше находзи (6. 2 1944, карт. 31). Карточки ч. 32 и 33 писани по мадярски, а по датумох на нїх видно же их шорни числа неточни. Внєдзелю 13. фебруара Осиф писал супруги же достал писмо цо му писала 4. фебруара. Спомина же є уж на трецим месце одкеди є ”у цудзини” (13. 2. 1944, карт. 32). Карточки писани по мадярски досц кратки. Так 11. фебруара пише же є здрави, цо и ей жичи. Наводзи же часто меняю место. Достал писмо цо му послала и пак, а у нїм барену сланїну, цигари односно доган и жилети. Пита ше ей дзе бива, чи є у родичох чи у родичох и чи мац ище хора (11. 2. 1944, карт. 33).

34. карточка писана по руски, але з латиницу, з мадярским правописом. Осиф модлї же би и му супруга часто писала, бо барз чека од ней пошту, и же би му послала свою слику. Наводзи же ей не може обяшнїц дзе ше находзи. Посила ей купон же би му могла послац пак. Супруга му у писму писала же була забивачка, на цо вон одвитує же є уж жадни смачного полудзенку. Спомина же там жимно, мрази и єст шнігу. Модлї ю же би дакеди пошла и до його родичох (17. 2. 1944, карт. 34). Шлїдуоцу карточку знова писал по мадярски, внєдзелю 20. фебруара (20. 2. 1944, карт. 35). Так ше зменьовали карточки писани по мадярски або по руски з латиницу або з кирилку, цо вироятно завишело од того чи тот цо препатрал пошту хтору вояци посилали розумел по руски або чи знал и кирилку. 24. фебруара Осиф писал супруги по руски, з кирилку. Спомина же є найвещей на стражи. Змесцени су у єдним валале. Здрави є. Модлї же би му цо скорей послала пак, цо значи же теди мадярске войско на Восточним фронту, або голем там дзе ше вон находзел, доставало мало єдзєня. То мож заключиц и по других писмох з того часу. Наводзи же Керестурци

¹¹ Pengő – пенєж у Мадярскей од 1927–1946. року, мал 100 филери (fillér).

котри нараз пошли на Восточни фронт не шицки у истей єдинки, але су недалєко єдни од других. Спомина же там дзе ше находзи вельки лєси (24. 02. 1944, карт. 36). Осиф ше и зоз фронту интересовал о тим цо ше дома случує, як супруга газдує, цо роби. На концу фебруара єй писал же єй пошлє пенєжи же би купела праше и же би мала за кукурицу. Могол єй послац скоро цалу плацу, бо, як наводзи, там дзе ше находзел не мож трошиц – не було цо купиц, аж анї ширку. Модліє супругу же би нашивйовала и його родичох. Описує же условия за живот, поготов гигиєнски, були барз слаби: не мож ше анї умиц, нет мидла, не мал ручнік анї торбу, не мож ше обривтиц. Але, на щєсце – жима одмєкала. Наводзи и же достал пак и барз ше му зрадовал (27. 2. 1944, карт. 37). Поровнууюци живот и условия регуларного мадярского войска на Восточним фронту з опису Осифа Колошняя и мункашох – тих цо були одведзени на роботу, аж и теди кед провадзели войско на фронту, по здогадованьох профєсора Миленка Палича,¹² мож заключиц же мункаше, там дзе вон бул, а то було у Годмезевашаргелю, Сєгєдинє, и у Карпатох, у Тачеве, Рахове и у даєдних других местох, не гладовали, бо єдзєня було углавним досц, а и гигиєнски условия були досц добри: могли ше купац, орайбац, обривтиц итд. Дакеди доставали одсуство и могли на даскельо дні пойсц дому, до Бачки. Могли доставац з дому паки, могли дакеди виходзиц до городу, даєдни мали аж и дзивки там дзе перебували, и могли пойсц и до їх домох и подобне. У каждим случаю, и автор заключує же им мункашом було лепше, гоч прави Мадяре тримали же Серби з Бачки, котри на таки способ були мобилизовани, були понїжєни прето же не достали оружє и не могли ше бориц ”за оцовщину” (Palić 2003: passim).

Же би голєм дакус сцєкол од воєней каждодньовосци, Осиф на фронту у шлєбодним чаше складал писньочки и посилав их супруги у писмох. Вироятно же ю и на таки способ сцєл дакус розположиц и прєшвєчиц же живот на фронту не таки страшни. У писме єй послал писню *Дзвони дзвоня у моїм валалє* (27. 2. 1944, писмо 38).

Першого марца Осиф писал супруги же ше нїч новє не случує, лєм же слабо достава од нєй писма. Медзитим, случовало ше же дакеди достал и вєцєй нараз. Спомина же уж достал шинєл. Жима одмєка, дижджи падаю та вшадзи блато – то таки край. Пише же ше бої лєм од ”жєлєзних кочох“ – дзелох (1. 3. 1944, карт. 39). Штєрацєту карточку написал по мадярски. Поздравя супругу, родичох и родзини.

¹² Миленко Палич (1921 – 2003) – доктор историйних наукох (1972), од 1977. року робєл на Филозофским факултєту у Новим Садзе. Опубликовал дзєшєц кнїжки, числєни студиї и статї. Предмет його наукового интересованя бул мєдзинародни и югославянски роботнїцки рух и история Нового Саду.

Спомина же вше чека од ней пошту. Пак достал, а и пенєжи ей послал. Наводзи же є на добрим месце и модлі ю же би була на мире. Хвиля досц добра (3. 3. 1944, карт. 40).

На початку марца, у карточки котру писал по руски, з кирилку, Осиф дава дакус вецей потатки о живоце на фронту. Наводзи же є здрави. Нога го не болі, бо не ходза вельо пешо, а з дому ишли на гайзибану. Не познате чи можебуц и скорей мал здравствени проблеми з ногу. Його єдинка мала длужносц чувац гайзибанску драгу хтора ишла ”прес мокровити жеми и леси, на таким одстоянню як од Кули по Оджак”. А там ”њич веселого, лєм пошльидки войны”. Пише супруги же ше медзи німа уж бешедує и о урлапу, але вон трима же то найвироятнейше будзе аж о пейц мешаца, и коментарує: лєм ”кед би було, и то њедаљеко”. На концу поздрав: ”до скоршого свиданя” (5. 3. 1944, карт. 41).

Супруга Веруна вироятно писала Осифови же ходзи пресц, на цо вон одвитує же би любел голем шедзиц там дзе вони преду. Спомина же и там дзе вон жени преду, але маю иншаки кудзелі. Супруга му пише и же неодлуга будзе ткац. Осиф ше ей пита чи витарла конопу, чи ма пенєжи за гордов. Мило му же добре газдує и совитує ей же, кед ма омасци, най нікому не дава, а ніхто ані не муши знац кельо ма, и най ше не бої же од ней вежню (без датума, 1944, карт. 42).

Осиф 8. марца спаднул до рукох неприятеля, бул у ”пліну” – заробровани седемнац-осемнац дні, и у тим чаше не могол писац. Але, як наводзи, при нападу Немцох ”szom u znoju i sztrahu vislyebodzeni”. Пише же можебуц будзе покарани прето же ше ніби ”нароком” придал неприятельови. На Восточним фронту було велі случаї же ше Славяне з малярского войска придавали єдинком ”Червеной Армії”, але очиглядне же Осиф то не зробел. Наводзи же записнік о шицким справени, але думал же го ише даю на воєни суд. Модлі супругу и родичох же би були на мире. Пише же други пак цо му послали ише не достал и же му єден час не годни писац док ше шицко тото вишлїдзованє не закончи. У тим и у других писмох Осиф висловює свою християнску виру – вери же го Бог и Ангел Хранитель чуваю. Карточка писана по руски, з латиницу, з малярским правописом (31. 3. 1944, карт. 43).

Малярски вояци на Восточним фронту за Вельку ноц 1944. року достали малярски винчованки котри могли послаца дому. На ней чарно-била слика: малярски вояк у униформи, з шлемом на глави и пушку на плєцу, а у рукох трима и гласка билого заяца. Под слику Осиф по малярски винчує супруги и родичом шешлїву Вельку ноц, а по руски з кирилку написал: ”Осиф, Христос Воскрес” (3. 4. 1944, карт. 44).

На початку априла Осиф у писме знова пише супруги о тим як бул залапени. То му були найдлугши дні. Пише по руски, з латиницу. Наводзи же є здрави. Длуго не могол писац прето же бул залапени. Кед уж могол писац, спомина супруги же од ней давно не достал пошту та му чежко кед видзи же други доставаю. Посила ей нову адресу на котру му ма писац. Там дзе бул премесцени не мал нікого од Руснацох, ані нікого з Бачки. Наводзи же є у позадини, ”*пуе blyiszko ohnuя*“. Модлі супругу же би му писала длуги писма, же би мал цо читац. Спомина и же му обецали урлап, але не наводзи кеди (7. 4. 1944, карт. 45).

Осиф з часу на час писал и швекрови и швекри. И им спомина же бул залапени. Наводзи же там дзе бул премесцени ма таких цо уж скоро два роки на фронту. Пита ше за супругу дзе бива, прето же му вона у писмох споминала же у ніх предзе (7. 4. 1944, карт. 46).

На Желени штварток Осиф у карточки пише супруги же є здрави, же жиє у цихосци и дума на ню. Модлі ю же би му писала цо роби, а може написац и писмо. Спомина же давно уж ні од кого не достал пошту. Жичи ей веселу Вельку ноц (На Желени штварток, април 1944, карт. 47).

Шлідуюче писмо Осиф написал по мадярски. Спомина супруги же достал ей писмо од 24. марца, у котрим спомина пише же 11. марца була у Водици.¹³ Далей наводзи и же бул зоз Я. Провчийом и же ище не достал треци пак (15. 4. 1944, карт. 48).

На Квитну недзелю Осиф написал супруги карточку. Питал ше як ей було на швето и чи ше уж вельо у валале пременело. Наводзи же є здрави, цо и ей жичи. Питал ше ей и чи ище бива у анді Колесаровой. Вон ше теди находзел у позадини, не мал ніяку воєну длужносц. Робел у єдним купатилу, топел и пораел. Спомина же кед бул зарабровани та му вжали годзинку, шинел и блузну, але ше голем здрави врацел. Пише ей же себе муши койцо куповац, цо му найпотребнейше, та ей не годзен послац пенєжи за марец. Там не ма нікого од Руснацох, але недалеко бул Єфрем Салаков зоз Дюрдьова, родзина. Осиф наводзи же док го ище воєни власци випитовали пре спомнуте зараброванє та не могол нікому писац, прето гварел Єфремови же би им вон написал цо зоз нїм. Ище не знал дзе го враца до войска – чи на старе место (погришно датоване: место 9. IV стої 9. VI, 1944, карт. 70).

У априлу Осиф пише супруги з поздравом ”Христос воскрес” и наводзи же достал од ней писмо 13. того мешаца. Барз ше му зрадовал, а ю поцешує и модлі же би не була смутна и же би мала вири

¹³ Не познате о котрим городзе слово.

и надії. Спомина же препровадзел Вельку ноц, але на паску и колачи анї подумац не шмел. Шицки три дні швета препровадзел на длужносци, як ”мерковач” на високих турніскох. Наводзи же ма прейсц ище едно випитованє прето же ше нашол залапени од неприятеля. Супруга му у паку послала писмо и слику. Пак у касарні отворели и слику и писмо вжали, бо ше у паку тото не шме послаца. То Осифа бриговало – бал ше же би и супруга прето не мала даяки проблеми. Совитовал ей же би убудуце шлебодно писала о приватним живоце, о газдованю, але же не мож писац о тим цо ше трима як воєна тайна, и же ше до пакох не шме класц писма и слики (18. 4. 1944, карт. 49).

На початку априла Осиф написал супруги карточку по мадарски. Писал же є здрави и же є знова врацени до єдинки у котрей бул скорей. Винчовал ей щешлїву Вельку ноц (6. 4. 1944, 6б). И у шлїдуюцей карточки, котру написал по руски, з кирилку, наводзи же є врацени до єдинки ”гу старим пайташом”, але теди уж були на пиятим месце одкеди були преруцени на фронт. Спомина же ше приповеда же их преруца блїжей гу дому, та ше наздавал же ше неодлуга увидза. На здраве ше не поносавал, лем же го лапел цуг, та го боля зуби. Питал ше супруги чи уж купела праше и як ше преселела. Пише ей же би любел же би му варела галушки з билей муки, бо одкеди є там – не єдол з билей муки ніч. Вше лем кромшї. Кед би шмел, виприповедал би ей як там людзе жию. Наводзи же там дзе теди бул паки не сциговали, але ей зато послал 335 карбованци¹⁴ – 52 пенги (22. 4. 1944, карт. 50).

Першого мая Осиф написал супруги карточку по руски, з латиницу. Спомина же достал од ней два карточки и два писма. Там дзе ше теди находзел Руснацох не було. Наводзи же их трох партизане зарабровали, а лем вон ше врацел. Кед би ше не врацел, хто зна дзе и як би закончел. Док бул ”у плїну” єдзене порядне доставал и, як наводзи, не рушали го. Модлї супругу же би му послала свою фотографию. Наводзи же пише лем ей и родичом, бо карти не мож набавиц. Спомина же им гуторя же кед отамаль виду та ше застановя на Дунаю, у наших крайох. Пише же уж навикнул на шицко, бо през вельо койчого прешол, а вше покладад надїю на Господа Бога (1. 5 1944, карт. 51).

На початку мая Осиф написал супруги писмо по руски, з кирилку. Спомина же пошта нешорово сцигує. Пришли му вецей писма нараз, але бул барз завжати, бо заберовали розплашених людзох, та не могол такой одвитовац. Там май жимнейши. Ище нет квеца.

¹⁴ Карбованец (укр. карбованець) – українська назва за рублю, пенєж у Советским Союзу.

Часто меняю место. Меня и пошту. Спомина и же Провчи не зоз нїм, а ище даскельо Керестурци недалеко од нього, Владо Лацков, Медеши, Габор Рацмишков и Колошняї. З Єфремом Салаковим бул лем раз. Супруга му писала же не легко найсц наднїцу на полю. Вон ей радзи же би ше анї не убивала барз, бо вон ей будзе посилац пенежи. Цо не потроши, най дава людзом на пожичку з камату, а за интерес годна купиц жито, лем кед го будзе. Наводзи же там дзе вон велька беда, ест лем чарни хлеб, а найвецей єдза кромплї. Пише же би уж барз ишол дому. Навецей су у декункох, а там ище жимно та ше прехладзел и боля го зуби. Чул же паки уж мож посилац. Совитує супруги же би не предавала сланїну и масц, а з прашецом най роби як зна. Зна же кукурица драга, але там дзе вон – на фронту, кукурици анї нет. На урлап пушаю лем тих цо им розбите обисце, та му було ясне же так швидко не годзен присц дому. Питал ше супруги цо з його шивачу машину, чи ю однесла до ей родичох або ю вжала зоз собу. Наводзи же перебуваю у вельких лесох, дзе ест красни ядловци. Але не шицко таке красне: ест вельо блошици, бо ше райбало раз або два раз одкеди у януаре пошол з дому (7. 5. 1944, писмо 52). Осиф звичайно за векши швета писал и швекрови и швекри, та так було и на тот Кирбай (9.5. 1944, карт. 53).

Вояци зоз фронту мушели писац писма так як ше од нїх вимагало. Осиф найчастейше писал по руски, з кирилку, ридше по руски з латиницу, з малярским правописом, а дакеди и по малярски. Звичайно, кед ситуація була озбильнейша, воєни власци вимагали же би ше писма писало по малярски и теди контрола була вельо строгша.

У маю Осиф совитовал супруги же би себе дала положиц зуби, же би не сановала пенеж, але анї же би не дошлебодзела же би ей зубар подзиравел шицки зуби же би их пломбирац (11. 5. 1944, карт. 54).

Пошта не вше єднак ишла: дакеди досц пожнала, дакеди сциговала швидше. Так, наприклад, у карточки 13. мая Осиф писал супруги же уж достал од ней писмо котре писала 7. мая. Ту наводзи же є уж два тижні у першей линїї, а Провчи дакус назадку. Паки ше им теди не могло посилац. Пише же ше не наздава же швидко годзен пойсц дому, але лем кед буду исц таки як вон, цо не так длуго були на фронту. Писал же є зоз здравїом лепше. Длуго було досц жимно и хмарно, аж остатні дні дакус оцеплело. Єст барз вельо суньоги, не мож ше од нїх одняц. Спомина же уж єден час перебуваю на истим месце (13. 5 1944., карт. 55).

У маю Осиф писал супруги и пред Кирбайом, и винчовал ей швето, знаюци же тот Кирбай у Керестуре преїдзе през нього (18. 5. 1944, карт. 57). Шлїдуюцу карточку писал по малярски. Знова спомина же го ище болї зуб. Хвиля уж була красша. Були стационариовани у

леше (19. 5. 1944, карт. 58). После того написал карточку швекрови и швекри по руски, з кирилку. Писал им же ше наздава же о мешац або два придзе дому на урлап. Наводзел же ше находза при рики, на истим месце уж три тижні. Писали му же велі з валалу рукою, але вон тримал же то не таке страшне, односно же за людзох и за обисца вельо страшнейше кед войско оперуе у валале, а Керестур то по теди, на щесце, не дожил (21. 5. 1944, карт. 59). У карточки 22. мая лем поздравя супругу и посила ей записану єдну мадярску писню (22. 05. 1944, карт. 60).

У drugiej половки мая, супруга писала Осифови же уж мож посилац паки и то го здравовало. Пише ей же несцерпезліво чека того цо му послала зоз Кирбаю. Наводзи же ей другираз послал пенежи ище прешлого мешаца, та ше пита чи их уж достала. Наздавал ше и чекал же их други заменя на положеню, а вони би ше поцагли назадок. (25. 5. 1944, карт. 61). Уж шлідуюцого дня Осиф пише же є премесцени, та знова штирме Керестурци були ведно. Медзитим, служба була чежша як на предходним месце. Були у вельких мочарох, хвиля подла, непрерывно падали дижджи. Пише же є зоз здравйом добре и же чека пак. Пенежи супруги не посила, бо полу потрошел, та ю модлі за пребачене. На тим месце дзе бул премесцени урлап давали аж после єдного рока. На концу поздравя шицких найблізших. Карточка писана по руски, з латиницу (26. 5. 1944, карт. 63).

При концу мая дакому сцигли паки, але Осиф не достал ані пак ані писмо. Спомина супруги же вноци слабо спал, бо их неприятель нападнул. У тим нападу єдна граната спадла барз блізка гу ньому и експлодирала, але ше додре закончело: не бул ранети, лем го засипало з писком (28. 5. 1944, карт. 62).

Першого юния Осиф написал супруги писмо. Наводзи же точно мешац як є у першей линії. Пак з Кирбаю му ище не сцигнул. Достал дакус легчайшу службу: штири години є вивидзовач, а вец одпочива. Шорую ше з Габром Рацмишковим. Грабу ше на високи ядловец и провадза цо ше случуе з обидвох бокох рики котра ма водністи депи. Пише супруги же ей не послал пенежи, бо себе купел машинку упалач прето же ширки нет, а у кантини накупел и друге цо му требало. Знова спомина як бул у пліну, дзе од нього вжали кепень,¹⁵ блузну и годзику, та му цілво без ней. Пита ше супруги чи витарла конопу и чи ю дума предац чи преробиц. Модлі же би му послала свою фотографию. Поносуе ше же не мож райбац, та маю блощици. А так су вше у приправносци же ше ані не зоблекаю, ані не зобуваю. Як змокню, так ше осуша. У лесох ест барз вельо суньоги та ше и од ніх

¹⁵ Кепень – файта мантила.

муша браніц так же кладу на глави ”галови”. Посила супруги писню *На бачванскей ровні*, котру сам вискладав (1. 6. 1944, писмо 64).

У карточки Осиф писал супруги же кед ше 1. юния вечар врацел з длужносци, пак го уж чекал у склоніщу, у котрим вони троме шпя. Пише же такой запалел швику, навечерал ше и як кед би бул на Кирбаю. Анї ше не здогаднул же то була недзеля – перши дзень Русадльох. У паку шицко було барз добре, а окреме ше зда сланїна, бо доставаю досц слабе едзене. Модлі супругу же би му у шлідуюцим паку послала щеточку за зуби, калодонт, иглу, цверни, щеточку за бритвенє, свою фотографию, дас три цибулі, мелкей паприги, солї и сланїну або погачи. Догану и цигари доставаю надосц (5. 6. 1944, карт. 65).

У карточки на початку юния Осиф пише супруги же достал пак и барз крашне ей дзекує. Описує цо и як фриштикує: перше пописе кафу, вєц нареже сланїнки, три фалатки колбаски, начисци кромплї и увари, та ма богати фриштик. Кромплї маю надосц. Цигари маю вшелїяки. Добре же му послала хусточки, бо уж давно не ма, одкеди погорел. Ручнїк ма, бо му дал Провчи (6. 6. 1944, карт. 67).

На початку юния, понеже писма нешорово сциговали, Осиф и його супруга Веруна почали означовац писма котри посилали зоз числами (1, 2, 3), же би ше лепше могли догваряц и же би не повторїовали тото цо уж писали. Так Осиф у карточки 6. юния пише супруги же достал писмо ч. 5, але ч. 3 и 4 ище не достал. Гвари же є на досц подлим месце и же чекаю же их заменя, але не могол повесц кеди достанє урлап. Пита ше ей дзе копе кукурицу и модлєл ю же би му у паку послала и жвератко, свою слику и футар¹⁶ або *képes vasárnap*¹⁷ (7. 6. 1944, карт. 68). У шлідуюцей карточки послал супруги писньочку котру сам зложел (8. 6. 1944, карт. 69).

Внедзелью пополадню 11. юния написал супруги писмо. Вона му виroyтно писала же ходзи до церкви, а вон одвитує же анї не види церкву. Спомина же од оца уж давно не достал пошту и не зна цо з нїм и кадзи є. Пише же би уж найволєл буц дома, але ше не наздавал же до Крачуна придзе, гибаль же будзе мир. Сланїни мал ище лєм за шлідуюци дзень. Питал ше супруги як ходзи до Кули класц зуби: пешо чи на авту, чи копе кукурицу и з ким, и чи ше рихта жац конопи кед ей лоньски ище невитарти. Надпомина ей же би не одруцала новини *Недїлю*, але же би их одложела до фийовки до стола. Спомина же

¹⁶ Найвиротнейше мадярски тижньово политични новини *Magyar Futár* (1941–1944).

¹⁷ Мадярски дньово новини *Képes Vasárnap* (1925–1944).

вноци змокнул. У склоніщу маю води. Модліє супругу же би му послала тинтови клайбас. Описує и яку ма обуї и облечиво: обуї добра, нова, лем мешац не виксана; онучки ма лем єдну пар и ботоши ма свої, зоз дому; надраги добри, але предки змасцени од смоли, бо ше часто грабе на древо; гачи ма свої, гачнік єден, а єдна ногавка на гачох до колена хиби. Кошулі ма два желени, єдна уж зрайбана. Блузна и кепень стари, цо достал кед ше врацел з плїну. Шапка там ушита, бо перша згорела, шицко ма, лем не ма нїяку фурму. Найвещей є необритвени. Твар и руки попиту од суньгох и мушкох. Блошици єст, блихи нет. Нігда є не оєдзени. Писма од ней ноши у лївей горней кишени, лем не ма єй слику та модліє же би му ю послала. Тиж так же би му послала Футар або *Képes vasárnap*, же би мал цо читац. Було добре док мал тото цо му послала у паку, але то тирва лем тидзень (11. 6. 1944, писмо 71).

У карточки хтору написал супруги 14. юния рано спомина же є дагдзе на території бувшей Польскеї. Мило му же му супруга написала о оцови – же є у Пешту. За себе пише же пременєл длужносц: по цалу ноц идзе вонка на стражу до перши шорох, на сам предок, до гніздох за штреляне. Там ше и мокне кед пада диждж. Гвари же там од кулькох не таке страшне, бо главу вше мож уцагнуц нука, а вноци не мож цильовац, лем штреляц одприлики. Кед ше розвидні, штреляюци иду до склонїскох спац. Кажди други дзень водне од рана до вечара одпочивок. До поладня ма вареху кафи и фалат хлеба. Уж два мешацци як не видзел цивилну особу (14. 6. 1944, карт. 72).

У карточки од 15. юния Осиф белетризовано описує як вноци у нападу неприятеля могол настрадац, кед блїзко пред нїм експлодирала граната. Добре ше закончело, бо не бул ранети, лем го засилало з писком и глїну (15. 6. 1944, карт. 73).

У карточки 14. юния ше пита супруги чи ше єй пачи кед єй посила писньочки. Док их склада, час му швидше преходзи и дакус ше оддалї од каждодньовосци. Дзековал супруги за пак котри му послала, бо єдзене доставали вше слабше. Гвари же скоро кажди вояк ма металийку, а вон ма и тоти обрацики цо му послала. Трудзи ше чувац здраве, але то не легко кед су у мочарох, часто под голим небом, на роси и дижду, а не мож анї одпочинуц кед ше не мож зоблечиц и зобуц (14. 6. 1944, карт. 74). О два дні знова послал супруги карточку. Писал пияток, але не наводзи датум. На печаци воєней пошти стої датум: 16. 6. Супруга му послала и други пак, а "кед придзе шор на треци" – моделл же би му послала тото цо єй написал же му треба. Спомина же хвиля досц добра, лем ноци хладни и вельки роси. Думал же добре же ше поєднала одберац за шовгром, бо себе зароби хлеба, а озда им нина дакеди и навари. Осиф пише же би и вон любел присц за косидбу, але не верел же то будзе (16. 6. 1944, карт. 75).

У другей карточки Осиф спомина супруги же му и оец писал. Знова ей пише же не вери же достане урлап за косидбу. Наводзи же там вельо пада диждж и треба витримац стац на нїм цалу ноц. Уж давно не спал вноци. Наводзи же достал од ней металийку, пацерки ма, а модлі же би му послала и молитвенїк и свою слику. Пошту достава нешорово. Други пак уж помали нестава. Описує и як себе рихта єдзене: масци ише ма, а у леше назбера печарки, увари их як галушки, попражи их на масци, посолї и ма барз добре єдзене – як зоз голубчатох месо. И таргоня котру достал у паку була добра, лем кед би було вецей. Спомина же би барз єдол погача зоз шкварками. Пише супруги же би писма не заверала, бо им там перше отвераю и препатраю, а аж вец им их даваю. Чека пак од баби, за хтори му супруга писала (25. 6. 1944, 78). У писме од 27. 6. Осиф пише супруги же достал од ней два писма и длуго обчековану слику. Толкує же одсуство не могол достац, бо там ма таких цо су у войску од августа прешлого року, а ише не були дома. Кажду соботу и стреду иду по двома на одсуство, та ше и вон наздавал же раз придзе на шор. Наводзи же достал и други пак и кратко коментарує: бул добри, але го уж нет. Совитує супруги же кед пошта у Керестуре не сце прияц пак, най го пошле з другого места, бо други вояци доставаю паки. Не ясне прецо пошта у Керестуре дакеди не сцела прияц паки за воякох на фронту, а у других местох их легчейше примали. Цо ше дотика воєней небезпеки, Осиф пробує дакус змириц супругу и прешвечує ю же не страшне буц у першей линїї прето же вони дотеди ише не нападали на неприятеля, лем ше бранєли зоз склонїскох. Спомина же новини *Мадяр футар* достал, а могли би му го могли и частейше посилац, док ише мож доставац, бо виroyтно не будзе вше так. Модлі супругу же би у писме вше послала и єдно празне, бо вон там не може так легко достац празни писма. Карточки доставаю по 16 на мешац. Обещує же ей того мешаца пошле пенєжи, лем ише не знал кельо. Муши и себе дакус охабиц, бо себе вельораз купує хлеба або дацо друге. Войско у першей линїї ма дакус векшу плацу – 150 карбованци або 15 марки за дзешец днї. Од оца достал карточку, а и мац му писала. Спомина же єдзене досц слабе и же му барз досадзели жимни ноци и вельки роси (27. 6. 1944, писмо 77).¹⁸

У карточки на концу юния 1944. року Осиф пише супруги же уж прешло пол рока як пошол з дому. Видно же му чежко, бо коментарує: ”випатра як да Бог надумал преорац стари швет хтори обрацел льицо од нього”. Медзитим, вон не розчаровани, вери до Божей

¹⁸ Писмо писане на єдним прегнутим паперу, але долня часц паперу досц очкодована, та долнї шори не мож пречитац.

помоци и зашити. Пише супруги же ей послал пенєжи, 69 марки, цо виноши коло 112 пенги. Предклада ей же би купела прашатко на карменє, а кед ей шлїдуючи раз пошле пенєжи та би могла купиц кукурици. Заш лем, трима же супруга ма одлучиц цо и як зроби, бо ”ти ше стараш о себе, а за мње ше други стараю” (29. юний 1944, карт. 79). У карточки котра означена як 13. (без датума), а предходна означена як 17, односно 79, Осиф спомина же ”вчера бул дзењ, яки ище нє бул тадзи (...) дзела ричали. Ње знал сом кеди бул полудзенок“. На шесце, йому ше ніч не случело. Пише же ше приповеда же их Филїповци маю заменїц на тим месце. Шлїдуючи дзењ, кед писал, як наводзи, бул дакус мирнейши. Але ноци цми и страшни (на печацу датум 22. юний, карт. 80). Шлїдзи карточка з числом 12 – шорне число 81, без датуму, а на печацу датум: 22. VI. Осиф пише супруги же достал ей дзешате писмо и други пак, и шицко у нїм було добре, лем хлеб бул сухи. Наводзи же авиони летаю на тот город, дзе вона була забаву бавиц.¹⁹ Єден збили, а у нїм були ципели за войско. Авиони иду вше вноци, а ”пуцаю лампаши шветло на амрелчкох – то чудне випатра вноци”. Знова спомина же ше приповеда же их заменя Филїповци, а вони би мали пойсц ”дзешка аж на Дунай, до нашій крайох”. Пише ей же вноци нігда не шпи, лем през дзењ. Поздравя ю зоз поздравом ”До скорого видзења“ (Без датума, карт. 81).

Осиф у карточки од 1. юлия пише супруги Веруни же достал ей петнасте и шеснасте писмо и же му мило же пише и його оцови котри тиж на фронту. Знова пише же чекаю замену и же би ше после того мали врациц до держави и достац по мешац урлап. Обещує же ей и далєй будзе писац и посилац писньочки. Супруга му писала же пак хтори му сцела послац на пошти не прияли. Осиф сце дакус змириц супругу же би ше не трапела та пише же його єдинка ”ище на мире”, але коло нїх не так. Спомина же достал фотографию котру му послала, але ище не достал новини *Képes Vasárnap* (1. юлия 1944, карт. 83).

Супруги Веруни ше випатра пачели писньочки котри ей Осиф посилал, та модлела же би и далєй писал и посилац. И вона єдну зложела и послала му. Тоти їх писньочки не маю даяку уметніцку вредносц, але очиглядно же им двоїм вельо значели у отримованю малженскей вязи у чаше кед их война дочасно роздвоєла. У нїх вони висловйовали свойо емоциї и медзисобно ше потримовали (4. юлия 1944, карт. 84).

Кед влєце 1944. року на Керестур спадли даскельо бомби з америцких бомбардерох,²⁰ супруга у писму о тим повидомела Осифа.

¹⁹ Нє яснє хтори город у питаню.

²⁰ Перше бомбардованє Руского Керестура було 2. юлия 1944. року, кед англійско-америцки бомбардери рушели з Италиї бомбардовац фабрику

Випатра же му вона теди у писме писала же ше приповеда же ше їх войско на фронту поцагуе, а Осиф ю прешвечовал же то не точне.

Вояци на фронту ше на шицки способности пробовали даяк вицагнуц и достац урлап, та и Осиф мал свою варианты як достац урлап: писал супруги же би знала же о тидзень буду мац свадзбу, т. є. же вон поволани на свадзбу. Медзитим, таки поволанки, як вон наводзи, уж скоро шицки доставаю, та їх предпоставени випатра не так легко нашедали на таки лукавства. У писму Осиф наводзи же дакус оглухол од дзелох и обецуе же ей и далей будзе писац "фельтони". Зоз зачуваней преписки не цалком ясне цо подроумое под тим, але найвироятнейше ту дума на кратки описи подійох котри посилал у карточкох и лем дакеди у писмох, бо их ридко писал.

На початку юлия 1944. року Осифови сцигол пак та бул задовольни, але заш лем писал супруги же му не поспала паприги, щеточку и пасту за зуби, а тото найбаржей чекал. А у паку достал и масц, шкварки и колбаси, и шицко му барз добре пришло, бо, як наводзи, потребне му маснейше едзене, а "сладкого єме досц". Дакус ше чудовал же супруга так длуго зачувала колбаси. Питал ше ей чи уж почала одберац. Було му ясне же за косидбу не годзен присц дому, але пише же би любел присц голем за ламачку. Теди их барз мало пушчали на урлап: всоботу з цалого батальону пушчели лем єдного! Медзи вояцами ше непрерывно приповедало же их на тим положеню уж заменя други, але то ше непрерывно одцаговало. Можебуц то було лем висловйоване жаданя воякох, а можливе и здумана манипуляция предпоставених же би на таки способ отримовали воєни морал войска. Приповедало ше же место нїх маю присц лепше наоружани, з чежшу технїку, а вони як легчайше наоружани пойду до Бачки (10. юлия 1944, карт. 87).

З часу на час Осиф посилал карточки и швекрови и швекри. Коло половки юлия им писал же можебуц буду премесцени, кед их заменя Филїповци, та вироятно же им єден час не годзен писац. Пише з латиницу по руски (13. юлий 1944, карт. 90). Истога дня писал и супруги. Одвитуе на ей писмо у котрим спомина же купела прашатко и же ше рихта у косидби одберац. Наводзи же достал пак и два слики. Поносуе ше же му у остатнїм чаше дакус пухню ноги нїжей од колєнох, вироятно прето же су по цалу ноц на ногох и вше обути, а лем покрадзме ше мож дакеди зобуц. Модлї супругу же би му написала кельо скошели и чи не була хора. Наводзи и же ей написал штири писма о фельтону, односно тото цо ше му случуе. Тиж так гутори же ей дакеди

Чепел при Будапешту. Єден бомбардер заостал од групи, вироятно ше дацо погубел, и пушел даскельо бомби на валал.

може написац писмо у шали/гумору, кед то сце, бо ”ње вредзи вше буц смутни, треба ше розберац”. Обещуе же ей будзе писац писньочки, а штири уж послал, и же неодлуга пошле пенежи же би могла прашатку купиц кукурици. Пита ше ей чи уж пооправляа зуби (13. юлия 1944, карт. 91).

Недоставаю два писма, з числами 92 и 93, а шлїдзи карточка котру писал уж после того як бул ранети (на печацу датум: 9. 8. 1944). Наводзи же уж треци раз пише з того места, зоз шпиталю. Дума же кед му будзе дакус лепше та го пошлю дагдзе на Балатон, а вец озда и на урлап. Здраве му идзе на лепше. Єдзене маю добре, штири раз на дзень. Може добре єсц и уж помали ходзи, лем му чежко ставац з посцелї, та му други помагаю. Ту не наводзи дзе є ранети (без датуму, карт. 94).

Шлїдуюцу карточку Осиф писал кратко, по малярски (10. 08. 1944, карт. 95). После того написал два писма. У першим пише же праве тот дзень зоз Знайму прешол до шпиталю до Бечу, дзе ше затрима лем даскельо днї. Писмо послаа по бачикови Надьмишковому з Дюрдьова, хтори з нїм бул у шпиталю, а мал исц до Пешту. Приповедал му же з його оцом бул у Денови у Италиї. У писму Осиф наводзи же бул ранети 24. юлия. Ище є досц хори: болї го глава и вельо ше зної (12. 08. 1944, писмо 97). Истого дня написал ище єдно писмо и послал го по єдним Кулянцови, Барнови Балажови, тарговцови, котри мал рано исц до Пешту. У писме наводзи же є ранети при валале Словатице на рики Бугу у Польскей, од гранати, до похребцини, а фалаток му остал дагдзе у плюцох и ище му го не виняли. Пише супруги же ше наздава ше же ше пофришко увидза (12. 08. 1944, писмо 96).

Остатнї три зачувани карточки Осиф писал супруги Веруни влєце 1944. року по малярски, кед ище бул на лїченю. Радуе ше же може писац супруги, бо зна же два мешаца од нього нїч не доставала, а анї вон од ней. Пише же ше находзи недалеко од Малярскей и же ище єден час там останє, але ше наздавал же ше неодлуга увидза. О оцови дознал же є на италиянским фронту (26. 08. 1944, карт. 98). У карточки на початку септембра писал супруги же є у немецким шпиталю. Бул барз хори, мал горучку. Наздавал же ше швидко цалком виздрави. Наздавал же ше швидко преїдзе до Малярскей, а вец озда будзе и урлап. (6. 09. 1944, карт. 99). У остатней карточки писал же є добре, же ше находзи на красним месце, у горох, на швижим воздуху, и же є зоз здравїом уж добре. Пише супруги же ей уж вецей раз писал, але не достава одвити. Остатне писмо од ней достал концом юлия. Чекал же пошвидко сцигне до Малярскей.

Зоз шпиталю вишол аж 20. октобра, але випатра же ше ище до нього врацел. З Бечу пошол 24. новембра. Ушлїдзело досц длуге ”путованє” по Малярскей. Зоз його запискох не ясне чи у тим чаше бул активни вояк, чи бул у роботних єдинкох. 22. марца 1945. року бул

додзелени роботней чети. 1. априла их залапела, як наводзи "червеноармейска розвидка". Од 19. бул у Комарну, а вец знова як заробровани у червеноармийских роботних единкох на території Австриї. Часто меняли места, а не наводзи цо шицко робели. Од 4–11. август 1945. року путовали до Братислави. Од 15–25. юлий гонели ранети конї зоз Словацкей до Хорну. На концу бул репатровани зоз Братислави до Суботици (Рамач, 2018: 177–183). Так ше закончила воєна "Одисея" Осифа Колошняя.

Janko Ramač

LETTERS FROM A SOLDIER

Summary

Based on about one hundred postcards and letters, which have been saved, written by Osif Kološnjaji from Ruski Krstur, this article focuses on his life and movements since the time he was called up as a reservist of the Yugoslav Army to the Sombor barracks where he remained until the beginning of the German attack on Yugoslavia. In the postcards he sent to his wife Veruna, he not only writes about private matters, but also describes his view of the circumstances in the reservist units, as well as in the entire Yugoslav Army at that time. As a reservist of the Hungarian Army, where he was drafted twice, in 1942 and 1943, he didn't write much. During the second "military training" he was convinced that by the time they finished their job at the tailor's shop they would return home. However, in early January 1944 he was mobilized and sent to the Eastern Front where he spent almost half a year in the territory of northwestern Ukraine and southwestern Belarus. Obviously, he was not allowed to write in more detail in the mail from the front on places and military actions, but he nevertheless gave a lot of interesting information about military operations, the situation in the Army, about his own experiences of the war and the horrors of war, as well as on the Ruthenians and men from Krstur who at that time were with him or not very far away from him. Since he had been wounded in the territory of southeastern Poland and transported for treatment to Austria, he wrote only a few of the last letters and postcards that have been preserved. The letters and postcards make a valuable source material that considerably enriches and illuminates the stay of his fellow citizens in German work camps and their participation in the Second World War in the units of the occupying Hungarian Army.

Key words: Osif Kološnjaji, Ruski Krstur, Yugoslav Army, Second World War, Eastern Front.

ЛИТЕРАТУРА

Biljnja, V. (1987). *Rusini u Vojvodini. Prilog izučavanju istorije Rusina Vojvodine (1918–1945)*. Novi Sad: Dnevnik.

- Kostelnik, V (1971). *Pod červenu zastavu*. Novi Sad: Ruske slovo. (Cyrillic)
- Latjak, D. (1970). Rusnaci u NOB I–IV. *Švetlosc*, 1–4/1970. Novi Sad: Ruske slovo, 56–63, 136–145, 226–231, 335–343. (Cyrillic)
- Latjak, D. (1981a). Salaši – partizanski bazi. *Švetlosc*, 1/1981. Novi Sad: Ruske slovo, 64–80. (Cyrillic)
- Latjak, D. (1981b). Djura Kiš – švetla podoba z NOB. *Švetlosc*, 2/1981. Novi Sad: Ruske slovo, 212–223. (Cyrillic)
- Latjak, D. (1981c). Stvarjanje AFŽ u Ruskim Keresture. *Švetloscy*, 3/1981. Novi Sad: Ruske slovo, 328–346. (Cyrillic)
- Latjak, D. (1981d). Snovanje kelijoh KPJU u Ruskim Keresture. *Švetlosc*, 4/1981. Novi Sad: Ruske slovo, 433–440. (Cyrillic)
- Latjak, D. (1981f). Petrovci u NOB. *Švetlosc*, 6/1981. Novi Sad: Ruske slovo, 656–661. (Cyrillic)
- Latjhak, D. (1981e). Mikloševci u narodnoošljeboditeljnim ruhu. *Švetlosc*, 5/1981. Novi Sad: Ruske slovo, 553–560. (Cyrillic)
- Palić, M (2003). *Visszaemlékezés a világháború éveire (1941–1945)*. Szeged.
- Ramač, J., (2018). Zdohadnjik regruta. *Русинистични студии/Ruthenian Studies*, 2. Novi Sad: Filozofski fakultet Oddzeljenje za rusinistiku, 152–186. (Cyrillic)
- Tamaš, J. (1992). *Ruski Kerestuir, ljitopis i istorija (1745–1992)*. Ruski Kerestur: Mesna zajednjica Ruski Kerestur. (Cyrillic)
- Tamaš, J. (1997). *Istorija ruskej literaturi*. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva. (Cyrillic)

UKRAJINSKO-SRPSKE KOMUNIKACIJE KROZ HISTORIJU: KONTAKTI, TIPOLOGIJA, STILISTIKA

U istoriji ukrajinsko-srpskih veza jednu od značajnih tema predstavlja proces srpskih migracija na prostor južne i istočne Ukrajine sredinom 18. stoljeća. Problem istraživanja je povezan s metodološkim principima slavistike 19. stoljeća i narednog doba sovjetske slavistike. U istraživanjima dominirala je apologija ruske carističke politike u koloniziranju ukrajinskih terena. Ukrajinska je nauka carističkoga doba, zbog političkih stega pokušavala oprezno ukazati na negativne posljedice takvih migracija, najprije za sudbinu Zaporožke Siči. U referatu su seobe Srba sredine 18. stoljeća prema Ruskome carstvu sagledavaju se s različitih gledišta. Osim političkih motivacija doseljavanja, iskorištavanja srpskih traganja za “spasom” u jedinovjernoj Rusiji, svjetonazor srpskih doseljenika sagledan je i kao jedan od izraza baroknog slavizma. Mit o Rusiji kao spasiteljici doživljava zakoniti poraz, doseljenici su iskorišteni u rušenju ukrajinske neovisnosti, zatim su asimilirani. Novoserbija i Slavenoserbija su bile potrebne carizmu samo kao mamac za iskorištavanje srpske mase u carističkoj ekspanziji, kao instrument u rušenju ukrajinskog kozaštva kao okosnice naroda. Sudbina srpskih doseljenika je bila slična sudbini Ukrajinaca koji su bili objektom asimilacije. Međutim, migracijski procesi su reflektirani u toponimiji, književnosti, povijesnim istraživanjima, interetničkim odnosima na prostoru jugoistočne Ukrajine. Prikazan je nastanak toponimije doseljenika na mjestu postojećih ukrajinskih naziva, nestanak ili opstanak srpskog nazivlja u narednim povijesnim razdobljima. Ukazano je na srpsko porijeklo niza poznatih predstavnika ukrajinskog društva u narednim razdobljima. Ukrajinsko-srpske veze 18. Stoljeća su samo jedan od etapa u trajnim, plodnim vezama između dva naroda, u ovom kritičnom razdoblju iskorišteni su carizmom u tradicionalnom ruskom antiukrajinizmu kao izraz imperijske politike carizma.

Ključne riječi: ukrajinsko-srpske veze, Slavenoserbija, Novoserbija.

U povijesti etnokulturnih procesa na terenima Ukrajine svoje mjesto ima srpska komponenta, proučavanje koje zahtijeva sistematski, interdisciplinarni pristup u sinkronom i dijakronijskom sagledavanju. Uvjetno ćemo ocrtati neka glavna historijska razdoblja s obilježavanjem nekih osobina vremenskog prostora.

* yevgpan9@gmail.com

Etnogenetski aspekt podrazumijeva problem povezanosti slavenskih plemena (i) s terenima Ukrajine, odnosno s geografskim lokalitetima koji su obilježeni određenim slavenskima grupiranjima u daljim kretanjima. Migracijska maršruta između ukrajinskih prostora i Balkana predstavlja prastari put, markiran kulturom Kukuteni – Trypillja. Dakle, slavenska kretanja su ostvarivana već uhodanim putem. Zaslužuje pažnju proučavanje procesa prenošenja arhaičkih rudimenata u kulture narednih razdoblja i učešće prethistorijskoga supstrata u etnogenetskom razvoju na terenima slavenskih zajednica. Fenomen Trypiljsko-kukutenskog kulturno-historijskoga zajedništva ukazuje na etnički aspekt problema, povezanog s pitanjem prenošenja prahistorijskih rudimenta i mogućih refleksija u supstratu praslavenskoga sloja. Za našu temu važan je ocrtani smjer prastarih kretanja prostorima, s kojima će kasnije biti povezan nastanak praslavenskog odnosno slavenskih etnija. Indoeuropski problem, osim drugih područja također neminovno podrazumijeva kulturni kontekst doba eneolita u Ukrajini (Zalizniak, 1999; Etnična istoriia davnoi Ukrainy, 2000; Pavliuk, 2006).

Upadanja na ukrajinske prostore nomada iranogovorne skupine, poznatih kao Skiti, zatim Sarmata i drugih etnija su odigravala svoju ulogu u formiranju slavenskih zajednica. Dolazi do slavenoiranskih prožimanja s preuzimanjem Slavenima određenih tradicija stepskih naroda, uključujući i vjerovanja, povezana s svjetonazorskim sadržajem. U etnonimiji slavenskih plemenskih skupina odjekuju iranogovorni počeci, naziv vezan za etničku skupinu Srba, kao i drugih slavenskih plemena, nastaje u procesu slavenoiranskih interetničkih komunikacija. Postupno premještanje slavenskih zajednica prema jugo-zapadnim terenima Ukrajine gdje je populacija karpatskih predjela imala svoju ulogu u etničkoj nadogradnji, obilježava dalje kretanje etnikuma s osnovom *Srb-* ukrajinskim prostorima (Ukrajinski Karpati. Etnogeneza – arheologija – etnologija 2014; Kugutjak 2018).

Pronicanje slavenskih plemena prema Balkanu odvijalo se u trajnom vremenskom razdoblju, u postupnom prožimanju slavenskog i balkanskoga življa u čemu je poseban značaj imalo gospodarstvo. Osnovne grane gospodarstva srodne u načinu proizvodnje, terminologiji i drugim osobinama pogodovala su zbližavanju slavenskih i balkanskih populacija s asimiliranjem lokalnog stanovništva najprije kroz jezik Slavena koji se ukorjenjuju na Balkanu. Zemljoradnja i stočarstvo su kao dominirajuće grane gospodarskog života morale imati slične osobine koje su zbližavale slavenske i balkanske etnije na što upućuje ukrajinska terminologija koja ima podudarnosti u srpskoj. Razdoblje i prostor kretanja od stepskih, zatim zapadnoukrajinskih karpatskih prostora prema balkanskim obilježeno je određenim tragovima koji bi morali upućivati na analogije u etničkoj kulturi, što zahtijeva komparativnog proučavanja. Postojeća znanstvena

baza s ukrajinske strane ukazuje na nužnost i mogućnost takvih usporedbi, posebice u arheološkom, zatim etnografskom, lingvističkom i drugim aspektima. Neophodno je usporediti lingvistički, arheološki, etnografski materijal i drugu građu duhovne i materijalne kulture stanovništava s područja Ukrajine i Srbije (Seheda, 2001; Kobza, 2002; Khobzei, 2002; Hurska, 2006; Zhajvoronok, 2006; Khobzei, 2013).

Nastanak staroukrajinske državnosti, poznate u srednjem vijeku kao Rus'ka zemlja (Nestor), odnosno Rus', uz paralelni naziv Ukrajina obilježen je razvojem etnokulturnih procesa, povezivanjem slavenskih etnosa, između kojih različiti izvori spominju i plemensku formaciju Srba, što upućuje na uključenost tog plemena u etničku strukturu starokijevske državnosti. Možemo govoriti o razdoblju povezanosti u razdoblju općeslavenskog zajedništva, zatim o napuštanju prostora istočnoslavenske zajednice i kretanju prema sadašnjim terenima Srbije. U duhovnoj kulturi slavenska plemena prebivaju u fazi sličnih mnogobožaćkih vjerovanja, zatim u kršćanskoj vjeri, što ima svoju kontaktnu, tipološku izraženost. Duhovna kultura izražavana i kroz sistem vjerskih predodžbi pretkršćanskoga razdoblja te je mnogobožaćki panteon na prostoru suvremene Srbije i Ukrajine izričito blizak, što se reflektira u toponimiji, hidronimiji i drugom lingvističkom materijalu koji odražava mitske predodžbe slavenskih etnija pretkršćanskoga razdoblja (Митрополіт 1965). Zato je važan zadatak komparativnoga proučavanja – prikaz analogija u ojkonomiji na terenima raseljavanja od ukrajinskog do suvremenog srpskog područja, prikaz podudarnosti u mnogobožaćkom panteonu. Savremena ukrajinska znanost pruža dovoljno bogatu građu za takva kompariranja (Poritska, 2004; Khudash, 2006; Khudash, 2012).

Snažan poticaj za dalje komunikacije pružalo je kršćanstvo koje je imalo dominirajući značaj u komunikacijama između slavenskog istoka i juga, odnosno između prostora naroda uključenih u bizantsku crkvenu tradiciju. Uvođenje kršćanstva 988. kijevskim knezom Volodymyrom je otvaralo prostor za dinamiku komunikacija. Međutim, i u prethodnim izražajima uključivanja kijevske vladajuće elite u bizantski duhovni svijet dolazi do komuniciranja s pravoslavnom crkvom. Tema crkvenih veza, koja je u više od dvjestogodišnjem razdoblju velike slavistike privlačila značajnu pažnju, zahtijeva koncentrirani, sistematski prikaz neposrednih komunikacija između državnih prostora starokijevske i starosrpke crkve. Povezanost, obilježena ulogom crkve se rezultirala dinamičnim razvojem kulture, književnosti, što se razvijalo prema zakonima spojenih sudova.

Važno je istaći da je staroukrajinska kultura imala značaj posredništva između slavenskog juga, gdje je kršćanstvo poznato Slavenima ranije od istočnoslavenskih formacija. Kijevska, odnosno staroukrajinska crkva širila se prema sjeverno-istočnim terenima, odnosno na Moskovsku kneževinu u njenom kasnijem nastanku i porastu. Za razliku od

staroukrajinske, kijevske državnosti, moskovska nije doživjela takvu intervenciju od strane azijskih najezda, manevrirajući putem kompromisa i suradnje s tatarskom hordom, što je dovelo do formiranja tamo slaveno-tatarskog zajedništva. Međutim, Kijev u svom obnavljanju i nadalje sudjeluje u potpori Moskovijski, čemu je početak dao kijevski knez Jurij Dolgorukij, osnivač Moskve 1147. Kijevska tradicija se širila na istočni prostor, budući obogaćena prethodnim i aktualnim južnoslavenskim utjecajima, sudjelujući u stvaranju, razvoju kulture Moskovijske, nastale kasnije u odnosu na Kijevsku državnost koja je već ukorijenila kršćanstvo i širila ga dalje prema istočnim predjelima.

Pad staroukrajinske srednjovjekovne državnosti 1240–1241. zbog mongolo-tatarske najezde dovodi ukrajinski etnos do gubitka velikih dosezanja prethodnog razdoblja. Prethodna dinamična komunikacija s slavenskim jugom je otežana intervencijom etnički, politički, vjerski tuđeg osvajača. Međutim, tatarski jaram je tek privremeno oslabio dinamiku kulturne cirkulacije, koja se obnavlja s novom snagom upravo zbog neophodnosti potpore ukrajinskoj crkvi u njenom preporodnom oporavljanju zbog azijske invazije.

Uz tatarsku intervenciju, pravoslavna Rus'-Ukrajina suočavala se s problemom poljske ekspanzije, rezultatom koje na zapadu gubi neovisnost značajan dio staroukrajinske državnosti – Galyc'ko-Volyns'ka kneževina. Društveno-političko stanje ukrajinskih regija na zapadu u sastavu Velike kneževine Litvanske je obilježeno uključivanjem u kulturu susjedne državnosti, sve do nastanka Poljsko-Litvanske unije koja je donosila problem sudaranja pravoslavne i katoličke konfesije. U okolnostima napetog konfrontiranja na jugo-istočnoj i sjeverno-zapadnoj stranama ukrajinskih etničkih terena dolazi do obnavljanja kontakata s slavenskim jugom, tradicionalno doživljavanog kao saveznički, najprije zbog istovjerskog karaktera kultura. Logikom povezanosti bio je drugi južnoslavenski utjecaj na staroukrajinsku kulturu gdje svoje mjesto zauzima i srpski faktor.

Osim crkvenog karaktera povezivanja, dolazi do etničkih kontakata, posebno u razdoblju postupne osmanlijske ekspanzije na Balkanu, kada su južnoslavenski narodi, suočeni s problemom opstanka u konfrontiranju s vjerski, etnički tuđim osvajačima, primorani tražiti sigurnost u vjerski srodnim sredinama. Posve je logično da su određene srpske migracije prema istočnoslavenskim terenima ostvarivane tijekom 15–16. stoljeća, kada su u ukrajinskim predjelima fiksirani tragovi srpskih doseljenika.

U srpskoj sredini se moralo znati o kozacima. Kozništvo, odnosno udruge slobodarskih jahača-ratnika, na izgled nova društvena i vojna kategorija ukrajinskog društva je nastavljala prastaru militantnu tradiciju, prisutnu na ukrajinskim terenima još u dubokoj prošlosti. Naoružani jahači

su poznati na ukrajinskim terenima još iz doba iranogovornih nomada od kojih su preuzimali ratne tradicije praslavenske formacije. Srednjovjekovna Rus'ka zemlja se širila zahvaljujući vojnoj organiziranosti, poznatoj kao družina na čelu s knezom. Bez obzira na mongolo-tatarsku invaziju, koja je srušila i bez toga slabo organiziranu u smislu centralizirane državnosti Kijevsku Rus', dolazilo je do obnavljanja glavnih osnova društva. Duhovnu je predstavljala crkva, civilizacijsku – obnova ratne kategorije jahača, poznatih sada kao kozaci. Nije ni slučajno da na ukrajinskim predjelima, uz Podnjeprovlje nastaju vojna središta poznata kao Sič sa središtem u Zaporožju. Vrhovnu funkciju nekadašnjih kneževa ostvaruje vojni poglavar – get'man. Za razliku od srednjovjekovne diobe vlasti, koja se prenosila prema rodbinskoj povezanosti kneževe dinastije, get'man je mogao postati samo uz izbornost većinom kozačke zajednice te isto tako mogao je biti skinut s dužnosti. Vojna organizacija ukrajinskog Podnjeprovlja je predstavljala svojevrstu slobodarsku formaciju ratničkog usmjerenja. Ratovi su se vodili protiv vjerskog neprijatelja – busurmana kako su imenovani nekršćanski Tataari i Osmanlije. U isto vrijeme ratovalo se i s katoličkom Poljskom koja se doživljavala kao osvajač ukrajinskih pravoslavnih terena. Međutim, osim religijskih motivacija ne manje značajna je bila ideologija neovisnosti, otpor tuđem gospodarenju nad slobodnim čovjekom, nad narodom.

Spoznaje o kozaštvu su se širile Europom, izazivale su interes i kod pravoslavnih naroda ugroženih na Balkanu. Tipološki - prema ustrojstvu, organizaciji života i ratovanja ukrajinsko kozaštvo je dominacijom slobodarstva, vojne demokracije bilo privlačno drugim narodima te je etnički sustav kozačkih postrojbi bio obilježen različitim narodima pa tako i srpskim. Srpska, crnogorska hajdučija je bila u određenoj mjeri srodna kozaštvu, što je privlačilo srpski kontingent u vojne organizacije Zaporožja. Srpska imena su vidljiva u popisu ukrajinskog kozaštva koje je sve dinamičnije izražavano kao branitelj pravoslavnog življa kojem su pripadali i srpski vojnici u kozačkim pukovima.

Ne manje značajan faktor popularnosti kozaštva bio je nacionalno-oslobodilački rat ukrajinskog naroda sredinom 17. stoljeća koji je doveo do snažnog duhovnog uzleta u ukrajinskom društvu, još više je pridonosio širenju spoznaje u europskim zemljama o Zemlji Kozaka – Ukrajini. Na Balkanu se čulo o ukrajinskom kozaštvu što potvrđuju i činjenice učešća srpskog življa u redovima vojske na čelu s Bogdanom Hmeljnyčkim.

Međutim, poslije snažnog uzleta u razgradnji državnosti Ukrajina od druge polovice 17. stoljeća doživljava postupni slom nacionalnih formi državnosti koje, uz poljski ekspanzionizam ruši moskovski carizam. Otpor Moskovskoj ekspanziji uobličava djelatnost niza get'mana. Kulminaciju otpora simbolizira get'man Mazepa, koji je doprineo procvatu baroka u širokom dijapazonu kulturnih izražaja. Međutim, Mazepine težnje

osamostaljivanja od moskovskoga cara, uz savezništvo s zapadnim vladarima, doživjele su slom pod Poltavom u bitkama 1709. Poraz get'mana je jačao agresivnu osvetu susjednog vladara Petra Prvog, koji se širio prema jugu, doživljavajući susjedni ukrajinski narod kao svoje vlasništvo, rušeći njegovu nacionalnu neovisnost. Takvu politiku nastavljaju carevi narednih razdoblja u kojima je Ukrajina postupno kolonizirana, u čemu su korišteni metodi međuetničkih sukobljavanja. Upravo u toj funkciji je iskorišten i srpski etnički kontingent, doveden na ukrajinske terene sredinom 18 vijeka.

Položaj srpskoga naroda u razdoblju doseljavanja na ukrajinska područja u određenoj mjeri bio je srodan položaju Ukrajinaca, najprije u statusu nedržavnoga naroda koji se našao na udaru monarhija s imperijalnim usmjerenjima prema tim narodima. Srpski narod je bio na udaru tri najveće imperije: porobljen ili potisnut osmanskim osvajačima, našao se u nepovoljnom položaju na terenima Austrijske monarhije i bio je iskorišten ruskim monarsima u težnjama teritorijalnom proširenju prema Ukrajinu. Ukrajina u 18. stoljeću je bila podijeljena između Ruskog i Austrijskog carstva, a na jugu je podvrgnuta ugrozama Krimskog kaganata kao saveznika Osmanlija.

U stanju obrane od osvajača nastao je problem doseljavanja srpskih doseljenika na južno-ukrajinska područja koja su pripadala kozaštvu. Srpske seobe na terene zaporoških kozaka su ostvarivane u razdoblju kada se vršila ukrajinska intelektualna intervencija na području srpskog duhovnog, kulturnog života i nastanka baroka. U stvaranju baroknih izražaja u srpskoj kulturi su dominantnu ulogu odigrali predstavnici ukrajinskog baroka. Međutim, izvan kulturne komunikacije, doseljavanje Srba na ukrajinske prostore sredinom 18. vijeka je ostvarivano u ozračju vjere u odlazak u „zemlju spasa“ odakle je pristizala duhovna pomoć. U realnosti migracija je organizirana ruskim carizmom s ciljem sloma ukrajinske kozačke formacije. Srpski su doseljenici bili vođeni vjerom u mogućnost opstanka kao etnosa, naroda sa svojom crkvom, kulturom, jezikom, što nije bilo ostvareno niti u jednom segmentu. Ruski carizam nije vidio u doseljenicima objekat poštovanja već kao instrument koloniziranja Ukrajine putem sloma kozaštva i kao objekt daljeg asimiliranja. Slično je službeni Beč koristio etničke migracije s ciljem slabljenja drugih naroda monarhije, čemu je potvrda i doseljavanje ukrajinskog stanovništva iz Zakarptja na prostore Vojvodine – sredinom 18. vijeka (Zakarpats'ka Ukrajina 2017).

Srpski živalj u seobama prema Ruskom carstvu se vodio mitom o zajedništvu kao pravednom ideologemu: u crkvenoj sredini mit se temeljio na idejama pravoslavlja kao zajedničke vjere, u građanskoj – na mitu o slavenskom bratstvu, u širokim masama – na nadama u zaštitu i opstanak u etnički srodnoj sredini, uz humanoga pokrovitelja kakvom se vidjela Rusija i njeni carevi. Nijedna opcija nije se ostvarila: ruska vlada nije podržala, već

je zabranila postojanje srpske crkve kao posebne institucije; pojam slavenstva kao neke zajedničke obitelji nije bio poznat tadašnjoj ruskoj svijesti, pojaviti će se skoro 100 godina kasnije kao slavenofilstvo - ideologija o dominiranju Rusa nad Slavenima. Narod nije dobio neke privilegije i bio je tretiran kao i Ukrajinci – kolonijalno (Paščenko 2017).

Treba naglasiti da je srpska etnička komponenta nestala s vremenom kao posebni etnikum na trenima Ukrajine pod Rusijom. Tako nešto nije bilo karakteristično za srpski etnikum u sklopu dva druga imperija: Srbi pod Osmanlijama su opstali, bez obzira na jaram; Srbi pod Austrijom su opstali, izgradivši tokom 18. vijeka vlastitu kulturu – naporima ukrajinskih kijevo-mogiljanaca i njihovih srpskih učenika. Jedino srpski živalj koji se našao na trenima Ukrajine pod Rusijom je nestao već sredinom 19. stoljeća. Tijekom povijesnog razvoja na ukrajinskim terenima su se formirale zone međuetničkih komunikacija, nastale u graničnim regijama. Takve su bile ukrajinsko-poljska etnička granica koja je nastajala tokom 10–20 stoljeća; ukrajinsko-slovačka i ukrajinsko-ugarska etničke granice, posebno izražene tokom 19–20 stoljeća; ukrajinsko – vlaški međuetnički kontakti, koji su se razvijali tokom 14–20 stoljeća. Posebnu povijest ima razvoj međuetničkih odnosa na sjeveru Ukrajine, obilježenu ukrajinsko-bjeloruskom granicom; na jugu – kontaktima sa stepskim, tatarskim kontingentom, i posebno – na istoku, obilježenom ukrajinsko – ruskim odnosima.

U polietničkom sustavu etničke povijesti Ukrajine srpski kontingent nastaje kao obilježen povijesno-političkim faktorom – spomenutim organiziranim doseljavanjem. Isti faktor je utjecao na postupni nestanak Srba na prostorima Ukrajine. Razlozi njihovog nestanka se vide u djelovanju niza faktora: vanjski – asimilacijska, denacionalizatorska politika ruskoga carizma, djelovanjem kojeg niti jedan od ciljeva srpskih doseljavanja u granice Rusije nije se mogao ostvariti, već je radio suprotno: pravoslavlje i slavenstvo su korišteni kao instrumentarij asimiliranja. Unutarnji faktor vidi se u tipološkoj srodnosti doseljenika s ukrajinskim narodom – bliskost jezika, ista vjera, sličan socijalni status nedržavne etnije pogodovali su stapanju srpskih doseljenika s ukrajinskim stanovništvom. Ne manje snažno je djelovalo unutarnje uvjerenje srpskog čovjeka u slavensko bratstvo, odsustvo otpora kolonijalnoj politici – ukidanje administrativnih formacija, poznatih kao *Nova Srbija ili Slavenosrbija*, a zatim i zabrana samostalne srpske crkve (Paščenko 2015, Paščenko 2018).

Predstavnici srpskog oficirstva su išli u službu ruskoj vlasti gdje su bili poznati kao uspješni sluge carizma, imali su karijeru u sistemu, neki su ušli u povijest. Između ostalih – Petar Tekelija dobio je naredbu krenuti na Volgu s ciljem ugušenja seljačkoga ustanka koji je predvodio Jemeljan Pugačev. Na putu prema Volgi dobio je naredbu napasti na kozačke formacije te zajedno s generalom Teodorom Čorbom ljeti 1775. osvaja

središte ukrajinskih kozaka, poznato kao Zaporoška Sič (Petračov, 2105). Mihajlo Miloradović je radio na suzbijanju ustanka ruskih dekabrista od ruku kojih je teško ranjen umro u decembru 1825.

Dok je Ukrajina tijekom 18. stoljeća gubila forme državnosti, podijeljena između Ruske i Austro-Ugarske monarhije, u srpskoj kulturi i dalje se širio ukrajinski utjecaj kojim je obilježen razvoj srpske kulture sve do sredine 19. stoljeća. Tokom razdoblja realizma, usprkos teškom položaju Ukrajine, stisnute u raljama imperijalne politike, ukrajinska književnost probijala se na srpski prostor. Ukrajinski realizam snažno je odjeknuo u srpskom realizmu gdje je narodna proza potpisana spisateljicom Marko Vovčok imala veliku popularnost kod srpskih realista, čemu je potvrda i stvaralaštvo Janka Veselinovića. Ukrajinski motivi povremeno odjekuju kod srpskih pisaca, dok je srpska tema uvijek nailazila na pozitivan stav kod ukrajinskih pisaca – od Tarasa Ševčenka do Ivana Franka i Lesje Ukrajinke. Književnost moderne, mada i manje obilježena neposrednim kontaktima, tipološki je srodna u objema književnostima.

U povijesti interetničkih odnosa ukrajinski etnikum je jače vidljiv na srpskim terenima nego obrnuto – srpski etnos, koji se postupno stapa s ukrajinskim od sredine 19. stoljeća, ali genetska, tematska povezanost s srpskim doseljenicima sredine 18. stoljeća kod niza predstavnika kulture podruske Ukrajine obilježena je različitim eksplikacijama. Na srpskim terenima doseljavanje iz Ukrajine ostvaruje se od sredine 18. do kraja 19. stoljeća – u okvirima austrougarskog prostora, kada poslije spomenutog preseljavanja sredinom 18. vijeka stanovništva iz Zakarpatja stiže novi organizirani val migracija na rubu 19. i 20. stoljeća iz Galicije prema Bosni. Doseljavani etnikum, uglavnom ruralnoga porijekla, doprinio je spoznajama o tim Rusynima ili Galicijanima kako su ih imenovali starosjedioci (Ukrajinska Galicija 2015).

Ukrajinska Galicija postaje aktualna u svijesti južnoslavenskog stanovništva od 1914. godine i nadalje - u razdoblju Prvog svjetskoga rata i narednih godina pada monarhija, boljševičkog vrtloga, sovjetskih intervencija na ukrajinska područja. U nizu događaja srpska komponenta je vidljiva sudjelovanjem u različitim aspektima. Jedan od izraženih – vojno zarobljeništvo na Istočnoj fronti, gdje su u austrougarskoj vojsci bili vojnici srpskoga porijekla. Nemalo je vojnika srpskoga porijekla bilo raspoređeno po ukrajinskim mjestima gdje su radili sve do pada ruske monarhije i proglašenja Ukrajinske Narodne Republike. Srpski zarobljenici su predstavljali glavni kontingent u težnjama srpske i ruske vlade stvoriti vojnu jedinicu poznatu kao Srpski dobrovoljački korpus sa sjedištem u Odesi (Paščenko 2018). U kasnijim desetljećima, sve do 1930-ih godina, u različitim sovjetskim strukturama bilo je primjera i srpskih sudionika koji su ostali ovdje, učestvovali u sovjetskoj stvarnosti, bili su žrtve represija od strane NKVD što masovno doživljava i ukrajinski narod.

Tokom 1930-1940-ih Ukrajina se našla između dvije totalitarne mašinerije – staljinizma i hitlerizma. Ukrajinski narod je bio podvrgnut žestokim represijama sovjetskog režima početkom 1930-ih - istrebljenjem seljaštva isplaniranom gladi u najplodnijoj zemlji svijeta (Genocidni zločin 2008). Početkom 1940-ih drugi totalitarni režim – nacistički je vodio srodnu sovjetskom režimu strategiju istrebljenja ukrajinskog naroda. U Drugom svjetskom ratu Ukrajina, ispočetka okupirana nacističkom intervencijom, postupno se organizira u antifašističkoj borbi. Ukrajinci su masovno učestvovali u sovjetskoj vojsci, koja je pružala otpor okupaciji. Četiri Ukrajinske fronte su bile popunjavanje ljudskim resursima iz Ukrajine. Od Dnjeptra do Beograda, Beča, Praga i Berlina prošli su ukrajinski vojnici, ukupno šest milijuna, u postrojbama Crvene Armije. Ukrajina je bila učesnica protiv hitlerovske koalicije, zajedno s saveznicima oslobađala je Europu od nacizma. Vojnici ukrajinskog porijekla učestvovali su u ofanzivama sovjetske vojske na opširnim područjima, uključujući i područja Srbije. Ukrajinska prezimena i danas su na grobnicama vojnika, sahranjenih po Srbiji gdje su zajedno s vojnicima Narodno-oslobodilačke vojske Jugoslavije oslobodili Beograd i krenuli dalje na Berlin.

U prvim poslijeratnim godinama sovjetske su tajne službe krenule na terene tadašnje Jugoslavije, represirajući i predstavnike ukrajinsko-rusinske manjine. Slična je represivna politika bila vođena na zapadnoukrajinskim teritorijama, gdje su masovno hapšeni Ukrajinci i deportirani u GULAG. Međutim, bez obzira na represije u sovjetskim logorima, vojnici Ukrajinske Ustaničke Vojske su prvi u GULAG-u podigli ustanak protiv staljinističkoga režima.

U sovjetskoj politici poslije 1948. bili su presječeni kontakti između Ukrajine i Srbije, ali na jednoj i drugoj strani čuvana je svijest o blizosti kultura. Srpski su intelektualci zasluženi u prevođenju ukrajinske klasike, dok je na ukrajinskoj strani posvećivana velika pažnja djelatnosti Vuka Karadžića i posebno srpskom epu (Projekat Rastko). Posebna zasluga u prezentiranju kulture, književnosti Ukrajine pripada zajednici Ukrajinaca – Rusina Srbije, koja se u često teškim okolnostima trudila predstavljati Ukrajinu kroz književnost, folklor, jezik, kulturu cjelovito.

Sovjetsko razdoblje je usprkos ideološkim, političkim, cenzurnim preprekama režima obilježeno prevođenjem, posebno 1970-ih godina, između ostalog zalaganjima studentske omladine u čemu je vidljiva zasluga Srđana Raškovića. Upoznavanje s ukrajinskom književnošću ostvarivalo se u druženju sa studenima iz Kijeva. Zahvaljujući kontaktima s ukrajinskim kulturnim krugovima u inozemstvu, pristizala je literatura, zabranjivana sovjetskim režimom. Eminentna knjiga *Streljani preporod. Antologija 1917 – 1933*, objavljena u Parizu 1959. uz druge izvore pružila je mogućnost da se srpsko društvo upozna sa modernim ukrajinskim pjesništvom (Paščenko 2012). Naporima tadašnjih studenata Beogradskog univerziteta ukrajinska

književnost u izboru Jevgenija Paščenka, kroz prijevodi Srđana Raškovića, širila se po književnim časopisima. Javnost je upounavala stvaralaštvo ukrajinskih pisaca europske razine i tako se rušila slika o toj književnosti kao minornoj ili uglavnom socrealističkoj.

Uvođenje ukrajinstike na Filološkom fakultetu Beogradskog univerziteta je bilo logičan rezultat razvoja srpske slavistike i njene značajne grane – ukrajinstike. Zahvaljujući organiziranom radu, usmjerenoj naučnoj djelatnosti postignute su vidljivi rezultati, posebno - komparativno proučavanje ukrajinskog i srpskog jezika, naučno važne ali dugo vrijeme zanemarene u slavistici teme. Izuzetna i prvotna zasluga u razvoju srpske ukrajinstike pripada njenom lideru Ljudmili Popović, koja je u struci postigla značajne rezultate, što potvrđuju publikacije suradnika beogradske ukrajinstike i međunarodna priznanja (Ukrajinstika i slovenski svet, 2017).

Srpsku ukrajinstiku, odnosno istraživače ukrajinsko-srpskih veza i odnosa očekuju brojne teme koje su obilježene aspektom noviteta i ukazuju na nužnost daljih produbljenih istraživanja. Ocrtna ovdje polja upućuju na povijesnu dubinu i tematsku širinu istraživačke problematike – od problema etnogeneze, kroz kontaktna, tipološka, stilistička proučavanja ukrajinske i srpske kulture u opširnom tematskom, teoretskom dijapazonu.

Srpska ukrajinstika, odnosno ukrajinska srbistika, slavistika cjelokupno predstavljaju sastavni deo društvene nauke, uključene u težnje prema općeljudskim vrijednostima. Ukrajina, kao i Srbija, predstavljaju sastavni deo europskih duhovnih, kulturnih, intelektualnih vrijednosti. Duboki korijeni ukrajinsko-srpske historijske povezanosti svjedoče o srodnosti ovih kultura i društvenih ideala. Ukrajinsko-srpske veze su mnogo dublje od privremenih nevremena koji pokušavaju srušiti taj hrast uzajamnosti i neće uspjeti jer ukrajinsko-srpska uzajamnost je jača od pokušaja posijati zlo sjeme razdora na gruntu koji je bogat plodovima dobra.

Jevgenij Paščenko

RELATIONS BETWEEN UKRANIANS AND SERBIANS THROUGHOUT HISTORY: CONTACTS, TOPOLOGY AND STYLISTICS

Summary

One of the biggest influences on the relations among Ukrainians and Serbians was the process of Serbian migrations on the territory of the south and east Ukraine during the mid 18th century. This research analyzes the methodological principles of the Slavic studies in the 19th century and the following period of the Soviet Slavistics. In the research, the apology of the Russian imperial politics in the colonization of the Ukrainian territory is dominant. Ukrainian intellectuals of the imperial period tried to subtly, due to the political restraints, point out the negative consequences of such migrations, primarily for the future of Zaporoske Siči. In this

paper, the 18th century migration of Serbians towards the Russian empire is viewed from various perspectives. Other than the political motivation of the migration and the Serbian search for “liberation” in the monotheistic Russia, this migration is also analyzed as a form of the Slavic baroque. This myth of Russia being the saviour collapsed, as the immigrants were used to destroy the independence of Ukraine, and, afterwards, were assimilated. Novoserbija and Slavenoserbija were used by the empire as a bait to use the Serbian masses in their imperial expansion, and as an instrument to tear down the backbone of the nation - the Ukranian kozaks. The fate of the Serbain immigrants was similar to the one of the Ukranians, as they were both assimilated. However, the process of migration is reflected in the toponymy, literature, historical research and the interethnic relations on the territory of the south-east Ukraine. Here, it is shown how the toponymies of the immigrants occurred where the Ukranian names already existed, and whether the Serbian namings disappeared or survived in the following historical periods. The Serbian ancestry of a number of the Ukranian intellectuals is emphasized. The relations formed in the 18th century among the Ukranians and Serbians are only one part of the permanent and fruitful relations among these two nations. In this critical period, they were used by the Russian’s anti-ukrainism to show the imperial political orientation.

Key words: Ukranian-Serbain relations, Slavenoserbija, Novoserbija.

LITERATURA

- Balushok, Vasyl. *Ukrainska etnichna spilnota. Ethnenez, istoriia, etnonimiia*. 2008. Bila Tserkva: Vydavets O. V. Pshonkivskyyi. (Cyrillic)
- Etnichna istoriia davnoi Ukrainy. 2000. Kyiv: Instytut arkeolohii NANU. (Cyrillic)
- Genocidni zločin totalitarnog režima u Ukrajini 1932-1933. Голодомор / Gladomor*. 2008. Uredio: dr. Jevgenij Paščenko. Knjižnica Ucrainiana Croatica, knjiga 1. Zagreb: Udruga Hrvatsko-ukrajinska suradnja (HORUS).
- Hurska, Alevtyna. *Mova ta hramatyka ukrainskoho ornamentu*. 2003. Kyiv: Alternatyvy. (Cyrillic)
- Khobzei, Nataliia. *Hutsulski svity. Leksykon*. 2013. Lviv: Instytut ukraïnoznavstva NANU. (Cyrillic)
- Khudash, Mykhailo. *Pokhodzhennia imen ta relihiino-mifolohichni funktsii davnoruskykh i spilnoslovianskykh yazychnytskykh bozhestv*. 2012. Lviv: Instytut narodoznavstva NANU. (Cyrillic)
- Khudash, Mykhailo. *Ukrainski karpatski i prykarpatski nazvy naselenykh punktiv (vidapeliatyvni utvorennia)*. 2006. Lviv: Instytut narodoznavstva NANU. (Cyrillic)

- Kobza, Natalia. Hutsulska mifolohiia. Etnolinhvistychnyi slovnyk. 2002. Lviv: Instytut ukrainoznavstva im. I. Krypiakevycha NANU. (Cyrillic)
- Kugutjak, Mykola. *Kamena svetišta ukrajinskih Karpata. Prijevodi s ukrajinskoga*. 2018. Jevgenij Paščenko, Tetyana Fuderer (ur). Knjižnica Ucrainiana Croatica, knjiga 16. Zagreb: Katedra za ukrajinski jezik i književnost Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu.
- Kultura i pobut naselennia Ukrainy. 1991. Kyiv: Lybid. (Cyrillic)
- Makarchuk, Stepan. 2008. Etnichna istoriia Ukrainy. Kyiv: Znannia. (Cyrillic)
- Mytropolit, Ilarion. 1965. Dokhrystyianski viruvannia ukrainskoho narodu. Vinnipeh: «Volyn». (Cyrillic)
- Paščenko, Jevgenij. 2015. *Ukrajinsko-srpske veze u doba baroka*. Banja Luka: Ukrajinsko kulturno društvo „Taras Ševčenko“.
- Paščenko, Jevgenij. 2018. *Tragom hrvatskih domobrana. Istočno bojište 1914. – 1918*. Knjižnica Ucrainiana Croatica, knjiga 18. Zagreb: Katedra za ukrajinski jezik i književnost Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu.
- Paščenko, Jevgenij. 2018. *Ukrajinsko – srpske veze u doba baroka XVII – XVIII stoljeće*. Novi Sad: Savez Rusina Ukrajinaca Srbije.
- Pashchenko, Yevhen. Slavistyka, yakoi nemaie: Hryhorii Verves. 2012. //Vsesvit. Vsesvit - Review of world literature. 3-4, str. 247-251 <http://www.vsesvit-journal.com/old/content/view/973/41/> (Cyrillic)
- Pashchenko, Yevhen. Ukrainsko-serbski zviazky doby baroko. XVII– XVIII st. 2017. Kyiv: Osvita Ukrainy. (Cyrillic)
- Pavliuk, Stepan. Etnoheneza ukraintsiv: sprobna teoretychnoi konstruktсии. 2006. Lviv: Instytut narodoznavstva NAN Ukrainy. (Cyrillic)
- Petrakov, Vyktor. Razrushytel zaporozhskoi sechy – heneral rodomy Serbyy. Seoba srba u Rusko Tsarstvo polovynom 18 veka. — Novy Sad, 2005. — S. 258—259. <http://www.rastko.rs/rastko-ukr/istorija/2003-ns/vpetrakov.pdf> (Cyrillic)
- Poritska, Olha. Ukrainska narodna demonolohiia u zahalnoslovianskomu konteksti (KhIKh – poch. KhKh st.). 2004. Kyiv: Instytut mystetstvoznavstva, folklorystyky ta etnolohii NANU. (Cyrillic)
- Projekat Rastko. Kijev-Lavov. Biblioteka ukrajinsko-srpskih kulturnih veza*. https://www.rastko.rs/knjizevnost/nauka_knjiz/index.html#ukrajina
- Seheda, Serhii. Antropolohichni sklad ukrainskoho narodu. 2001. Etnohenetychnyi aspekt. Kyiv: Vydavnytstvo imeni Oleny Telihy. (Cyrillic)
- Ukrajinska Galicija (prijevodi s ukrajinskoga)*. 2015. Uredio Jevgenij Paščenko. Knjižnica Ucrainiana Croatica, 12. Zagreb: Katedra za

ukrajinski jezik i književnost Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu.

Ukrajinski Karpati. Etnogeneza – arheologija – etnologija. Prijevod s ukrajinskoga. 2014. (Priredio Jevgenij Paščenko). Biblioteka Ucrainiana Croatica, knj.11. Zagreb: Katedra za ukrajinski jezik i književnost Filozofskoga fakulteta u Zagrebu.

Ukrajnistika i slovenski svet. Povodom 25 godina ukrajnistike na Univerzitetu u Beogradu. 2017. Zbornik naučnih radova. Beograd: Univerzitet u Beogradu. Filoloski fakultet. http://conference.ukrajnistika.edu.rs/Ukrajinistyka_ta_slovjanskyj_svit.pdf (Cyrillic)

Zakarpats'ka Ukrajina: povijest – tradicija – identitet. Prijevod s ukrajinskoga. 2017. (Priredio Jevgenij Paščenko). Novi Sad: Savez Ukrajinaca Rusina Srbije.

Zalizniak, Leonid. *Pervisna istoriia Ukrainy.* 1999. Kyiv: Vyshcha shkola. (Cyrillic)

Zhaivoronok, Vitalii. *Znaky ukraïnskoi etnokultury.* Slovnyk – dovidnyk. 2006. Kyiv: Dovira. (Cyrillic)

Олег Румянцев*
Università degli Studi di Palermo, Italia

УДК 930.85(497.1=161.2:477)(044.2)
doi 10.19090/rs.2019.3.113-126

Ярослав Мишанич**
Інститут літератури ім.Т.Г.Шевченка
НАН України, Київ

ЛИСТИ ШТЕФАНА ГУДАКА ДО ОЛЕКСИ МИШАНИЧА (1968–1999)

У публікації запропоновано декілька листів Стефана Гудака, письменника і журналіста з громади русинів Бачки і Срему, до українського вченого-літературознавця Олексі Мишанича. Опубліковані документи дозволяють зблизка пізнати культурно-національний світогляд Ш. Гудака та більше дізнатися про культурне життя громади русинів-українців колишньої Югославії.

Ключові слова: русини, Югославія, Україна, листування

Після публікації листів Миколи М. Кочиша до Олексі Васильовича Мишанича у першому номері цього часопису – традиція, що її розпочато 2008 року на сторінках журналу “Слово і Час” – продовжуємо цикл публікації листів русинів колишньої Югославії до видатного українського вченого.

Стефан Гудак (1931–2015) – відомий письменник і журналіст, активний учасник культурного життя громади русинів Бачки і Срему та один з найбільш продуктивних творців цього невеличкого, але активного й життєздатного літературного світу. Один з семи авторів, чий оповідання увійшли до першої опублікованої в Україні збірки творів русинсько-югославських авторів *Там, коло Дунаю* (Ужгород, “Карпати”, 1976); твори вийшли в українському перекладі С. Панька,¹ а за реалізацією видання стоїть сам О. Мишанич. Важливою була роль Ш. Гудака на посаді журналіста і редактора Русинської редакції на “Радіо Нові Сад”, де він працював у 1969–1991 роках. Зокрема важливою була його роль як редактора програм на тему культури: книжки, які йому надсилав О. Мишанич, значно допомагали у складанні сценаріїв. Слід підкреслити, що Ш. Гудак надавав значної

* oleg.rumyantsev@unipa.it

** yaroslavmyshanych@gmail.com

¹ Семен Іванович Панько (1920–1976) – український (закарпатський) поет, письменник і перекладач з угорської, сербсько-хорватської, чеської й словацької мов.

уваги стосункам з українським світом – зокрема, співпрацював з українським науковцем А. Коваль² за часів упорядкування Атласу діалектів Академії Наук УРСР. Листування з О. Мишаничем підтверджує таке його ставлення.

Листування Ш. Гудака і О. Мишанича починається 1968 року, після першого візиту українського науковця до громади русинів Бачки і Срему. У архіві кореспонденції русинів Бачки і Срему до О. Мишанича (Відділ рукописних фондів і текстології Інституту літератури ім. Т.Г. Шевченка НАН України – Фонд № 232.) зберігається, без листівок (не публікуються), сім листів Ш. Гудака за 1968–1999 роки – шість з них машинописні, сьомий роздрукований. Період листування, як бачимо, доволі великий; утім від шостого (1975 р.) до сьомого (1999 р.) листа минає 24 роки, але, виходячи зі змісту останнього листа, уяви про наявність перерви в листуванні не складається. Напрошується висновок, що далеко не всі листи Ш. Гудака збереглися у фонді. Однак і в наявній частині листування присутні елементи, що цілком виправдовують необхідність їхньої публікації.

Насамперед, з листів ми більше дізнаємося про національно-культурну орієнтацію Ш. Гудака, про його ставлення до української культури і, зокрема, мови – за його словами, “матичней мови югославянских русинок” (лист № 6). Співпрацю з Україною він описує як “sotrudnjicstvo zos matičnu žemu” (лист № 2). Цікаво, що у світогляді діяча поєднується сприймання українського мовно-культурного середовища як материку, до якого належить і бачвансько-сремський етнокультурний острівець, із певним вболіванням за загальнослов'янське місце під сонцем (“slavjanstvo voobšče nješka našlo svojo mestočko pod slunkom”, лист № 2) – адже зазвичай прояви проукраїнського ставлення та панславізм не поєднувалися у світогляді того ж самого руснака. Цікавою є критика Ш. Гудака на адресу тих науковців (зокрема автор згадує О. Дуліченка³) й активістів, що дивляться на розвиток мови й культури русинів як на завершений процес (“на ствар не сцу патриц розвойно, але беру ствари як готови, закончени”, лист № 3), а не як на процес що триває. З 3-го по 6-й лист (1972–1975 роки) спостерігаємо окремі зауваження щодо видання згаданої вище антології русинсько-югославських письменників в Україні. У останньому листі активіст підтримує О. Мишанича в його

² Алла Петрівна Коваль (1923–2009) – український мовознавець, спеціаліст зі стилістики.

³Олександр Дмитрович Дуліченко – радянський, нині естонський мовознавець.

полеміці проти представників так званого “політичного русинства” і висловлюється за українське Закарпаття: “Треба мац слух и за Русинох, за їх окремосци, але лем по тамаль, покля то не загрожує державни суверенитет України над тим крайом. То мойо становиско” (Лист № 7).

Цікаво спостерігати певні графічні й лексичні відмінності між листами. Перші два листи надруковано латинськими літерами – вочевидь, за браком друкарської машинки – інші ж оформлено кирилицею. Усі листи написано мовою русинів Бачки і Срему, але з численними українськими словоформами, наприклад: “моя жінка Віра” (лист № 6), “події” (лист № 5), тощо. Сподіваємося, що зміст і форма цих листів викликають увагу науковців.

Лист № 1

Petrovci, 15.XI 1968. rok.

Dorohij Oleksa Mišanič!

Prijal som dva knjižki ukrajinskih narodnih pisnjoh. To naisece veljke bohatstvo. Už dzepojedni zos njih pririhujeme za nastup. Tiž tak žena prijala knjižku narodnih višivkoh. Vona Vam barz dzekuje za njih. Vše sebe toti višivki žadala. Kolo toho prijal som i časopis u kotrim še bešeduje o literaturi jugoslavenskih Rusinoh.⁴ Nas okreme raduje ked še o našej literaturi piše, okreme ked še o njej piše krašnje, bo i ja jeden od ljudzoh kotri še zos totu fajtu umetnjickej djijalnosci bavim. I druhi notni materijal-horski partituri, barz nam dobre pridu u roboti naših kulturno-umetnjickih družtvoh.

Barz nam žalj, že sce nam nje napisali i pisemko, medzitim svidomi zme že mace barz veljo roboti.

Okreme sceme viražic žadanje že bi sce i na rok buli naš hosc. Všeljjjak že žadame že bi sce buli dlužej z nami, bo toti par hodzini, tak povesc na prehodze, nje dostatočne že bi zme še nabešedovali i pohosceli.

Primce veljo pozdravi od
mojej supruhi

Viri i
Štefana

⁴ Мишанич, О. *Гей, там коло Дунаю...* “Вітчизна”, №4 (1966), сс. 183–191.

Лист № 2

Petrovci, 12.I 1969. rok.

Dorohij tovariš O. Mišanič!

Prijal som od Vas pisemko i kartočku ta z tej nahodi scem že bim Vam napisal toto pisemko. Skorej šickoho scem podzekovac na šickim poslatim, a druhe, na ščirim slovu, kotre sce mi vislali.

Mušim povesc že zme šicki u dome zdravi i že možeme jesc; i žena i ja i dzeci. Co še toho dotika, najaktivnejši mi najmladši sin, kotri še nje boji hoč tanjer jaki veljki.

Tot fakt hutori že zdravlje nje u pitanju. Co še mnje dotika ja mam dosc novoho. Od času jak zme še nje vidzeli ja zrobel veljo kojšoho. Predal som avto, kupel hižu u Zagrebu, a potim som napravel molbu za prehod na robotu do Novoho Sadu. Prijati som za lektora naših emisijoh. Robim vjedno zos tov. Mihalom Kovačom, Simom Sakačom⁵ i druhima zos kotrima sce še mali nahodi na Radiju upoznac. Teraz som prilično nje zredzeni. Žena zos dzecmi u Petrovcoh, mac mi u Zagrebu u hiži, a ja u Novim Sadu. Nje znam keljo prejdze času dok to šicko pozberam na jednu hromadku. Ja vše optimistično rospoloženi i verim že to šicko dobre zakonči. Budze dakus brigi, alje bez brigi njič nje može prejsc.

Bul som primušeni prevžac tot kročaj, u peršim šore pre dzeci, a vec i pre sebe. Tu u Petrovcoh už prejg petnac roki robime robotu, kotra Vam barz dobre poznata i šor že bi zme spraveli holjem jeden kročaj dalje. Ked bešeda o mnje vec mušim pripoznac že mam dzepojedni ambiciji, kotri vekši od tej každojnjoj roboti u školi. Scel bim može daco vecej poscihnuć na ljiteraturnim planje. Keljo zos svojih planoh vitvorim to še budze vidzic, medzitim sigurni som že vitvorim veljo vecej ked budzem na roboti u Novim Sadu jak ked bim bul tu u Petrovcoh.

No bez ohljadu na to že prehodzim na robotu do Novoho Sadu, ja ljem zaš ostanjem Srimec. Mi Srimci hoč dze še najdzeme ostavame ljem toto co zme buli. M.Kovač veljki čas prevedol na roboti u Bačkej: Kerestur, Novi Sad, a zaš ljem ostal pečeni Srimec. To ostanjem i ja.

Bez ohljadu že ja odhodzim na robotu do Novoho Sadu, moja povolanka že bi sce nas naščiveli ostava i žadam že bi sce nas naščiveli dakus dlužej.

Co še dotika mnje i mojej roboti na literaturi vona nje taka viznačna že bi še o njej pisalo. Pravda, jest dakus toho že nas dakus kladu do druhoho planu, medzitim njihto njikomu nje hodzen odvžac joho

⁵ Симеон Сакач (1929–2018) – громадсько-культурний діяч з громади русинів Бачки і Срему; голова Союзу русинів і українців Сербії.

vrednosc. Ja dumam že treba robic, a robota še na koncu uvidzi i vona sama za sebe pove vecej jak toti co nas žadaju pocisnuc do druhoho planu. Sceli i Kovača pocisnuc do druhoho planu, medzitim von zos svojima robotami dokazal že je naš najljepši i naš najvekši pisatelj. No tedi obstavini buli inšaki. Nješka mi mame veljo viznačni mena, kvalitet našej literaturi še zvekšal. Išče vse to nje znači že je na urovnju druhih, vekših narodoh, alje je veljo visši jak pre dvacec i vecej rokami. Dumam že za nas šickih barz važni i fakt že še za našu literaturu počali interesovac i druhi narodi, a okreme našo zos Ukrajini. Sotrudnjicstvo zos matičnu žemu od veljkoho značenja za rozvoj našej literaturi tu u Juhoslaviji. Mi mame co z bohatej ukrajinskej literaturi naučic, a i naša literatura, hoč mala, njikakim koncom nje može ohudobnjic matičnu literaturu i jej istoriju, alje ljem zbohacic. No, alje o tim nješka čežko bešedovac pre barz prostu stvar, a to že rižni ljudze, a medzi njima i naukovci na totu stvar patra zos rozličnih uhloh. Mojo stanovisko take že slavjanstvo voobšče nješka našlo svojo mestočko pod slunkom i že vono ukazalo že še bez njoho nješka u švece nje mož rišic anji jedna stvar. Drobni rozliki u jaziku, bešedi nje trebali bi njikom u zavadzac že bi kultura vzahalji nje bula majetok caloho slavjanskoho rodu, bez ohljadu dze nastala i na koncu i caloho šveta.

Muzičnoho materijalu ja dostal nadosc. Von mi budze hasnovac u roboti bo ja nje dumam zos totu svoju robotu pretarhnuc. Teraz bi mi bul barz nužni slovnjik ukrajinsko-ruski. Tiž tak bim ljubel mac rusko-biloruski, ljebo ukrajinsko-biloruski, ljebo biloruski-ukrajinski. Mnje, jak lektorovi toti slovnjiki nužni za robotu. Ked že to dagdze najdzece, ja bi Vas modljel že bi sce mi to poslali na adresu: Hudak Štefan, Radio Novi Sad, rusinska redakcija. Ja nje znam jak še Vam za šicko toto odlužim, alje budzem patric že bim Vam zrobel dajaku dobrotu.

A teraz daskeljo slova o tim že bi sce na nas nje zabuli, ked še budzece ženjic. Vlado Kosteljnjik⁶ i ja rihtame še za kumoh. Napolnjime dajake bariljče zos šljivkovu vodičku, bičak do kišeni, ta hajd. Moja Vira i joho "hudorljava" Natala budu dobri kumi. Toti slici co posilam ukazac Vašej buducej naj vidzi kuma i kumi i že keljo dzeci najmenjej šme mac.

No ta tak, a teraz už treba pojsc spac.

Veljo Vas pozdravljaju

Vira i

Štefan

Штефан Гудак

⁶ Владимир Костельник (1930–2012) – письменник, публіцист і громадсько-культурний діяч з громади русинів Бачки і Срему.

Лист № 3

Нови Сад, 4. мая 1972. рок

Дорогий товариш Мишанич!

Жадал бим задзековац на посланих кніжкох. Насампредз глядам пребачене же сом скорей не писал. При мне така работа, як була и пред тим, а познате Вам же ми жена ище вше у Петровцох, та кед мам шлебодни дні, одходзим до Петровцох, вожим там дзеци же би видзели мацер. То ми одбера час так же сом у неможлівосци спольніц щицко тото цо тримаю же бим требал сполніц. Но, заш лем, як видзице, нашол сом часу, а я таки кед уж шеднем вец напишем. Чежко ше лем влапиц до роботи.

Я приял од Вас штири пакети кніжки на котрим найцеплейше дзекуем. Дзепоедни сом зніх уж пречитал. Материял барз интересантни и як уметніцки текст, витворене, а тиж так дзепоедни зніх и як язикови материял. Так волани локализми, провинциялизми, як их ми наволуеме указую у велім и на нашу бешеду, окреме словни материял. Цошка блізке и миле. Такого материялу би требало и вецей, окреме тераз кед ест моцох, котри ше намагаю на основи на тим ступню формованих бешедох, принесц одредзени заключения. Думаю на Дуліченка и дзепоедних наших, котри на ствар не сцу патриц розвойно, але беру ствари як готови, закончени. Кед о тим пишем, думаю скорей шицкога на кніжку "Дідо-всевидо", закарпатські народні казки, котри барз интересантни, окреме бешеда зоз яку су написани, призначени. Ту наиходзим на слова: пец (піч), піпа (люлька), погар (склянка), студня (колодязь), фалаток (шматок), цимбора (товариш, друг), челядь, у нас: челядз (члени сім'ї), а вец шлідуюци: шафлік, шустер, балта, битанга, варош, вариха (вареха), гудаки (ци), гуслі (шлі), кертиця (ца), крумплі (кромплі), лавор, пасуля итд. Шицко тото ище вельо не гутори, але верим же би мушело мац вплив на наших язикословцох, котри ше задоволюю зоз грубима правилами, котри ше нешка беру до огляду. Думаю же би гу тей роботи требало присц зоз вецей ентузіазма, а не зоз цильом же би ше цо швидше дошло до результата, котри би принесц авторови даяку афирмацию. Но, будзе же то будзе познейше. Я напахал, почувствовав при Кочишови же вон ма елем[е]нти правильного приступу гу тей матерії, лем кед будзе витривали.

Литература котру сце нам послали и литература, котру уж маме нам укаже же треба и без ней не мож, же би ше робело кед ше сце цошка ошвициц, окреме кед у питаню Закарпате, Горніца, Руснаци югославянски. Но, але охабме то науки...

Зоз своїм жертвованьом допомогли сце ми же бим пополнил свою бібліотеку зоз літературу на українским язика и я Вам на тим барз дзекуем. Кед же вам будзе дацо потребне зоз югославянскей літератури, шлебодно ше зявце зоз писемком и я ше будзем намагац же бим Вам то послал. И не лем то, але и инше цо Вам будзе потребне... Но, то.

Мне жаль же сом Вас ту у Югославії не могол красше вигосциц так по руски, як ми то знаме, але Ви то похопице, понеже жиєм на два страни.

Цо ше дотика роботи, тераз сом дал Дюрови Латякови якиш приповедки, котри, як ми вон пояснел треба же би ше друковали на Україні. Я ше вельо не интересовал же дзе и цо. Приял сом на знане, закончел роботу и придал му. Закончуем зоз пририхтованяма кніжки "Уж бубни бубную" ("Гриц Бандурик") – роман котри зме ведно зоз Ковачом написали. Закончуем и драму "У логору", написал сом и єдну приповедку до "Шветлосци" Дюрови Папгар[га]йови⁷. Пречитайце ю кед будзеце мац часу, любел бим чуц Вашо думане о тей приповедки. Источасно порядно робим на писаню нового романа, котри би требал буц закончени дагдзе коло 1975. року. Роби ше о єдним опсяжнейшим твору. Потераз ми добре работа идзе и верим же кед так предлужим годно дацо зоз того випаднуц. Источасно водзи ше борба зоз єдну групу, котра нацагуе воду на свой млін, жада предац бофл робу за драги пенєж, та жада розчисциц зоз моцями, котри знаю одредзиц же цо то роба, а цо бофл. Шицко то, медзитим нормалне и я ше вельо не возбудуем. Нашу літературу заплюскую велі габи, виложена є велім витром и чежко отримовац напрям, медзитим, потераз було добре наздавам ше же и тераз будзе шицко у порядку.

Барз Вас крашне поздравя и жичи вельо ше[с]ца у
роботи и живоце

Ваш

Штефан Гудак
Штефан Гудак

⁷ Дюра Папгаргаї (1936–2008) – пийменник, поет і драматург з громади русинів Бачки і Срему; перший, чії твори було опубліковано українською мовою.

Лист № 4

Нови Сад, 20.IX 1972. р.

Дорогий товариш Мишанич!

Некша сом приял писемко и такой сцем же бим дал на нього одвит. Скорей шицкогo сцем подзековац на писму и на вистки, котри сце ми у вязи антології оповідань, послали. Мушим Вам потолковац же то не була моя дзека. Кед зме ше догваряли же цо хто од нас пошле и зоз чим будзе заступени у тей антології, я дал преклад же бим послал други приповедки, Дюра Папгаргаї и Дюра Латяк ме одгварели од моеї намири, толкуюци же ше у нас тематика о якеї ми и Ви пишеце не пише вельо, та би було интересантне послац приповедки зоз таку тематику. Я ше уж теди бал же у Вас таки приповедки (оповидання) чежко преїду зоглядом на иншаки приступ гу литературы, зоглядом на иншаки смак Вашей публики, итд. Медзитим, вони заш лем остали при свойому, та так випадло же ше у рукопису нашли шицки штири приповедки такого жанру. Я ше цалком злагодзим же досц були и една лебо два приповедки такого жанру и най би то були "Янко Салонтаї" и "Хатиджа", а други би могли буц зоз народного живота, лебо Народно-ошлебодительней войны. То уж прето же я мам циклус удатних приповедкох о Гайдамакох, котри написани у жартлівим тону, а малую живот наших людзох у Сриме и Бачкей. Тиж так мам циклус приповедкох зоз Народно-ошлебодительней войны, котри ноша заедніцку назву "Кирил Хомов – Дража", а каждая приповедка, як окремна часц ма свою назву. Я порихтани, кед то можливе же бим тоти приповедки преписал и послал. Но, не знам чи би то послац Вам, а чи послац на адрес, на котри послани и рукопис. И чи вообще треба послац зоглядом же ми Ви то сугеровали, же сце ми дали знац. Роби ше о тим, же я ніч не будзем робиц покля од Вас не достанем одвит, же чи треба же бим тим там у Ужгородзе дал знац же Ви мне о тим писали, чи то не треба. Тельо о тим. Тематику, яку я у своїх приповедкох обробюем барз широка. Од народных, хумористичних та преїг социялних и морално етичних по приповедки зоз народно-ошлебодительней войны, шицко то нешка у нас преходзи и барз є добре прияте. Заш лем я ше повинуем принципом яки там у Вас паную, понеже знам же кажди ма свой порядок, зна цо сце и цо може.

Можем Вам повесц же сом бул у Струги у Македонії на Охридским Озеру и же сом ше там на "Стружских вечарох поезії"

узнав з українським письменником Миколом Нагнибидом⁸. Тож так само бесідував з тов. Михайлом Луконіним⁹, головою радянських письменників. З ним мало знайомств і розмов, познав його з "Червоною квітою", нашими двома мітингівськими, з нашим видавництвом і т. д. Особливо познав і критику Шкловського і інших письменників з Радянського союзу, котрі там були. Слухав його на Симпозиумі, під назвою "Врацьма ше го поезії", котрий вів критик Шкловський¹⁰.

І наостаток одна радісна звістка, голубчик за мене, 1. жовтня приходив до Нового Саду моя жінка і діти Іриною, так же будемо од першого вдовою. Наздаю тебе же на рік приїде до нас та будемо господині моєї фамілії.

Дякую на радості у зв'язі з ознайомленням з українськими прозаїками. Я поступово читаю книжки котрі ще ми надіслали. А єсть їх багато. Якби ти література цікавила. Куди ж давати требає тільки написати швидко та тобі я пошлю.

М. Ковач тільки у Каніжці у колонії письменників. Баш так вчора отримав од нього лист і листочок у котрому нам пише що виступав з двома своїми віршами знагоди святковості відкриття міської мітингівської у Каніжці.

Чекаю од тебе одвіту і поради
Велико тебе сердечно вітаю
Твій

Штефан Гудак
Штефан Гудак

⁸ Микола Лівович Нагнибіда (1911–1985) – український поет і перекладач, знавець білоруської та словацької літератури.

⁹ Михайло Кузьмич Луконін (1918–1976) – російський письменник і поет.

¹⁰ Віктор Борисович Шкловський (1893–1984) – радянський і російський письменник і критик.

Лист № 5

3. фэбруар 1975. рок
Петроварадин

Дорогий товариш Мишанич!

Насампредз сцем подзековац на новорочней винчованки и пожадац Вам особне и Вашей почитованей фамелиї вельо щесца у новим 1975. року, а тиж так и у шицких наиходзацах.

Прешол уж длуґши час як сом Вам не писал, та прето тераз вихаснуем нагоду дацо вецей написац о шицким цо Вас особне, як нашого доброго приятеля, интересуе, а тиж так и гевто цо нас интересуе зоглядом на медзисобни стретнуца и сотрудніцтво на добро нашей култури вообще, а литератури, у ей рамикох, окреме.

Ми зоз несцерпеньом очекуеме видане кнїжки нашей прози на України, а мнє особне интересуе у котрей фази роботи тераз ей пририхтованс. Наздаваме ше же зоглядом на длуґши час того видане спатри шветло дня на литературней бешеди. Обставини таки же би зоз ей виданьом требало попонагляц та Вас модлїм же би Ви з Вашого боку зробели шицко цо у Вашей моци же би до реализації задумки пришло.

Час пришол же будземе у можлівосци розвиц и векше сторудніцтво зоз вашима радиостанїцами и телебаченьом (телевизию) з оглядом на предвжати крочаї з нашого боку. Тото нам оможлїви же би зме ше у наиходзацах рокох частейше стретали, сотрудзовали и хасновали богати искуства украинскей култури.

Подїї, яки ше у нас одвивали, а о котрих Ви часточно упознати, мали лем позитивне дїйство, и кажди намаганя такей файти буду мац позитивне дїйство. Вони лем моцня нашу готовосц и порихтаносц на роботу на добро наших и людзох зоз котрима жиєме.

Я вше гварел же ми вельки мали народ и я особне ше за його будучносц не боїм, окреме маме таку жем и таких людзох яких маме.

Того року почали зме роботу на шицких планах. Я и моя жена досц ангажовани у работи АРТ "Дядя". Жена роби як режисер дзевинскей секції. Постава фалат "Брама Сонця" (индийска сказка). За успишну реализацию того фалата потребна нам адекватна сценография – ту будземе мац помоц професийних сценографох Сербского народного театру, зоз котрима сотрудзуеме, а од Вас бизме, товариш Мишанич, модлели, кед би сце нам могли купиц грамофонску плочу (пластинку), котра ше у вас предава под назву "Голоса птиц в природе". Зоз ней би зме на магнетофонску пантлїку монтировали потребни ефекти, так же би театрална представа достала на квалитету.

Тото сом мушел питац бо ми наказала жена, а я, як статочни муж, и таке койцо... вше жену слухам, та сом газда у обисцу.

Зоз товаришом Ковачом ше часто видзиме, вон нам тот театрални фалат и прекладац зоз українского. Тиж так бул нам и госц Редакції на нови рок. Дакус ше и попило, та було и облапяня и поцилункох... Воно же баш шицко у шоре, ище не, але ше наздаваме же ше шицко зредзи так як то треба.

За тераз тельо. Обчекуем од Вас писемко, а кед же дагдзе найдзеце тоту плочу та нам ю пошліце, а од нас можеце гледац тото цо Вас интересує.

Вельо Вас и Вашу фамелию поздравляю
Вира и Штефан
Штефан Гудак

Лист № 6

Нови Сад, 29.III/75.

Дорогий товариш Мишанич!

Приял сом од Вас писемко, а тиж так и грамофонски пластинки. Дуже дякую! Шицко було у порядку, окреме интересантни и гевти други, котри сце ми послали, тексти прози. Нашол сом у кніжкох прози, котру сце ми скорей послали оригинални тексти Олександра Довженка Незабутне, Мати и Хата, та сом слухал и провадзел текст на литературней мови. Пластинка зоз голосами птахів барз добра и перша и друга – обидва. Я думал медзитим, на голоса звірей – вовка, ведмідь, лисиця, и иньши. Но, за тото будзе ище нагоди. У нас Сербии гваря, (прислів'я) Више дана него кобасица, цо у прекладзе значи же ест вецей дні у року як ковбаси, та будзе ище нагоди пренайсе и тото цо нам треба.

Моя жінка Віра ме дуже висобачела. Гвари: чловек ци послал, а ти ані писмо, ані ніч, гласа од себе не даваш. Правда, заслужел сом, але тераз ест вельо роботи. Секретар сом Аmaterского театра "Дядя", тераз рихтаме пейц представи, та нігда концу беганю, ходзеню, пририхтованю. Док бул Сима, вон вельо допомогнул роботи, а тераз шицко спадло на мене. Но, але уж даяк то лем будзе. Товариш Ковач Михал гвари: Ище нігда не було же даяк не було. Но, та так и то лем даяк будзе.

А тераз сцем даскельо слова о кніжки прози. Бешедовал сом зоз Дюром Латяком и вон ми гвари же вон писал на Україну, та же

те раз товарише маю послац рукопис до нас на авторизацию. Я не знам же яки обичай кед ше така робота роби. Думам же ту пришло до непорозуменя, але тоти непорозуменя би ше могли вигладзиц, думам зробиц того цо потребне же би пришло до видаваня кніжки. Можу буц рижни думаня, аж и ту при нас, але едно думане сигурно исте у єдним зме єдинствени же шицки жадаме же би тота кніжка була друкована. Сцеме дац знац швету же Русини у Югославії жию, робя, творя... Сцеме же би зме о тим швет информовали преїг українскей мови, матичней мови югославянских Русинох, сцеме указац же українска литература жиє и зоз єдним специфичним животом, сцеме указац на єй моц прилагодзиц ше к шицким условийом, гоч єй история (думам на нашо иснованє) предодредзела швидке щезованє. Найнормалнейше же наша литература гледа афирмацию преїг своєй матичней литератури. То би требали похопиц шицки, котрим то ище не ясно. Матица сербска будзе друковац исти зборнік на сербскогорватскей бешеди, Словаци питали рукопис же би го друковали на словацкей бешеди, думам зробели словацки преклад. Я би сцел знац точнейшу причину же цо треба зробиц же би кніжка вишла на українскей бешеди. За мене найнормалнейше же би перша кніжка була друкована на українскей бешеди, а потим, кед же дахто заинтерсовани, най ю друкує на других бешедох. Не думам же у тей кніжки даяки окремени литературни вредносци, але думам же єй вредносци у тим же указує же и мала гарсточка народу, кед зна цо сце, кед є свидома своєго я, може твориц и збогацовац культуру своєго народа. Но, але цо о тим пишем кед Ви то добре знаце. Мушим повесц, та тельо!

Вельо Вас поздравляю и
шицко найлєпше Вам и Вашей
фамелиї жича

Віра и Штефан
Штефан Гудак

Лист № 7

Петроварадин, 25. децембер 1999. рок

Дороги панє Мишанич!

Вчера вечар сом нашивел М. Ковача и його супругу, добре су. Ковач ми вириповедал о промоції його кніжки у Ужгородзе, о котрей сце мали слово. Гварел ми же сце бешедуєци о литератури Руснацох, по добрим, спомли и мойо мєно, дзекуєм. Ковач ми гварел же Вам ше питал чи сце достали мою найновшу кніжку крадких приповедкох

"Вини и зради" и же достал упечаток же Ви тоту кніжку не достали до рукох. Мушим Вам повесц же Вам я тоту кніжку послал по Наталії Стаценко¹¹. Но, кед же Вам вона тоту кніжку не дала, напишце ми та Вам я пошлем другу по пошти. Тельо о тим. М. Ковач ми приповедал и о обставинох на Закарпатю, конкретно о намаганьох "добрих" сушедох же би ше преїг наших людзох и русинства дорвали Закарпатя. Я у подполносни розумим Вашу борбу против таких наших "добродїїох" и думам же их треба онеможлівиц у тей роботі. З оглядом же то людзе образовани, не мож повесц же су не информновани, а то значи же споза того стої цошка инше. Не чудо же вони зоз шицких оружїїох нападню Вас и других людзох, котри ше намагаю гу українскеї державносни Закарпатя, бо то и условие за их национални и кажди други препород. Маце потримовку шицких моцох медзи Руснацами у Югославії, котри жадаю у першим шоре, добре Руснацом у Югославії, бо и ми маме своїх "добродїїох", а тоті очиглядно потримую цошка цалком инше, же бисце не дошлебодзели тим "Русином" же би под меном "русинства" Закарпатє предали за тепшу риби. Закарпатє не шме вецей нігда буц не українске, а други народи, котри там жию, по мне, треба же би мали шицки национални права у рамикох українскеї держави, без огляду на тото же кед Закарпатє у прешлосци було под рижнима цудзинцами, Українці, односно Русини, тоті права не мали. Треба мац слух и за Русинох, за їх окремносни, але лем по тамаль, покля то не загрожує державни суверенитет України над тим крайом. То мойо становиско. Не дошлебодзце же би Вас тоті людзе вируцели зоз коляї Вашей творчей роботи на добро Закарпатя, на добро цалого українского народу, медзи нїма и нас Руснацох у Югославії.

Чекам од Вас одвит чи маце мою кніжку и вельо поздриви од Вири и Штефана.

Шицко найлепше у Новим 2000-тим року!

Штефан Гудак

¹¹ Наталія С. Стаценко – український історик, етнограф.

Oleg Rumjantsev – Yaroslav Myshanych

THE LETTERS OF SHTEFAN HUDAK TO OLEKSA MYSHANYCH

(1968–1999)

Summary

In this publication is presented the correspondence between Ukrainian Academic Oleksa Myshnych and Štefan Hudak, a writer and journalist and from community of Rusyns of Bačka and Sirmium (Vojvodina, Serbia). Published documents allow to analyze the cultural and national identity of Š. Hudak and to know more about the cultural life of Rusyns in former Yugoslavia.

Key words: Rusyns, Yugoslavia, Ukraine, correspondence.

ЛІТЕРАТУРА

- [Grupa avtoroh]. (2019). *Hlasi i časi. 70 roki Ruskej rdakciji Radio Novogo Sadu*. Novi Sad: NAR, 2019. (Cyrillic)
- Latjak, D. (2004) Oleksa Mišanič i Balvansko-Srimski Rusnaci. *Švetlosc*, XLII/2, 2004. Novi Sad: Ruske slovo. (Cyrillic)
- Mušinka, M. (2004) Мушинка, М. Ukrajinist-karpatoznavec Oleksa Mišanič. *Švetlosc*, XLII/2, 2004. Novi Sad: Ruke slovo. (Cyrillic)
- Tamaš, J. (1997). *Istorija ruskej literaturi*. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 521–524. (Cyrillic)
- Terljuk, I. (1966). Naš jazik u novim dijalektnim atlasu Akademix naukoh USSR. Novi Sad: *Ruske slovo*, 17/06/1966. (Cyrillic)
- Čurčić, M. Bibliografija Rusnacoh u Jugoslaviji. Novi Sad: Biblioteka Matice srpske, 531–533. (Cyrillic)
- Štefan Hudak, <http://www.ruskeslovo.com/avtor/штефан-гудак>, 02/08/2019. (Cyrillic)

PRÍSPEVKY O JAZYKU RUSÍNOV V SLOVENSKEJ MEDZIVOJNOVEJ TLAČI**

V mnohonárodnostnej Vojvodine sa po Prvej svetovej vojne začal prejavovať väčší záujem a pestovať kultúrnu a literárnu spoluprácu medzi určitými národnostnými spoločnosťami. Prvé kontakty medzi Slováckmi a Rusínmi vo Vojvodine na kultúrnom poli boli uskutočnené pravdepodobne aj vďaka ich jazykovej a národnostnej príbuznosti. Kultúrna spolupráca týchto dvoch národnostných spoločností medzi dvoma vojnami sa zo začiatku prejavovala najmä vo vzájomných návštevách slovenských a rusínskych kultúrnych spolkov. V nedostatku vlastnej tlače do Prvej svetovej vojny Rusíni odoberali publikácie Slovákov vo Vojvodine: noviny a neskoršie aj *Národný kalendár*. Po Druhej svetovej vojne prichádza k intenzívnemu vzájomnému prekladaniu a uverejňovaniu literatúry pre deti a pre dospelých tak v slovenských, ako aj v rusínskych publikáciách.

Tento výskum bol zameraný na zistenie toho, aké náhľady mali slovenskí autori o Rusínoch a jazyku Rusínov a čo sa slovenskí čitatelia mohli dozvedieť najmä o jazyku a kultúre Rusínov vo Vojvodine čítajúc slovenskú tlač medzi dvoma vojnami. Základným zdrojom pre skúmanie tejto problematiky v tomto príspevku je dobová tlač vojvodinských Slovákov: *Náš život*, *Národná jednota* a *Národný kalendár*, ako i dostupná vedecká a publicistická literatúra.

Kľúčové slová: Rusíni, Slováci, jazyk Rusínov vo Vojvodine, medzivojnová tlač vojvodinských Slovákov.

Sťahovanie Slovákov a Rusínov na územie Južného Uhorska sa začalo v približne rovnakom čase – v polovici 18. storočia. Pristáhovali sa však z rozličných krajov: Slováci prevažne zo stredného a severného Uhorska a Rusíni zo severovýchodných stolíc Uhorska. Hoci žili na istom geografickom území – Slováci v Báčke, Banáte a Srieme a Rusíni v Báčke a v Srieme, predsa nežili v tých istých osadách, vyjmúc miest Nový Sad a Šíd.

* danielamarcokova@ff.uns.ac.rs

** Príspevok vznikol v rámci projektu č. 178017 *Diskurzy menšinových jazykov, literatúr a kultúr v juhovýchodnej a strednej Európe*, ktorý financuje Ministerstvo osvety, vedy a technologického rozvoja Republiky Srbsko.

Pravdepodobne je to jeden z dôvodov, prečo do začiatku 20. storočia nenadviazali významnejšie vzájomné kultúrne styky. Druhým, nie menej dôležitým dôvodom je ich rozličná náboženská príslušnosť. Slováci v Južnom Uhorsku (na „Dolnej zemi“) boli väčšinou protestanti augsburského vierovyznania, t. j. luteráni, kým Rusíni boli grécko-katolíckeho vierovyznania.

Začiatky kultúrnej spolupráce Slovákov a Rusínov siahajú do obdobia revolúcie v 1848/1849. roku. Vtedy predstavitelia Slovákov a Rusínov na Všeslovanskom kongrese v Prahe nadviazali vzájomnú spoluprácu s cieľom ľahšieho uskutočňovania svojich národnostných požiadaviek (Haraksim, 1961: 17–22; Molnar, 1965: 60–61). Neskôršie Ján Kollár vo svojom elaboráte o školskom systéme pod názvom *Dobrozdanie o školstve* navrhuje miesta, na ktorých by sa mohli zakladať školy pre Slovákov a tu spomína aj oblasti, v ktorých žijú spolu Slováci a Rusíni (Berežská stolica,¹ Marmarošská stolica,² Satmárska stolica³ (Filip, 1970: 149).

Prvé kontakty medzi Slovákami a Rusínmi vo Vojvodine na kultúrnom poli boli uskutočnené v období medzi dvoma svetovými vojnami, k čomu v značnej miere prispelo aj zakladanie kultúrno-osvetových inštitúcií oboch národnostných spoločenstiev (Ramač, 2016a).

Po založení tlačiarne v Petrovci Slováci vo Vojvodine si začali tlačiť vlastné noviny pod názvom *Národná jednota*.⁴ Okrem správ o vlastnom kultúrno-politickom živote občas informovali aj o iných národnostných spoločenstvách, medzi iným aj o kultúrnych podujatiach Rusínov a vzájomných slovensko-rusínskych stykoch.⁵

Prvá krátka zmienka o Rusínoch v novozaloženom slovenskom týždenníku *Národná jednota* (ďalej: *NJ*) bola uverejnená už roku 1921 a vzťahuje sa na kucurských Rusínov, ktorí vyslali deputáciu na Ministerstvo osvety so sťažnosťou, že im pred niekoľkými dňami zatvorili cirkevné školy (*NJ*, 1921/17, 2).

O dva roky neskôr bolo na stránkach *NJ* uverejnené oznámenie o novovytlačennom slovenskom *Národnom kalendári na rok 1924*, v ktorom sa odporúča do pozornosti najmä etnograficko-historický článok o Rusínoch

¹ V súčasnosti je územie rozdelené medzi západnú Ukrajinu a severo-východné Maďarsko.

² Toto územie sa v súčasnosti nachádza v oblasti dnešného Rumunska a Ukrajiny.

³ Dnes je to župa v severozápadnom Rumunsku, na hranici s Maďarskom.

⁴ Po zaniknutí *Dolnozemskeho Slováka* začal vychádzať slovenský spoločensko-politický týždenník *Národná jednota*. Prvé číslo vyšlo 21. februára 1920.

⁵ Blížšie: Ramač – Marčoková, 2019: 233–249.

autora Jozefa Maliaka.⁶ V ňom je pripomenka autora, že sa tejto otázke venovalo málo pozornosti a odporúčanie, že je dobre poznať ich históriu, lebo ide o „bratov Rusínov“, o ktorých hovorí, že sú len podľa náboženstva Rusíni, no podľa jazyka patria k Slovákom. Autor vyjadruje presvedčenie, že sa postupom času Rusíni k Slovákom aj úplne pripoja (*NJ*, 1923/46, 3).

V tomto rozsiahlom článku v *NK* (Maliak, 1924) sa J. Maliak najprv zmieňuje o stykoch Slovákov v Šíde „s pravoslávnyimi Slovákami, ktorí sa nazývajú Rusnáci“,⁷ pričom, podľa neho, komunikujú ako členovia tej istej rodiny. Ďalej uvádza: „Reč Rusnákov sa len v niečom oddeľuje od mluy slovenskej“, hoci sami Rusnáci podotýkajú: „Vy hutorice jako i my, len my čistejšie“.

Potom Maliak hovorí o súkromných kontaktoch s Rusínmi v Šíde. Uvádza, že mu syn grécko-katolíckeho farára zo Šídu priniesol jednu rusínsku čítanku tlačenú latinkou. Pritom konštatuje, že je „jadro jazyka slovenské, ale podoba zovnútoraná toho jadra zreteľne ukazuje rozličné vplyvy“, menújúc vplyvy srbského ovzdušia, potom vplyv učiteľstva a duchovenstva, vyškoleného na chorvátskych ústavoch a nakoniec aj vplyv pravoslávnej liturgie. Nie je známe o akú čítanku ide, lebo Rusíni v Juhoslávii v období medzi dvoma svetovými vojnami nevydali ani jednu čítanku písanú latinkou (Ramač, 2016). Domnievame sa, že ide o nejakú učebnicu, ktorú v tom období používali Rusíni v Československu/Slovensku. V tom prípade nie je však jasný výskyt srbských, či chorvátskych jazykových prvkov.

Ďalej Maliak uvádza, že sa spoznal so šídskym pravoslávnym farárom (kňazom) Ďurom Besermenim⁸ a poprosil ho, aby mu dal nejakú knihu napísanú „v rusnáckom nárečí“, aby mohol lepšie spoznať ten jazyk. Tento mu dal rusínsky kalendár *Руски календар за южнославянских Русинох 1922* (ďalej: *RK*), ktorý vydával novozałożený (r. 1919) Rusínsky národno-osvetový spolok (Руске народне просвितне дружтво – ďalej: *RNPD*) v období medzi dvoma vojnami.

⁶ Jozef Maliak sa narodil 17. 2. 1854 v Revúcej (Slovensko), no pôsobil medzi Slovákami v Báčke a Srieme. Roku 1881 prišiel za učiteľa-levítu do Iloku, kde bol posledným cirkevným učiteľom slovenskej evanjelickej školy. Od roku 1923 do roku 1934 bol profesorom Slovenského reálneho gymnázia v Petrovci. Vo svojich príspevkoch významne zdokumentoval dejiny dolnozemských Slovákov a najmä ich osídlenia v Báčke a Srieme. J. Maliak sa roku 1938 vrátil na Slovensko, kde roku 1945 i umrel (Jančovic, 2015: 93–95).

⁷ Rusíni v Šíde nikdy neboli pravoslávneho vierovyznania, ale grécko-katolíckeho.

⁸ Ďura Besermini (1881–1949) – grécko-katolícky a nie pravoslávny farár v Šíde. Pôsobil tam v rokoch 1917–1949.

Maliak uvádza, že je redaktor *RK* Ďura Bindas, rusínsky farár v Ďurdeve a podpredseda RNPД. Tu Maliak dáva pripomienku, že Rusíni si nie sú celkom istí ohľadom svojho národného mena: ak je kalendár ruský, mal by byť pre Rusov a nie pre Rusínov. Pripomienka nie je vhodná, lebo každý jazyk má vlastné pravidlá tvorenia prídavných mien.⁹ Aj napriek tomu, Maliak prejavuje veľmi pozitívnu mienku o obsahu toho kalendára. Považuje ho nie za kalendár, lež ho povyšuje na letopis, v ktorom sa chronologicky podáva činnosť RNPД od vzniku po súčasnosť. Vyzdvihuje snahu hŕstky oduševnených rusínskych patriotov, ktorí pri múdrom vedení predsedníctva tohto osvetového spolku dosahujú pozoruhodné výsledky a mieni, že sú to dobré základy aj na začiatok politickej činnosti. Pútavý prehľad s pozitívnymi pripomienkami o tomto rusínskom kalendári na rok 1922 uverejnil Ď. Parabučki z Titelu v *RK* 1923.

Ďalej Maliak opisuje *RK* na rok 1922, ale vo svojom výklade do pozornosti čitateľov odporúča iba niektoré príspevky. Uvádza, že na začiatku je uverejnená zápisnica druhého výročného zhromaždenia RNPД, ktoré bolo uskutočnené 23. 05. 1921 v Ruskom Kerestúre. Zhromaždenie zvolal predseda Michal Múdry, kerestúrsky grécko-katolícky farár a predseda RNPД. Prvý tajomník M. Polívka predniesol správu o práci spolku, o jeho rozšírení, o príjmoch a výdavkoch a o stave pokladnice.

Nasledovala literárna prednáška Ďuru Bindasa „O krásnych a dobrých ruských národných piesňach, obyčajoch, porekadlách a povestách“¹⁰ (Bindas, 1922). Ďalej na zasadnutí Ď. Bindas podal návrh, aby si Rusíni založili svoju tlačiareň, na čo predseda M. Múdry nadviazal návrhom, aby sa vo všetkých rusínskych osadách zbieralo predplatné pre ruské noviny, aby sa vedel odhadnúť orientačný počet výtlačkov, ktoré sa majú tlačiť.

Ako druhý príspevok v *RK* sa uvádza otváracia reč predsedu RNPДМ. Múdreho, ktorý hovoril o význame osvety pre národ.

Ďalej bol uverejnený článok „Dejstvovanie“, v ktorom sa píše o činnosti RNPД v roku 1920/21, ale sa okrem toho uvádza i správa celého dovtedajšieho pôsobenia spolku. Sú tu informácie aj o tom, že spolok bol založený na národnom zhromaždení v Novom Sade 2. 7. 1919 a že oficiálne začal pracovať 10. júna 1920, keď ministerstvo potvrdilo stanovy tohto spolku. Počas tejto doby činnosť spolku bola zastavená, no predsa bola v tom období, presnejšie dňa 21. 10. 1919 pred spolku vyslaná prosba na

⁹ Prídavné meno „ruský“ sa v rusínskom a v ukrajinskom jazyku nevzťahuje na etnonym Rus (príslušník národa, ktorý žije v štáte Rusko), lež na Rusínov, čo je súčasne aj staršie pomenovanie pre Ukrajincov. Rusi vo svojom jazyku pre vlastný štát používajú pomenovanie *Россия* a prídavné meno *русский*.

¹⁰ Citované časti v tomto príspevku sú prevzaté z tlače v pôvodnom znení.

ministerstvo ohľadom vydávania školských čítaniek s odôvodnením. Odpoveď ministerstva ohľadom finančného podporovania vydávania učebníc nebola kladná, preto sa vo výzve Spravujúceho výboru RNPĐ uvádza: „Dostali sme pravo svoje deti v ruskom jazyku vyučovať, ale o ruske knižky musíme sa postarať sami“.

Spravujúci výbor RNPĐ vyzýval národ na vstupovanie do spolku: „Ruský národe! Svetová vojna doniesla aspoň toľko dobrého, že každý národ dostal právo, aby sa slobodne na svojom jazyku rozvíjal a svoje deti v školách vo svojom materinskom jazyku vyučoval. I my Rusi dostali sme toto právo, aby sme v našej novej države mohli vyučovať svoje deti vo svojom ruskom jazyku. Veľký to vŕdobytok pre nás!“

Ďalej Maliak komentuje výzvu Spravujúceho výboru RNPĐ, ktorou sa nastolila otázka písania a tlačenia učebníc v rusínskom jazyku. Štát vydal svoje učebné osnovy a tým pádom nedovoľoval zadovážiť si knihy z iného štátu. Zrejmé bolo, že sa Rusíni žijúci vo Vojvodine musia spoľahnúť na vlastné sily, v opačnom prípade by štát pre rusínske školy zadovážil knihy písané v štátnom jazyku. V tejto výzve spravujúci výbor RNPĐ vyzdvihuje výhody organizovania sa, lebo jednotlivec ako taký nemôže nič vykonať v týchto dôležitých veciach kultúrno-osvetového konsolidovania. Majetok RNPĐ bude ľudový, spravovať ho bude ľudový výbor pozostávajúci z členov zo všetkých rusínskych osád a čo je najdôležitejšie, budú mať z neho osov i nasledujúce generácie. Súčasne sa vyzývajú príslušníci rusínskej národnosti, aby prispeli do zbierky pre RNPĐ a ako príklad sa uvádza kerestúrska cirkev, ktorá spolku darovala 40 000 korún. V správe tajomníka spolku RNPĐ Michala Polívku sa podáva jasný prehľad členských príspevkov a darov do 20. júna 1921: spolu 381 členov úhrne nazbieralo trochu viac ako 120 000 korún.

Okrem toho Maliak komentuje správu tajomníka RNPĐ a uvádza, že 16. 6. 1920 ministerstvo vypísalo súbeh na učebnice a zostavovanie všetkých rusínskych školských príručiek. RNPĐ sa prihlásil, že na seba prevezme prípravu všetkých školských učebníc v rusínskom jazyku. Dovtedy bola už vydaná Čítanka pre III. ročník zostavovateľa M. Polívku, v tlači sa nachádza Šlabikár pre I. ročník a učiteľka Helena Cižárová chystá čítanku pre II. ročník. Okrem toho, prvé číslo rusínskeho *Národného kalendára na rok 1921*, vytlačeného v tisíc exemplároch, rozpredané bolo za mesiac.¹¹ V rukopise je prichystaná a čaká na tlač kniha G. Kostelníka „Gramatika bačvansko-ruskej bešedi“.

Tieto prvé úspechy RNPĐ na kultúrno-osvetovom poli neprebíhali však bez ŕažkostí. Zápasili s nedostatkom finančných prostriedkov kvôli rastúcej cene papiera a tlače a našli sa aj národní odrodilci, ktorí brzdili

¹¹ Veľký záujem poukazoval na potrebu vydávania publikácií v rusínskom jazyku.

pokrok klebetami o RNPД, s'ťažujúc sa na „akúsi novú ruskú reč“ a knihy v nej vydané, ktoré treba zničiť. Aj napriek tomu, RNPД úspešne zdolávalo všetky prekážky, držiac sa motta, že osвета ľudu sa má začínať od materinského jazyka. Medzi ďalšie predsavzatia RNPД patrilo zakladanie čitateľských spolkov a bratstiev po rusínskych osadách, či zakladanie filiálií RNPД. Osobitné postavenie v prebúdzaní národného života mali však rusínske noviny, ktoré „sú nám potrebné ako každodenný chlieb“. Všetky tieto aktivity, ktoré RNPД vykonávalo v mene národa, prebiehali s cieľom uskutočňovania práv národností.

Dôležitou úlohou, ktorú mal RNPД pred sebou bolo podľa Maliaka vytváranie písomníctva v rusínskom jazyku, „ktorý zodpovedá nášmu duchu a našim citom“. Dovtedy Rusíni nemali diela vydané vo vlastnom jazyku, takže čítali cudzie, pričom sa najprv museli učiť cudzí jazyk. Boli to neprajné okolnosti, takže zakladatelia spolku vydali heslo: „Držte sa svojho dedovského jazyka!“, s cieľom čím rýchlejšieho prekonania doterajšej zaostalosti v osvete a vo vzdelanosti.

Povzbudzujúce bolo to, že počet členov vzrastal, že sa rusínsky národ prebudil, porozumel novej myšlienke a bol ochotný sa za jej ciele obetovať. Z vďačnosti bol v *RK* uverejnený menoslov všetkých členov, aby sám národ poznal svojich dobrodincov „a aby ich poznalo aj ďaleké potomstvo“. Menoslov bol zostavený podľa tried a obsahoval mená všetkých členov, ktorí sa prihlásili do 25. júna 1921. V slovenskom *NK* sa uvádza menoslov čestných zakladateľov, ktorí prispeli väčšími sumami (3000 – 10000 korún): kerestúrska grécko-katolícka rusínska cirkev, ďurdevská grécko-katolícka rusínska cirkev, kerestúrsky notár Vladislav Poliak, Janko Gafič, kňaz Michal Múdry, Michal Šimko, Janko Erdelji, Michal Kološnjaj, Janko Malacko, Ďuro Gerbut atď. Potom nasledovali zakladatelia prvej triedy, ktorí darovali sumy od 200 – 1 000 korún, zakladatelia druhej triedy, ktorí darovali po 100 korún a nakoniec roční členovia, ktorí platili ročne po 20 korún – no ich mená sa v *NK* neuvádzajú.

Ďalej sa uvádza článok kňaza Besermeniho o prvom grécko-katolíckom sirotinci v Šíde, ktorý založil vладыka Dr. Dionyzius Narady (Besermini, 1922). Bol to sirotinec výlučne pre dievčatá, o ktoré sa starali sestry Bazilianky. Súčasne to bol aj prvý ženský monastier tohto druhu, v ktorom na začiatku bolo 6 sestier. Starali sa o výchovu a vzdelávanie 23 dievčat, ktoré vyučovali všetky predmety predpísané pre základnú školu.

Maliak dáva aj stručnú poznámku k článku „Jaka naša národná nazva“ Gabora/Havrijila Kostel'nika (Kosteljnik, 1922b), pričom chybné uvádza meno autora ako Ďuro. Uvádza, že Kostel'nik poučuje svojich krajanov, že hoci sa doma nazývajú Rusnákmi, ich reč je ruská; Poliaci v Poľsku ich menujú Rusínmi, no toto meno je v Báčke menej známe. Nakoniec Kostel'nik vysvetľuje etymológiu názvu Ukrajinci: že sa názov rozšíril medzi Rusínmi v XV. storočí, ale jestvoval už v 13. a 14. storočí.

Vznikol preto, že rusínsky národ žil „na východo-južnej hranici (na ukrajine, to jest pokrajine)“. Kostelník odporúča používanie mena Ukrajinci.

Maliak sa ďalej v krátkosti zmieňuje o príspevku študenta práva Il'ka Krajcara ohľadom smrti maloruského¹² básnika Sevčenka¹³ a uvádza preklad niekoľkých jeho básní do rusínskeho jazyka so slovami: „Písni preložení na našu bešedu“. Maliak tento jazyk zaradil do slovensko-šarišského dialektu a poznamenal, že je divná tá príbuznosť, keď sa musia prekladať „plody ukrajinskej lýry na svoju besedu“ a prikladá preklad jednej básne v rusínskom jazyku.

Oj tri dragi ta široki / Do vedna se žišli / A do sveta z Ukrajini / Braca se rozišli / Zochabeli staru macer / jeden ljubu žinku / Jednu šestru a najmladši / Zaručenu dzivku / Posadzela tri jaseni / Stará mac na polu / A nevesta posadzela / Visoku topolu / Tri javori posadzela / Sestra pri dolini / A dzivočka zoručena / Červenu kalinu / Neprijali se jaseni / I topola soschla / Osušeli se javori / A kalina soschla / Niet troch bratoch nikda domu / Stara mac im plače / Žena s decmi u chyžočky / Netopenej plače...

Maliakov komentár, že by každý Slovák povedal, že je to napísané v slovenskom a nie v rusínskom jazyku sa predsa nemôže akceptovať. V druhej polovici 20. storočia v slovenských a rusínskych literárnych časopisoch v Južoslávii boli uverejňované literárne diela v preklade zo slovenského na rusínsky jazyk a opačne (Ramač – Marčok, 2019). Keby si spisovný slovenský a rusínsky jazyk boli naozaj také blízke, takmer totožné, ako to považoval Maliak, pravdepodobne by tie preklady neboli potrebné.

Pre Maliaka je to nepochopiteľné, že sa poprední Rusíni, ktorých on považuje za pravoslávnych Slovákov „sháňajú za fantómom rusnáckej národnosti a rusnáckeho jazyka, o ktorom ani sami nevedia a či vlastne nechcú vedieť ako by ho mali pomenovať“. Komentuje, že Kostelník uznáva, že Rusnáci nie sú Rusi a že ich len Poliaci v Haliči nazývajú Rusínmi; študent Krajciar tým, že prekladá maloruskú báseň ukrajinského básnika Ševčenka, dokazuje, že jeho báčski a sriemski krajanovia nerozumejú maloruštinu. Maliak uzaviera, že sú oni „pravoslávni Slováci, súkmeňovci tých, ktorí sedia vo východných stolicích Slovenska a na gemerskom Horehroní, ktorých tamojší ich susedia dl'a ich sídla na rieke hrone nazývajú *Hroncami*.“ Súčasne konštatuje, že títo naši pravoslávni Slováci tým, že sa zriekli svojej slovenskosti nezískali nič, iba duševnú chudobu, keďže doteraz nemali žiadneho svojho písomníctva. Príčinu tohto zmýšľania

¹² Dnes sa namiesto termínu maloruský používa: ukrajinský.

¹³ Taras Ševčenko (1814 –1861) bol významný ukrajinský básnik a maliar. Jeho literárne dielo značne vplývalo na rozvoj ukrajinskej literatúry a na národné obrodenie ukrajinského národa.

hľadal v bývalej maďarskej vláde, ktorá „naším dobrým Šarišanom a Zemplínčanom nadišputovala, že sú oni iný, nie slovenský národ“. J. Maliak má svoj názor i na uvádzanie cyriliky, ktorou, sa podľa jeho mienky „chcú zaliečať srbskej vláde a rozšíriť jaz medzi slovenčinou a ich štebotavou šarištinou“. Pri porovnávaní duchovného života slovenských evanjelických osád vo Vojvodine s obcami a cirkvami pravoslávneho obradu tiež nešetrí ostrými slovami a vyzdvihuje pokroky a rozmach kultúrneho života od samého príchodu prvých Slovákov do Petrovca. No tiež obdivuje poprevratové snahy „našich pravoslávnych súkmeňovcov“, ktorí založili RNPĐ a ich zámerom je vzdelávať a vychovávať najprv mladý dorast, vypestovať v ňom národné povedomie a cit spolupatričnosti a na tomto základe budovať ďalej a uplatňovať sa, nakoľko im to sily budú stačiť, i v politike. Zvlášť vyzdvihuje neobyčajnú životaschopnosť cirkvi, ktorá prispela svojimi bohatými príspevkami zvlášť v Kerestúre, za čo si v budúcnosti, podľa Maliaka zaslúžia viac pozornosti, ako sa im doteraz zo slovenskej strany dostalo.¹⁴ Maliak považuje, že maďarské vrchnosti v minulosti „pravoslávny Slovákom“ vnucovali rusínske meno a vedomie, aby ich na ten spôsob oddelili od Slovákov. Toto je predsa veľmi zjednodušené stanovisko. Je pravda, že maďarské vrchnosti v 19. a v prvej polovici 20. storočia intenzívne pracovali na vytváraní rusínskeho/ruthénskeho národa, ale takého, ktorý by bol v prvom rade maďarský, spríbuznený s Maďarmi a ktorý by nemal nijaký súvis s Ukrajinou a s ukrajinským národom (Magochii, 1994; Ramač, 2007).

Maliak považuje, že „pravoslávni Slováci“, mysliac na Rusínov, nemajú dôvod zrieknuť sa „svojej slovenskosti“, lebo ju rusínska inteligencia nikdy nevykorení z obyčajného ľudu, no raz sa predsa medzi nimi objavia triezvi ľudia, ktorí pochopia túto chybu. Čas však ukázal, že Maliak nemal pravdu, lebo si Rusíni v Juhoslávii vytvorili vlastný spisovný jazyk, literatúru a vlastnú identitu.

V pokračovaní sa Maliak dopodrobna venuje článku Dr. Gabora Kostelníka „Dze spada naša bešeda (jazyk)?“ (Kostelník, 1922). Považuje, že Kostelník sa v tomto príspevku snaží presvedčiť „pravoslávnych Slovákov“ o tom, že ich jazyk je celkom odlišný od slovenčiny a chce ich predstaviť ich tak, ako keby sa ich predkovia len nedávno presťahovali na Dolnú zem z Ukrajiny. J. Maliak sa nezhoduje s názormi Kostelníka, že je rusínsky jazyk odlišný od slovenského. Nevidí v jeho článku nijaké súvislosti, ktoré by potvrdili ich ukrajinský pôvod: ide jednak o pôvodné

¹⁴ Vláda ČSR Rusínom v Juhoslávii nikdy neposkytla materiálnu alebo inú pomoc, aj napriek tomu, že v určitých obdobiach existovali tendencie privlastňovania rusínskeho národa ako slovenského. Ani sami Rusíni v Juhoslávii si nikdy od ČSR štátu nijakú pomoc nežiadali.

teritórium, z ktorého prišli z Horniakov (bývali medzi Poliakmi a Slovákmi) a jednak o jazykové prvky, ktoré prevzali od týchto národov a ktoré tu podrobne uvádza. Prídud do Báčky, prevzali veľa slov od Srbov a tak sa ich reč vzdialila od tej pôvodnej, dedovskej.

Maliak uznáva snahy Kostelníka, no považuje ho za mladého, rojčiaceho a snívajúceho autora,¹⁵ ktorý chce obhájiť vlastné tvrdenie, prečo si reč báč-sriemskych Rusnákov zasluhuje uznanie ako samostatný jazyk. Sám Maliak pochybuje, že z tohto nárečia možno stvoriť osobitný jazyk a literatúru. Neskoršie dejiny to však popreli: jazyk Rusínov v Srbsku bol kodifikovaný roku 1923 (Kostel'nik, 1923) a rusínsky spisovný jazyk, ktorý je platný pre Slovensko bol kodifikovaný roku 1995.¹⁶ Maliak tvrdí, že v prípade vylúčenia všetkých slovenských prvkov, prestali by hovoriť. Odvoláva sa aj na tvrdenie Kostelníka že ani poľské, ani slovenské prímеси sa nedajú vyradiť z rusínskeho jazyka, lebo sa udomácnili počas dlhých storočí, no takisto sa reč musí ochraňovať od srbského vplyvu, lebo v opačnom prípade by „sme našu bešedu zošickim zatraceli“.

Maliakovo tvrdenie ... tvrdí, že okrem toho, že Rusíni si nie sú istí ohľadom svojho mena, ani ich „mluva nemá nijakých ustálených foriem, niakých písomných pamiatok, vôbec ani len najprimitívnejších počiatkov literatúry“ (Toto tvrdenie) nie je pravdivé, lebo už bola publikovaná gramatika, niekoľko zväzkov zápisov ústnej ľudovej literatúry, literárne diela Havrila Kostelníka a iné.

Maliak spomína aj text „Naši bratia Rusini-Ukrajinci v Slavonii a Bosne“, ktorý v *RK* uverejnil bohoslovec M. Firin¹⁷ zo slavónskej Kaniže. Oboznamuje báč-sriemskych rusínskych čitateľov o tom, že sa ich krajanovia z východnej Haliče začiatkom 20. storočia začali sťahovať do Bosny, najmä do okolia Baňaluky a do Slavónie, najviac do požežskej oblasti. Príčiny sťahovania Rusínov z bohatej Haliče vidí v tom, že najúrodnejšia zem, ako aj lesy a pasienky patria poľským magnátom, grófom a barónom, potom bohatým židovským pánom a nakoniec vysokému katolíckemu duchovenstvu. Rusínski/ukrajinskí sedliaci vlastnili len malé pozemky, z ktorých sa nedalo vyžiť. Kvôli tomu sa asi pol milióna Rusínov vysťahovalo do Ameriky a niektorí – počujúc, že sa v Bosne dá lacno kúpiť pôda a dostáva sa i zadarmo – so svojimi rodinami prisťahovali sa do Slavónie a Bosny. Autor v *RK* ich opisuje ako pobožných a skromných, väčšinou chudobných, no vzhľadom na to, že sú mnohodetní a robotní, môžu vyžiť zo svojej zeme. Pomaly tratia svoje národné obyčaje a kraj, lebo nežijú na

¹⁵ V tom období Kostelník mal takmer 40 rokov.

¹⁶ Koordinačný výbor Rusínskej obrody vyhlásil 27. januára 1995 v Bratislave kodifikáciu rusínskeho jazyka na Slovensku. Podrobnejšie: Plišková, 2007.

¹⁷ Úplné a správne meno je Michal Firak.

kompaktnom území. Medzi nimi je veľa negramotných, lebo okrem kňazov nemajú svojej inteligencie. Z chorvátskych škôl majú osov iba v tom, že nezostávajú negramotní. Najlepšie podmienky na národnokultúrny rozvoj majú v Prnjavore v Bosne, kde majú osvetový spolok a v poslednom čase dostali i svojich národných učiteľov.

Na konci Maliak prikladá tri básne H. Kostelníka v rusínskom jazyku prepísané latinkou a dáva vlastný komentár o lexike. Považuje, že treba bdiť nad čistotou reči a vynechať všetky slová, ktoré boli vypožičané z iných jazykov. Pojal to veľmi úzko a povrchne a pravdepodobne neuvažoval, že sa to dá uplatniť aj na iné jazyky. Napríklad: čo by zostalo v srbskom jazyku, keby sa vylúčili turcizmy, germanizmy; čo by zostalo v slovenskom jazyku, keby sa vylúčili hungarizmy alebo slová, ktoré sa nachádzajú aj v iných slovanských jazykoch atď. Každý jazyk by bol v značnej miere ochudobnený vylúčením všetkého, čo sa môže považovať cudzím prvkom.

Maliakovo tvrdenie, že „poézia bač-sriemskych Rusnákov nevydrží ani z ďaleka porovnanie z poéziou Rusnákov na Horniakoch“ neobstojí, lebo poézia Rusínov prvej polovice 20. storočia sa aj dnes považuje za živú literatúru, kým poézia Rusínov v rusínskom jazyku z toho obdobia na Hornici sa viacej nikde nespomína.

V súvislosti s celým Maliakovým článkom uverejneným v *NŽ* sa dá povedať, že mal dobré úmysly svojim krajanom podať čím viac informácií o Rusínoch v Juhoslávii. No predsa sa získava dojem, že autor sa nadmieru usiloval poučať, usmerňovať a upravovať celkový kultúrny, literárny a národnostný život Rusínov v Juhoslávii podľa modelu, ktorý bol používaný v období medzi dvoma svetovými vojnami voči Rusínom na Slovensku a ktorý sa pohyboval v smere národnostného splývania Rusínov so Slovákmi. Rusíni v Juhoslávii mali iné postavenie a možnosti uplatňovania svojich národnostných práv, začínajúc vzdelávaním, kultúrno-národným organizovaním, publikačnou činnosťou a pod.

V literatúre sa uvádza, že určitý počet Rusínov v Juhoslávii v období medzi dvoma svetovými vojnami čítal slovenské noviny a knihy, takže sa môže predpokladať, že niektorí z nich prečítali aj článok J. Maliaka. Aj napriek tomu, ani vo vtedajšej, ani v neskoršej rusínskej tlači nenachádzame nijaké komentáre alebo reakcie na tento článok.

Článok „Spisovný jazyk juhoslovanských Rusínov“ s podnázvom „Náčrt k linguistickej štúdií“ autora Františka Tichého prejavuje vedecký záujem o nárečie báčskych a sriemskych Rusínov (*NŽ*, 1935: 133–137). F. Tichý uvádza, že sa vďaka ukrajinskému bádateľovi Volodymyrovi Hnatjukovi zo Lvova jazyk juhoslovanských Rusínov stal predmetom vedeckého záujmu aj iných lingvistov. V. Hnatjuk nazbieral v rusínskych osadách v Báčke bohatý etnografický materiál a napísal *Ruski oseli v Bačci* (Hnatjuk, 1898). Hnatjuk zastával stanovisko, že “nárečie báčskych

osadníkov Rusínov, ktoré si doniesli na Dolnú zem z východného Slovenska, patrí k jazykovému celku ukrajinskému”. Proti tomuto názoru sa postavila skupina jazykovedcov, medzi ktorých patria: František Pastrnek v štúdiu *Rusíni jazyka slovenského* z roku 1906 (Pastrnek 1907), Aleksej Ivanovič Sobolevski (Sobolevskij, 1898), Olaf Broch (Broch, 1897; Broch, 1899) a Miroslav Kalál (Kalál, 1924). Boli názoru, že toto nárečie prislúcha do jazykového celku československého. Vatroslav Jagić (v Archive 1910) pri rozboře IV. zväzku Hnatjukových *Materiálov* (Jagić, 1910), považuje nárečie juhoslovanských Rusínov za totožné s nárečím Lemkov.¹⁸

Ďalej autor článku F. Tichý uvádza presné publikácie a bádateľov, ktorí sa zaoberali výskumom hovorového jazyka slovenských Lemkov: Samo Czambel, František Pastrnek a Jiří Polívka z československej strany a zo strany ukrajinskej to v tom období boli: V. Hnatjuk (*Rusyny Prjašivskoji eparchiji* z roku 1902 a *Slovaky čy Rusyny* z roku 1903) (Hnatjuk, 1988b; Hnatjuk, 1988c), Ivan Verchratskij (II. časť spisu *Znadoby dlja piznanja uhorsko ruskych hovoriv* z roku 1901, monografia *Pro hovor halycckych lemkiiv* z roku 1902) (Verchratskij, 1899 –1901, Verchratskij, 1902). V časopise *Ridna mova*, ktorý vydával ukrajinský filológ Ivan Ohijenko a vychádzal vo Varšave od roku 1933 je často venovaná pozornosť nárečiu Lemkov. Podľa stanoviska československých bádateľov nárečie Lemkov je slovenské, kým podľa názoru ukrajinských bádateľov, toto nárečie prislúcha skupine ukrajinských nárečí.

F. Tichý pripomína, že sa oproti tomuto staršiemu jazykovému bádaniu, ktoré dávalo prednosť štúdiu ľudových nárečí, začali zjavovať nové smery, ktoré kládli do popredia význam štúdia spisovných jazykov. K tomuto sa prikláňa i sám autor F. Tichý a je názoru, že sa takýmto spôsobom môže prispieť k ujasneniu otázky jazykovej príslušnosti juhoslovanských Rusínov. V pokračovaní podáva niektoré vlastné pozorovania ako svoj prvý pokus a príspevok k tomuto štúdiu. Uvádza nasledujúce fakty: juhoslovanskí Rusíni, ktorí prišli na toto územie, používali vo svojich literárnych prejavoch okrem spisovného cirkevno-slovanského jazyka (ktorý je bohoslužobným jazykom ich grécko-katolíckej cirkvi) aj svoj hovorový jazyk.¹⁹ Prvou tlačenou knihou v spisovnom jazyku

¹⁸ Lemkovia sú etnické spoločenstvo žijúce v pohraničných karpatských oblastiach Poľska, Ukrajiny a Slovenska. Časť Lemkov seba v etnickom zmysle považuje Rusínmi, časť Ukrajincami. Značný počet Lemkov považuje, že sú Rusíni a Ukrajinci ten istý národ a že je pomenovanie Rusín staršie etnonymum pre Ukrajincov. Prevažne sú grécko-katolíckeho vierovyznania.

¹⁹ Pre 19. storočie je príznačná iba rukopisná ľudová literatúra písaná miestnym nárečím. Celý rad takýchto textov uverejnil vo Lvove Ivan Franko: *Apokryfy i legendy II* (Franko, 1899) a V. Hnatjuk: *Uhroruski duchovni virši* (Hnatjuk, 1902).

juhoslovanských Rusínov je "idylský veniec" (идилски веџец) Gáboru Kostelníka Homzova pod názvom *Z mojho valala*, ktorý vyšiel v Žovkove v Haliči roku 1904 (Kosteljník, 1904). F. Tichý na tomto mieste uvádza aj básnické motto, prepísané latinkou: „Prim valalu, slova toty / prim, narodu moj! / Hoč ja odbil še od tebe, / šče ja zato tvoj! // Perši slova i trud perši, / šicko, co som mal, / do tych ja paperoch zjazjal (zvjazal) / i tebe som dal.“ Zdôrazňuje, že sa v týchto veršoch stretávame iba s jedným ukrajinským prvkom (peršyj), no to isté slovo sa tiež uvádza aj v *Slovenskom slovníku* Miroslava Kalála ako východoslovenské (Kalál 1924). Aj po stránke lexikálnej a morfolologickej, ako i hláskoslovnej, fonetickej a akcentologickej má tento text vyslovene československý ráz.

Ďalej autor F. Tichý pripomína čitateľom, že po svetovej vojne bolo v Ruskom Kerestúre založené *Ruske narodne prosvitne družtvo*, ktoré od roku 1920 vydáva knihy pre ľud, v prvom rade *Rusky kalendar za južnoslavianskych Rusinoch*. V prvom ročníku tohto kalendára na rok 1921 bol uverejnený referát predsedu spolku Michala Múdreho O jazyku za južno-slavjansku rusku pismenosc, kde sa hovorí: "*Jagod co še našo braca za Karpatoch, vostočni i zachodni Rusini (Prjašov a Ungvar), rozvijaju každy na svojim jazyku, tak še mušime i my jak jedna treca hromada na juhu rozvivac na svojim macerinskym jazyku. My sebe zrobeli jazyk, kotry vecej nie pripada nikomu, l'em nam samym. S tym jazykom še služime u zvyčajnym životu, a na tom slatkym macerinskym jazyku sceme stvoric i našu rusku pismenosc.*" Aj v tejto, aj v ďalších ukážkach textov rusínskych autorov Verchratského, Múdreho, Kostelníka – F. Tichý nachádza príklady, ktoré ho vedú k formovaniu uzáveru, že nárečie juhoslovanských Rusínov patrí do československej jazykovej skupiny.

Vo vianočnom čísle *NJ* z roku 1937 v článku pod názvom Vianočné obyčaje na Podkarpatskej Rusi sú dopodrobna opísané rusínske vianočné obyčaje: rečňovanky, piesne a betlehenské hry, ktoré do slovenčiny preložil Janko Sirácky. Autor uvádza, že sa každý Rusín tešil Vianociam a svoju radosť prejavoval tým, že v každom dome na čistom stole prikrytom červeno-bielym obrusom ležal voňavý chlieb, klobásy, solené mäso, varená sliepka a medovina. Okrem toho, i mladí, i starí uctievali si vianočné tradície. Pred sviatkami sa mládenci a dievky schádzali a radili, čím by sa mali na sviatky predstaviť. Chystali si rôzne kostýmy, ako napríklad: traja králi, smrť, anjel, rohatý cap, medveď, starý bradatý pastier.

Jedni chodili na Štedrý deň koledovať, predvádzali žartovné rečňovanky: *Ja pacholiatko male / v utorok rodené / v stredu ráno už do školy dané / plačem kade chodím / na cestu nevidím. / Slzy sa osušajú / veselé Vianoce vinšujú.*

Iní chodili s papierovým "betlehemom" po domoch, predvádzali betlehenské hry a spievali nábožné piesne: "Sláva na výsostiach Bohu", "Nebojte sa pastuškové..." a vianočný chválospev "Slavte narozeni Páně",

“Boží syn sa dnes narodil”, “Radujte sa , nebesá i zeme”. Nakoniec sa obrátil Starý pastier (kostymovaný mládenec) k domácim: *Vy, dobří křesťania, počestní Rusíni, / ktorí ste nás v dome svojom tak milo prijali, / prajeme vám šťastia, požehnaní všetkého, / nech vám Pán Boh praje z vysokého neba. / Daj vám Pán Boh zdravia, aby ste šťastní boli / vy i vaše deti i vnučkovia milí, / by ste mohli Pána Stvoriteľa sveta / radostne chváliť ešte mnohé letá!*

Tým, že všetci zaspievajú “Mnohaja lita” končí sa “betlehemská hra” a nakoniec hospodár koledníkov štedro obdarí (NJ, 1937/18, 6). Uvedené opisy vianočných obyčají a citované úryvky vianočných piesní patria Rusínom na Slovensku a iba čiastočne sa môžu vzťahovať na Rusínov v Juhoslávii.

Skutočnosť, že Slováci písali latinkou a Rusíni cyrilikou, slovenským autorom niekedy sťažovala citovanie pri preberaní už publikovaných textov v rusínskej tlači. Ako ukážka môže poslúžiť krátky článok M. Kovača v NJ, kde sa uvádzajú informácie o tom, čo o divadelnom predstavení a návšteve Slovákov z Petrovca do Ruského Kerestúra píše rusínska tlač (Руске новини): „Mi medzi sobu vitali vlasnich svojich bratoch. I buli sme posešeni, bo zme vidzeli, že u neščescom budzeme mac sa sobu bratoch, chtori budu znami čuvstvovac i za nas zastavac, kedz budze potrebne, na odbranu našich nacionalnich interesoch.“ V dlhšom článku sa s oduševnením a srdečnými slovami autor zmieňuje o hosťujúcich vystúpeniach a končí sa takto: „Viprevadzeli sme ich 17. II. rano z gorucim žadanjom, že bi še našo sblížovanie nastavelo i prineslo co vecej hasnu i ednim i drugim“ (NJ, 1936/10, 3). V slovenskej tlači rusínske texty neboli uverejňované v cyrilike, autori ich písali latinkou podľa fonetickej transkripcie.

Záver

V medzivojnovom období sa začal prejavovať záujem vojvodinských Slovákov nielen o kultúrne kontakty s vojvodinskými Rusínmi, ale sa javila i snaha o bližšie vysvetlenie ich pôvodu, spôsobu života, obyčají, či kultúrno-národného organizovania v novoutvorenom štáte. Javili sa i prvé pokusy niektorých československých autorov o ujasnenie otázky jazykovej príslušnosti juhoslovanských Rusínov, ktoré boli prvými publikovanými článkami na tieto témy v slovenskej vojvodinskej tlači. Keďže existovali tendencie privlastňovania rusínskeho národa ako slovenského, či ukrajinského, tak isto sa vo vedeckých prácach objavovali otázky príslušnosti rusínskeho jazyka k určitým jazykovým skupinám. V súčasnosti rusínsky jazyk má viacej kodifikácii: najstaršiu má rusínsky jazyk v Srbsku a Chorvátsku a v novšej dobe svoje kodifikácie alebo normy dostávajú aj rusínske jazyky na Slovensku, v Poľsku, v Maďarsku a v Ukrajine.

V publikáciách vojvodinských Slovákov v medzivojnovom období nebolo veľa príspevkov o jazyku Rusínov. Aj napriek niektorým nepresnostiam, predsa mali prínos v zmysle kontinuity záujmu vojvodinských Slovákov o všetky aspekty národno-kultúrneho života Rusínov vo Vojvodine. Tento záujem sa vystupňoval zvlášť po Druhej svetovej vojne, keď prišlo k intenzívnemu vzájomnému prekladaniu a uverejňovaniu literatúry pre deti a pre dospelých tak v slovenských, ako aj v rusínskych publikáciách.

Daniela Marčok

CONTRIBUTIONS ON THE LANGUAGE OF RUTHENIANS IN THE SLOVAK PRESS IN THE INTERWAR PERIOD

Summary

In the absence of their own press until the World War One, the Ruthenians subscribed to the publications of the Slovaks in Vojvodina. Shortly after the war ended, they were subscribing to the newspaper *Národná jednota*, and later also to *Národný kalendár*. These publications, among the rest, provided information on Ruthenian cultural events and mutual Slovak-Ruthenian's relations. The first cultural contacts between Slovaks and Ruthenians in Vojvodina were probably due much to their linguistic and national closeness.

The first attempts of some Czechoslovak authors, to clarify the question of the linguistic affiliation of Yugoslav Ruthenians, which were the first published articles on this subject in the Slovak Vojvodinian press, also appeared. As there were tendencies of appropriation of the Ruthenian nation as a Slovak or Ukrainian nation, the scientific work also raised questions about the Ruthenian language belonging to certain language groups. At present, the Ruthenian language has more codifications: the oldest has Ruthenian language in Serbia and Croatia, and more recently, Ruthenian languages in Slovakia, Poland, Hungary and Ukraine also receive their codifications or standards.

There were not many articles on the language of the Ruthenians in publications of the Vojvodina Slovaks in the interwar period. Regardless of some inaccuracies, they still contributed to maintaining the continuity of interest of Vojvodina Slovaks in all aspects of the Ruthenian national-cultural life in Vojvodina. This interest escalated especially after the Second World War, when there came to an intensive mutual translation and publication of children's and adult literature in both Slovak and Ruthenian publications.

Key words: Ruthenians, Slovaks, language of Ruthenians in Vojvodina, interwar press of Vojvodina Slovaks.

ZDROJE

- Maliak, J.: Čo sa deje u našich dl'a jazyka najbližšich susedov. In: *Národný kalendár na priestupný rok 1924*. Petrovec: Kníhtlačiareň účastinárska spoločnosť. 1924. 43 – 62.
- Sirácky, J.: Vianočné obyčaje na Podkarpatskej Rusi. In: *Národná jednota*. Petrovec: Kníhtlačiareň účastinárska spoločnosť. 1937, 18, 6.
- Tichý, F.: Spisovný jazyk juhoslovanských Rusínov. In: *Náš život*. 1935. 133 – 137.
- Ruski kalendar 1922. Ruski Kerestur: Ruske narodne prosvitne društvo.*
- Ruski kalendar 1923. Ruski Kerestur: Ruske narodne prosvitne društvo.*

LITERATÚRA

- Besermyni, D. (1922). Perši naš ruski hr. kat. Širotinjec u Šidu. *Ruski kalendar 1922*. Ruski Kerestur: Ruske narodne prosvitne društvo, 47–50. (Cyrillic)
- Bindas, D. (1922). O bačvanjsko-srimskih ruskih narodnih dobrih običajoh, t. j. O nacionalnim jih životu. *Ruski kalendar 1922*. Ruski Kerestur: Ruske narodne prosvitne društvo, 15–21. (Cyrillic)
- Broch, O. (1897). *Studien von der slowakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn*, Khristiana.
- Broch, O. (1899). Waitere Studien von der slowakisch-kleinrussischen Sprachengrenze im östlichen Ungarn, *Узрорусское наречие села Вбли. Петербур.*
- Franko, I. (1899). Apokryfy i lehendy z ukrainskykh rukopysiv. T. II. Apokryfy novozavitni. Lviv. (Cyrillic)
- Haraksim, E. *K sociálnym a kultútnym dejinám Ukraincov na Slovenskui do roku 1867*. Bratislava, 1961.
- Hnatiuk, V. (1984). *Uhroruski dukhovni virši*. Novy Sad. (Cyrillic)
- Hnatjuk, V. (1988). Ruski naseljenja u Bački. U: Hnatiuk, V. (1988). *Etnografski materiali z Uhorskej Rusi*, t. V, Novi Sad, 79–126. (Cyrillic)
- Hnatjuk, V. (1988). Slovaki či Rusini? U: Hnatiuk, V. *Etnografski materiali z Uhorskej Rusi*, t. V, Novi Sad, 127–201. (Cyrillic)
- Hnatjuk, V. (1988). Rusini Prjašovskej eparhiji i jih bešedi. U: : Hnatjuk, V. *Etnografski materiali z Uhorskej Rusi*, t. V, Novi Sad, 5–78. (Cyrillic)
- Jagić, V. (1910). Über den Dialekt der Klainrussen in Bačka und Banat Ungarns (nach H. Hnatjuk). *Archiv für Slavische Philologie*, band 31, Berlin, 554–559.

- Jančovic: V Iloku zasial semeno vzdelanosti a kultúry a v Petrovci bol pedagógom a matičiarom : k 70. výročiu úmrtia Jozefa Maliaka. In: *Národný kalendár 2015*. Báčsky Petrovec: SVC, 2015, 93 – 95.
- Kostel'nik, G. (12904). *Z mojoho valala*. Idilski venjec. Žovkva. (Cyrillic)
- Kostel'nik, G. (1922b). Jaka naša narodna nazva? *Ruski kalendar 1922*. Ruski Kerestur: Ruske narodne prosvitne družtvo, 59–60. (Cyrillic)
- Kostel'nik, G. (1923). *Hramatyka bachvanjsko-ruskei beshedy*. Rusky Kerestur. Rusky Kerestur: Ruske narodne prosvytne družtvo. (Cyrillic)
- Kostel'nik, H. (1922a). Dze spada naša bešeda? *Ruski kalendar 1922*. Ruski Kerestur: Ruske narodne prosvitne družtvo, 96–102. (Cyrillic)
- Magochii, P. (1994). *Formuvannia natsionalnoi samosvidomosti: Pidkarpatska Rus (1848–1948)*. Uzhhorod. (Cyrillic)
- Marčoková, D.: Slovensko–rusínske kultúrne styky v období medzi dvoma vojnami. In: *Ruthenian Studies*.
- Molnar, M. (1965). *Slovaky i ukrainsi*. Priashiv. (Cyrillic)
- Pastrnek, F. Rusíni jazyka slovenského. Odpoved Panu Vlad. Hnatjukovi, Staty po slavianovedeniiu II, 60–78.
- Plišková, A. (2007). *Rusínsky jazyk na Slovensku: náčrt vývoja a súčasné problem*. Prešov: Metodicko-pedagogické centrum v Prešove.
- Ramač, J. (2007). *Rusnaci u Južej Uhorskej (1745–1918)*. Novi Sad.
- Ramač, J. (2016a). Priloh viučovanju kulturnih kontaktoh Rusnacoh i Slovacoh u Juhoslaviji medzi dvoma švetovima vojnami. U: Ramač, J. (2016). *Na križnej drahi*. Novi Sad: Ruske slovo, 184–205. (Cyrillic)
- Ramač, J. (2016b). Priloh istoriji školstva Rusnacoh u Juhoslavji u periodze medzi dvoma švetovima vojnami. U: Ramač, J. (2016). *Na križnej drahi*. Novi Sad: Ruske slovo: 87–108. (Cyrillic)
- Sobolovskiy, A. (1898). Ne russkye, a slovaky. *Этнографическое обозрение*, № 4, Moskva. (Cyrillic)
- Verkhratskiy, I. (1889, 1901) *Znadoby do piznannia uhorsko-ruskykh hovoriv*. Zapysky Naukovoho tovarystva im. Shevchenka, t. XXVII–XXX, XL, XLIV, XLV, Lviv. (Cyrillic)
- Verkhratskiy, I. (1902). *Pro hovir halytskykh lemktiv*, Zbirnyk filolohichnoi sektsii Naukovoho tovarystva im. Shevchenka, t. 5, Lviv. (Cyrillic)

ДОМ У ТВОРЧОСЦИ МИХАЙЛА КОВАЧА**1

У тей работи анализуеме значене завичаю у його найузішим значеню у рамикох Ковачово миту, а то значене хижи односно дома. Дом єдини простор щесца у Ковачових ділох и представя космогонийни символ. Понеже Ковач свой мит вибудовал на основи матрици Шевченкового авторского миту України, будзе приказане же и при Ковачови мож препознац значене дома таке яке присутне и при Шевченкови. Тиж так, представи ше и хижа як сакрални простор, хаснуюци толкованє сакралного простору яке дава Мирча Елияде, але и хижа як космична оса коло хторей ше шири швет у Ковачових ділох.

Ключни слова: Михайло Ковач, сакралне, профане, микрокосмос, Тарас Шевченко

Михайло Ковач (1909–2005) визначни руски писатель и єден спомедзи гевтих писательох хтори були ангажовани коло Руского народного просвітного дружтва². Ковач у веліх интервьюох за рижни часописи и новини, як и у своїх дньовнікох, гуторел и писал о тим хтори писателе уплївовали на його творчосц. Юлиан Тамаш у кнїжки *Євангелиста Михайло Ковач* (Тамаш, 2009) пише о тим же на Ковача значни уплїви Библиї, Гоголя, сербских и горватских писательох, але же за руску литературу найзначнейши уплїви класикох українскей литератури. Тамаш у тей монографії гвари же, кед би ше уплїви на

* anarsimunovic@ff.uns.ac.rs

** Тота работа настала як часц вигледованя у рамикох виробку докторскей дисертациї под назву „Мит завичаю у творчосци Михайла Ковача у контексту рецепциї українскей литератури” и под менторством проф. др Людмили Попович на Филозофским факултету у Новим Садзе.

¹ Робота часц проєкта *Дискурси меншинских язикох, литературох и културох у югословачкей и штрелдней Европи* (178017) хтори финансиє Министерство просвити, науки и технологийного розвою Републики Сербії.

² „Указало ше же писательом зоз шорох РНПД припада векша часц заслугох за конституованє литератури и литературного живота Руснацох Югославїї (Г. Костельник, Я. Фейса, О. Костелник, М. Буїла, С. Саламон, М. Надь, М. Ковач, Є. Солонар)” (Тамаш, 1997: 72).

Ковача посклало шором, такой за Библию би бул Шевченко (Таташ, 2009: 180–189). Тамаш ище гвари же митотворносц природы у Шевченковой поезиї, на хтору указал сучасни україниста Григорий Грабович, функционална и при Ковачови. Таки попатрунок на вкупне Ковачово діло указало же го можеме дефиновац як авторски мит завичаю. Основа на хторей Ковач будовал своєю діло – матрица Шевченкового авторского миту завичаю, та так як цо ані у Шевченковим ділу Україна не представя конкретне место або територію, але способ иснованя³, так и при Ковачови завичай комплекснейше поняце. Завичай при Ковачови источашне означуе завичай у узшим и ширшим смислу, так же ше руша од хижи, з дому, хтори представя єдини простор щесца у Ковачових ділох и источашне представя космогонийни символ, преїг валала у хторим ше дом находзи, але не було хторого валала, але валала у хторим у векшим чишле и організовано жию Руснаци, по историйни завичай, односно Україну, одкадз ше Руснаци приселели до того валалу и одкадз ноша свой язык, виру и традицию.

У тей роботы будзе анализовани лем завичай у найушшим значеню у рамикох Ковачового мита завичаю, у значеню дома як микрокосмосу, т. є. космогонийного символу, хижи у хторей ше народзую Ковачово подоби и зоз хторей за ніх почина швет. Мирча Елияде у кнїжки *Aspekti mita* (Zagreb, 2004) виучуе значене „живого мита”, важносц примитивних митологийох у архаичних дружтвох, а представел и мити о походзеню и космогонийни мити. Гоч Елияде виучовал мити при архаичних заєднїцох, указало ше же у Ковачових ділох присутни таки попатрунок на швет хтори барз подобни попатрунку на швет архаичних заєднїцох. У кнїжки *Свето и профано*, Елияде анализуе и представя цо припада сакралному, святому простору, а цо профаному и указуе як символ одкрива святе⁴. През одкриване значеня символа дома односно хижи у Ковачовим ділу, будзе указане як хижа представя сакрални простор у Ковачовим миту завичаю. На прикладах зоз Ковачовой поезиї, у хторих ше хижа поровнуе зоз женским целом, укаже ше як символ хижи будовани у рамикох митского розуменя и же хижа простор хтори вибудовани на опозициї сакралне - профане. Ліляна Пешикан-Люштанович у студиї *Žensko telo kao prostor u usmenoj obrednoj lirici* (Sarajevo, 2016) на подобни способ анализуе женске цело як простор. За тоту роботу ище

³ „Шевченкова Україна иснуе у митологийним, а не у историйним континууму” (Грабович, 1991: 158).

⁴ Elijade, M. (2003). *Sveto i profano*. Sremski Karlovci, Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića. (Cyrillic)

була значна робота *Структура та семантика словообразу хати* Олександра Бороня (Київ, 2015) у хторей автор аналізує слику хижі у творчосці Тараса Шевченка. То окреме важне, бо Ковач свой мит завичаю вибудовал на основи Шевченкової матрици авторського миту України, та и при Ковачови мож препознац значеня хижі хтори присутни при Шевченкови.

Пісня *Наша хижочка*, хтора ше дакеди зявює под насловом *Хижочко стара*, єдна з найпознатших Ковачових пісньох, хтору ше часто шпива як народну. Наводзим цалу пісню:

Хижочко стара, худобко наша,
ти нам на билим шведе найкрасша.
Ти нам найкрасша, хижко билена,
а добра така як мац роджена.
Кед яр пахняца до нас завіта,
кед коло тебе овоц розквіта,
та думам, хижко моя схилена,
же ши зоз раю на жем спущена.
А кед, заш, вжиме витри завию,
стреху щарнєту з шнігом закрию,
теди як квочка шицких нас збераш,
цепли криделка на нас пресцєраш (Ковач, 1990: 5).

През стихи „та думам, хижко моя схилена, же ши зоз раю на жем спущена” мож препознац космогонийни мит, хтори бешедує о наставаню швета такого яки є. Окрем того, мит гутори и о тим як швет установени як стварносц през святе (Elijade, 2003). Же хижка представя сакрални простор видно зоз уж наведзеного стиху, дзе ше гутори же хижка зоз раю на жем спущена. Треба обрациц увагу на того же хижка з раю спущена на жем, а жем барз важни елемент завичаю у Ковачовим миту. Ковач у тей піснї поровнує хижу з мацеру, а архетипу мацери треба пошвениц окремну студию. Хижка описана як найкрасши простор хтори гу тому ище дава и сигурносц, а поровнує ше ю з мацеру. Хижу ше поровнує и зоз квоку хтора коло себе збера курчата и зоз своїм целом, зоз своїма кридлами шици своїо дзеци од шицкого од чого ше тоти дзеци боя. Зоз шлідуючих прикладох ше увидзи як ше поет непрерывно жада врациц до своей хижі, то єдине место хторе му дава сигурносц. Лем ту ше вон чувствує шлебно, як на мацєрових руках хтори го притулюю гу себе. Намага ше же би ше врацєл до утробі хижі так як до мацєрової утробі. „Психологове твердза же человек вше смуткує за мацєрову утробу, а велї религий, медзи нїма и наша, сную ше на сну о врацаню до раю першобутносци” (Elijade, 2003: 48–49). З того можеме заключиц о вичним поетовим стану духа, односно же ше

вон вшадзи чувствує несигурно и же ше прето непрерывно жада врациц до хижи у хторей ше чувствує сигурно як у мацеровой утробы.

У Ковачовой кніжки *Писні Діда Заградара* писні подзелени тематски по поглавйох по тим шоре: *Дом, Школа, Валал и город, Дружтво и Природа*. Мож повесц же по тим шоре дзецко упознава швет, та же ше дом находзи у центру його швета. У поглавю *Дом* находза ше писні хтори у фокусу маю дзецко и його одношенє гу дому, а мож заключиц же таке одношенє гу дому як микрокосмосу Ковач сце вибудовац при своїх читательох. Писні *Мой дом* и *Наша хижа* даваю идиличну слику дома. Дом як сигурне место хторе щизи од жими, дижджу, а окремо того, у доме ше находза и родичи, цо тиж єдна файта сигурносци. Приклади:

Мой дом там долу,
над домом хмари.
У доме мойо
родичи стари. . .
Най страша хмари,
най гирми гром,
родичох и мне
чува наш дом.
1952 (Коваџ, 1979: 7)

У Ковачовим миту хижа представя космичну осу коло хторей ше шири швет. Елияде гвари же ше „наш швет” вше находзи у штредку швета, а же „вше слово о єдним совершеним Космосу, без огляду яке пространство вон облапя” (Elijade, 2003: 91). И зоз наведзеной писні *Мой дом*, як и зоз шлїдуючих прикладах, мож видзиц же хижа представя совершени Космос, вона вше представена идилично, але и як простор хтори обезпечує сигурносц своїм бивательом. У стихох „родичох и мне чува наш дом” видзимо же поет дава дому моц же би чувал микрокосмос хтори ше находзи у нїм, од шицкогo гевтого цо ше находзи звонка дому.

Поведли бизме же ше нарузе таке заключене: человек премодерних дружтвох ше намага жиц цо блїжей гу Центру Швета. Вон зна же ше його оцовщина находзи у штредку Жеми ... за людски перебувалїща ше трима же ше вони наисце находза у Центру Швета и же вони, на микрокосмичним плану, пресликовюю Универзум (Elijade, 2003: 92).

Окрем того, Елияде гвари же ше коло тей космичней оси шири Швет, а кед ше здогаднемо по яким шоре поскладани поглавля у Ковачовой кніжки *Писні Діда Заградара* (*Дом, Школа, Валал и город*,

Дружтво и Природа), вец и зоз того мож потвердиц же ше дом наисце находзи у штрעדку Швета и же ше Швет праве шири од хижи, хтора представя космичну осу у Ковачовим миту. „Гоч якей димензії простор зоз хторим ше чловек зродзел – жем, город, валал, хижа – чловек традицийних дружтвох чувствує потребу же би непрерывно перебувал у єдним швеце хтори подполни и організовани, у Космосу” (Elijade, 2003: 92).

У писні *Наша хижа* идеалізована слика хижи, а чувствує ше и моцне емотивне одношенє гу ней.

Там у доліни хижка нам стої,
сцисла ше, мала, як да ше бої.
И гоч там вона велі уж часи,
ніч не страцела давней зоз краси.
Дижджи ешенєски ю умиваю,
витри ей жимски писні шпиваю,
весна зоз квецом ю оквецує,
лето ей дари з поля зношує.
Нука у хижи мойо биваю,
вонка на ней голуби гуркаю.
Коло ней драга длуга преходзи,
дзеци до швета, до людзох водзи.
1949 (Kovač, 1979: 8)

Поета ше гу хижи одноши як гу особи, вон хижи бешедує. Хижа наволана хижочка, а то гипокористик, цо, з емотивного боку означує чувство блізкосци. Хижочки поета гутори „худобко наша”, цо шведочи о материялним стану людзох хтори у тей хижи биваю, а Руснаци о хторих найчастейше Ковач пише, праве худобни селяне. Хижку поровнує з мацеру, так як и у уж анализованей писні *Наша хижочка*. Юлиян Тамаш у кніжки *Євангелиста Михайло Ковач*, на основи Ковачового тексту *О себе* (Dijasroga, 1992), одкрива о хторей писні поет пише у *Нашей хижочки*. То хижа з його дзєцинства: „Тєраз и у Андриєвцох зме жєдлярєли, а мнє у памєтаню остали шицки три хижи у хторих зме бивали. Гєвта перша наша, вєц на концє валал и якєйшик Подружници и на остатку у малєй старєй хижочки хтора ми у памєтаню остала як „Ємєйдийова” (Kovač, 1992: 386). Ковач запамєтал жє у дзєцинствє нє жили у своєй хижи и жє тота хижа була мала и стара, праве таку як ю описує у писні *Наша хижочка*. У писні *Наша хижа* видно жє тота хижа стої у доліни и жє ше „сцисла як да ше бої”. Окрєм у тих, и у других Ковачових писньох хижи хтори описує часто ше находза у доліни, на окраїску, дзєшка долу, цо тиж мож повязац зоз хижамы у яких жил як дзєцко худобних родичох. Тоти хижи були мали, стари, алє заш лєм представяю цєнтер швета.

Мотив старей хижочки як простор щесца зявюе ше у вецей Ковачових писньох, писаних за дзеци, але зоз свою символичну и психологийну глібину вон збера до себе не лем векшину стереотипох цо их Руснаци виками о себе пестую (худобни и побожни а источасно щешліви) превозиходзи свою першобутну наменку (Таташ, 2009: 99).

Ковач, значи, хижу хтору описал у піснї *Наша хижочка*, описал так як запаметал свою хижу з дзецинства. Олександр Боронь гвари же за формоване слики хижы у Шевченковим ділу барз важна хвилька же тота слика ма свойо коренї у родней хижы Тараса Шевченка, а тоты описи потвердзени и з документами и на єдней з його сликох (Воронї, 2015: 29). Видземе же и при Ковачови, так як при Шевченкови, на формоване слики хижы вельки уплїв мала праве хижа у хторей виресли тоты писателе, хижа яку паметаю з часох дзецинства. Боронь у спомнутей роботы пише же таки хижы яки Шевченко описуе у своєї поезії було барз вельо у Наддніпровщини, а тото ше тиж так одноши и на опис хижох хтори Ковач дава у своїх ділох, з тим же хижы хтори Ковач описуе, праве таки хижы у яких жили велї Руснаци. Окрем того, Боронь гвари же ше символика хижы при Шевченкови снуе на опозицийох сакралне/профане и свойо/чужде. „Своя” (моя) хижа постава при Шевченкови место домашнього миру, фамелийней гармонії, а то генетично повязане зоз значеньом хижы у народней традиції, з тим же ше ту значене трансформуе до общейшого – означуе микрокосмос” (Воронї, 2015: 30). „Лем у своєї хижы поет ше чувствуе шлебодно у одкриваню емоцийох, дошлебодзуе себе же би бул максимално отворени, у „моєй хижы” тирва интимни диялог зоз самим собу” (Воронї, 2015: 31).

Зоз наведзених прикладах зоз Ковачовой поезії видно же и при ньому хижа ма таке значене як и при Шевченкови, а же хижа простор хтори дава наймоцнейше чувство сигурносци, а ведно зоз тим и шлебоди, шведоча шлїдуюци приклади зоз писньох *Кошава*, *Єшень*, *єшень*, *Моєй піснї* и *Шидина*.

Цепла хижочка
и периночка
од кошави гнівацей
дзеци чувала. (Ковач, 1979: 162)

Пісня *Єшень*, *єшень* дава подобну слику:

Кед загвизда жимни витор,
хижни дзвери завру людзе,
а у хижох тепло, мило

и привитно людзом будзе. (Ковач, 1979: 169)

Видзимо же хіжа представлена як простор у хторим превладуе чувство цеплоти, сигурносці, наспрам витру і жими хтори вонка, з другога боку хижних дзверох, а мож обачиц і же у хижох хтори Ковач описуе, вше превладуе гармония, хтору можеме наволац Космос, а звонка вше грожи даяка опасносц, хтору можеме наволац Гаос.

За традыцыйні дружтва характэрыстычна опозицыя хтору тоті дружтва подрозумую медзі тэрыторыю на хторей жию і непознатим і неадрэзэным простором хтори ю окружуе: тота перша „Швет” (точнейше: „наш швет”), Космос; друга тэрыторыя вецей не Космос, але една фэйта „другога швета”, странскі гаотычны простор (Elijade, 2003: 81–82)

Дзвери і праг на хіжы прадставяю гранічны простор, а Еліяде толкуе же на цэрквох дзвери азначую претарговане контынуітэту, а праг место на хторим ше адвіва преход зоз сакралнаго до профанаго швета. „Аналогічна рытуальна улога додзелена прагу людскаго перебуваліща і прето вон ма таке значенне” (Elijade, 2003: 78).

И у *Моёй пісні* Ковач своёй пісні гутори так:

Будз ми як куцык у доме старим
кед вонка громи небо валяю. (Ковач, 1964: 108)

З того тиж видзимо же дом дава сигурносц док вонка буря. Буря може азначовац і шпіцко гевто цо бі на гоч які спосаб могло загрожыц сигурносц і совършенство мікراكосмосу, а зоз шпіцкых наведзэных прыкладах, же праве зоз уходом до хіжы, значы зоз преходзэньом хыжнаго прагу і завараньом дзверох за собу, як кед бі ше уходзело до сакралнаго простору, простору хтори дава мір і сигурносц, наспрам Гаосу хтори ше находзі звонка хіжы.

У пісні *Загадка* паэта паровнуе хіжу зоз бабу, зоз чым ше указуе акремне адношене гу бабі і ёй улогі у виховйованьу дзецых, а баба у Ковачовым ділох, акремне у літэратуры за дзеці, ма акремне міле адношене зоз своіма унучатмі:

Знам таку бабу цо ма тры ока,
а главу трыма дакус до бока.
У шывых власох уха чэrvені,
а косці бабі стары – дрэвены.
Шэрцо бабово драгше од злата,
гоч ё справене з – жовтаго блата.

Тота бабочка: наша хижочка.
 А три облачки, то тоті очка.
 З двома оками патри до шора.
 а зоз тим трецим патри до двора.
 Стреха хижочки – то шиви власи,
 комини – уха, глави прикраси.
 А шерцо драге, драгше од злата,
 то пец наш били справени зоз блата.
 1940 (Kovač, 1979: 9)

Ліляна Пешикан-Люштанович аналізувала женске цело як простор у усней обрядней лирики, з чого видзимо же космогонийни мотив цела насамперед припада архаичней поезії и фолклору. Без огляду на то, на подобни способ женске цело представене праве у спомнутей Ковачовей писні, та прето можемо поцагнуц паралелу медзи вигледованьом Ліляни Пешикан-Люштанович и писню *Загадка*.

„Зоз тим гіперболизованим целом наглашує ше значене жени и указує ше на ей дороснутосц улоги хтору окончує у обряді. Тото вельке цело може буц простор у хторим ше дорушую и повязую тот и гевтот швет” (Pešikan-Ljuštanović, 2016: 98). Отвор на верху – комин, бул би отвор преїг хторого ше витворює контакт з гевтим шветом. У писні *Загадка* комин представени як бабово уха, цо на символічним уровню мож розумиц як уха преїг хторих баба слуха цо ше ей поручує з гевтого швета. Опатримо и яке значене ма комин у Ковачовим ділу, понеже пец директно повязани з комином, а пец представя бабово шерцо.

На прикладі писні *Загадка* у хторей гіперболизоване цело баби, указане же яка значна ей улога у дружтве хторе Ковач описує, а шерцо бабово представене як пец. У писні *Дзиви гуски* ше спомина руски пец як место коло хторого ше збераю члени фамелії, а пец у руским обисцу мал важне место:

У хижи цепо. Гори лампочка.
 под пецом з дзеци шедзи бабочка
 и приповеда тром паром очох
 о дзивих дзивкох длугих варґочох,
 о густих лесох, царох преславних,
 о бабох, дідох тих стародавних...
 1940 (Kovač, 1979: 184)

З того прикладі тиж видно же дом представени як микрокосмос. Окрем того, и у тей писні важне место у хижи представя праве пец коло хторого позберани баба и унучата. Баба дзецом приповеда о прешлосци, о часох скорей як ше Руснаци приселели з

Горніци, а завичай у ширшим значеню у Ковачовим миту означує праве оцовщину, Україну. Толкованє хторе дава Мирча Елияде о миту о вичним врацаню мож применіц на Ковачово діло, у хторим непрерывно маме врацанє до родней хижи, з єдного боку, и до України, односно до своєй оцовщини з другого боку. У наведзеней писні баба приповеда унучатом о прешлосци, вона их упознава зоз животом своіх предкох, а мит учи людзох же треба жиц так же ше роби исте гевто цо робели предки у примордиялним чаше. Цо ше дотика отримованя національного идентитета, за Руснацох би то значело спатранє на предкох хтори бешедовали на своїм язiku и преношели културу и традицию з генерациї на генерацию. Праве ту сцигуєме по толкованє прецо пец бул таки важни у руским обисцу, бо праве вон представлял место коло хторого дзеци од старших членох своєй фамелиї починали упивац мацерински язик и здобувац национални идентитет. Кед Ковач спомина пец, видзимо же коло нього вше позберана фамелия, а найчастейше ту и баба и дідо и унучата. Зоз шлїдуючих прикладох увидзи ше же хижа хтору Ковач описує у своіх ділох, така яки були велї руски обисца. При Шевченкови тиж така ситуація, т. є. и при ньому, як гвари Боронь, основа на хторей Шевченко похопйовал дом, окрем памятокх зоз родней хижи, праве традиційне українске обисце, народни вереня и обряди (Воронї, 2015: 39).

У старим руским обисцу знало ше яки розпорядок просторийох и їх функция. Руске обисце детально, з описом, рисунками и фотографиями описала Олена Папуга у кнїжки *Руске обисце* (Папуга 2009).

Старе руске обисце було составене зоз трох просторийох у хторих ше бивало. Перши руски хижи такв. *шлєти хижи* могли мац лем два просторїї – предню хижу и приклет. У предней хижи ше спало, єдло, ткало, ту перебувала фамилия по цали дзень. У приклеце ше варело (Папуга, 2009: 10).

Предня хижа була простория у хторей ше зберала фамелия, та можеме повесц же праве за предню хижу вязане прилапйованє и пестованє мацеринского язика и національного идентитета. Ковач у своіх ділох шведочи о єдним часу и способу живота Руснацох у чаше кед векшина Руснацох жила у такей хижи яку описує Папугова, а Ковач тоту хижу и способ живота литераризує у своіх ділох.

Цо ше дотика ситуацийох у хторих представене чувство хторе дава дом, превладує ешеньски и жимски час, а влєце и вярї, окреме у Ковачовей литератури за дзеци, акцент положени на одношенє дзєцка зоз природу и домашніма животиняма. Мож заключиц же Ковач у своіх ділох наисце описує правдиви живот

Руснацох – парастох на валале, хтори у самим доме найвецей перебували вжине, а влесе и на яр їх діялносц вязана за польо. Юлиян Тамаш гвари же Михайло Ковач позна душу Руснака на валале⁵ Тото исте препознал и Силвестер Саламон, Ковачов сучаснік, поета и литературни критичар:

Жадаце дацо нашо, специялно нашо, руске, народне? Цошка у чим кажди дих будзеце чувствовац як свой? Сцеце Руснака у його живоце, з добрима и подлима странами, з ліцом и спаком? Сцеце го видзиц у своїх обичайох и характеристикох: Ниа, тото найдзеце у литературних роботох, продуктох п. Ковача. Пред очми му народ, слово вжате у найбуквалнейшим смислу (Salamon, 2009:71).

Саламон ище гвари же Ковач пише о Руснакови у дзецинстве, младосци и позних дньох.

Опатримо як тото цо характеристичне за Руснацох, а одноши ше на руске обисце, описане у Ковачовим ділу. У Ковачовой творчосци мож обачиц же кед описує обисце знука, часто наводзи часци хижи, односно просторії хтори характеристични за руске обисце, а тоти описи таки як цо описала и Олена Папуга. Ковач спомина приклет, задню хижу, предню хижу, коморку, (руски) пец. итд. У писні *Кошава* зявює ше таки опис:

Вечар кошава
з дзверми лупкала,
до приклета ше хпала
...
Цепла хижочка
и периночка
од кошави гнівацей
дзеци чувала.
1964 (Ковач, 1979: 162)

Кед знаме яки бул розпорядок просторийох у руским обисцу, вец и на основи наведзеного прикладу мож заключиц же Ковач у тей писні дал реалну слику обисца, бо приклет не бул простория за спане, але ше з нього уходзело до хижи у хторей ше спало и хтора, праве пре таки розпорядок, була захищена од витру. Писня *Слунко, хмара и ми дзеци* тиж дава опис руского обисца:

⁵ „винїмкови познаватель способу живота и психології руского жительство, першенствено медзи двома войнами, тематично рижнородни до мири хтора ше приближує гу универзалносци бо залапує шицки форми живота (Тамаш, 1997: 117).”

Хижа у штрעדку сримского горбатого валала –
така як шицки нашо руски обисца:
з вапном обилена, на доганово обцагнута,
не барз велька, ані не такой-така мала.
Зоз ней, як дзеци, я и брат мой младши, весели,
през облак патрели (Коваč, 1964: 70).

З того прикладу видзие же велі руски хижи випатрали праве так як су у тей писні описани, а ище раз наиходзие на приклад у хторим дзеци праве зоз свойого дому починаю упознавац швет и же им праве тот дом представля центер швета. Опис предней хижи находзие у писні *Чи зайдзе слунко*:

Посцель висока у предней хижи,
а на ней била перинка зос смужками,
били заглавки, плахитка и ліцо Марії
зоз двома чарнима бліщацима тарками (Коваč, 1964: 78)

Кед тот опис поровнаме зоз описом предней хижи, хтори дава Олена Папуга, вец ище раз можеме заключиц же Ковач у своїх ділох шведочи о дакедишнім живоце Руснацох.

Посцелі стали у чоле коло бочних мурых, т. є. при муре од сушеда и од двора. У чоле медзи посцелями стала лавка, а опрез ней стол. З лівого боку стал пец, а з правого боку лада и орман. У предней хижи не мушел буц пец. Мури, повала и пец були обилени на било. На мурых були повишани образи (Раруга, 2009: 10–11).

Образ на муре бул обовязна часц предней хижи, а так шведочи и Ковач у своей писні. То указує о значносци вири при Руснацох, та так у описаней слики маме ситуацию у хторей дзивка хора, але над ню ше находзи Мария на образу, як символ молитви хтора ю виздрави.

Горе уж поведзене же Ковач у своих ділох спомина пец, та опатрime як О. Папуга описує пец:

Ані одну руску хижу ше не могло задумац без пеца. Прето тот пец и наволани *руски пец*, а тота назва ше затримала по нешка. Пец служел за зогриванє, за печене хлеба и варене едлох. Состоял ше з вецей часцох, а каждая з ніх служела за дацо... на патки ше шедзело коло пеца (Раруга, 2009: 21).

Окрем же мал функцию зогриваня хижи и места на хторим ше вари, пец у руским обисцу мал и функцию места коло хторого ше зберала фамелия, та можеме повесц же ше коло пеца починало будовац

чутство націоналней припадносци, як уж поведзене. Ковач почал писац у периодзе кед руска литература була у функції національного вреднованя и забави, та у його ділох мож препознац и єдну и другу функцію. Нас у тей роботі интересує функция національного вреднованя. У рамикох функції національного вреднованя находзи ше и мацерински язык, хтори ше упива праве дома и преноши ше знука фамелиї. Ковач любов гу мацеринскому языку и освидомйоване о його важносци пестує у даєдних писньох за дзеци хтори ше находза у поглавю *Дом* у кнїжки *Писні Діда Заградара*. Писня *Дідово унуки* описує діда хтори чека лето же би до нього пришли унучата, а за унука Ивана так гутори:

Вон як вельки дума
и розсудзує,
вон ше дзецом гевтим чудує
цо мацеринске слово забуваю,
тим цо ше учиц бешеду свою,
дідовску, одмагаю.
...
Ша то и жвиринки у лесох,
и птици у гаю,
кажди свою мацеринску бешеду
уча и знаю.
А мойо унуки – хвалі ше дідо –
гоч ширцом по тей нашей красней жеми биваю,
шицки свою мацеринску бешеду
любя и знаю. (Коваč, 1979: 19)

И у писні *Мацерово слово* Ковач поручує дзецом же важне знац, але и чувац мацерински язык:

ми мацери нашо любиме
и пре слово,
слово мацерово,
мацери нашо не забудземе (Коваč, 1979: 31).

О тим яки мацерински язык важни за нього, як писателя, Ковач гутори у писні *Бешедо моя*:

Бешедо моя худобенка, непризната,
худобна як цо були худобни оцове нашо
цо це як жренко ока свойого чували
док по степи тей безкрайней за хлебом блукали...
За тебе ше нешка унуки унукох питаю
же кому служиш, прецо постоїш,

кед телї бешеди красни на швецце истную,
вельки бешеди, до хторих ше таки як ти,
як поточки до рикох улїваю...
...Увидзиш, бешедо моя мила старенька,
же ми ище вше вельо можеме:
шерцо цо нас родзело,
шерцо цо нас виховало,
шерца цо нас розумели,
шерца цо нас любели,
до ведна з любову повяжеме... (Ковач, 1979: 15).

З того прикладу видно же припадніки младшей генерації не ценя так мацерински язык їх родичи, баби и дїдове. Медзитим, у тей писнї ше чувство о значносци мацеринского языка преширює на припаднікох заєднїци хтора бешедує на тим языку, не остава ограничене лєм на особну значносц.

Пестоване чувства националней припадносци окреме наглашене у Ковачовой автобиографскей писнї *Грих*, у хторей описує свой живот од дзєцинства у худобстве, преїг одходу на школоване, у чаше кед думал же з образованьом яке достане постане пан и же го як пана гевти хторих вон за панох тримал буду тримац, по хвильку кед ше врацел до свойого обисца и ганьбел ше за своїх родичох парастох, и конечно, по хвильку кед зрозумел „же нїяки фини парфєми/не маю пах таки мили як пах родзєней жеми,/кед сом научел цо шицко родичи у живоце спознали/док своїм дзєцом криделка за летане дали, →я ше од родичох моїх,/од роду мойого,/не одцудзовал,/я мацер, оца, брата, род мой худобни,/ту шерцу мойому/голубел и притульовал” (Ковач, 1989: 99). Видзїме же хвилька хтора одредзела його дальше доживйоване дома и родичох – праве одход з дому, а то єдна з главних темох у Ковачових дїлох. Ковач у своїх дїлох барз часто описує одход младих з обисца, кед ше родичом видзи же млади не маю у себе чувство националней припадносци. Ковач указує же млади наисце не маю тото чувство, але то роби прето же би на таки способ национално освидомел своїх читачох. Же ше у доме упиваю народни обичаї, вира и традиция, шведочи писня *Велька ноц на малей Маковици*:

Дакеди, на дзєнь нешкайши,
у доме нашим,
писанки уж були виписани,
паска и сирец, за швецєне,
у кошарки плєценей,
уж були порихтани.
Оец, мац, я и брат
на тот шветочни час
несцерпєзлїво чекали

же би нас дзвони
церквочки шидянской
шветочно поволали (Ковач, 1989: 62).

Вишивани ручнік тиж представя часц традиції Руснацох:

Ручнічок на столе розквітнути
з кветами двобарвовима.
То квети садзени на ручнічку
з руками мацеринима..!
До цудзей цудзини кед далеко
ей дзеци пойду зоз Краю,
най голем квети з ручнічка
памятку на дом чуваю
1969 (Ковач, 1985: 61)

Одход дзецох з обисца барз важна тема при Ковачови, бо у ней видно як дом похопою родичи, а як млади. Ковач ма вельо приповедки на тоту тему, а мож повесц же праве круги приповедкох о гледаню лепшого живота и опозиції потомки – предки, обединюю у себе дом як центр швета, а праве тото можеме препознац у писні Шиви голуби:

Та най гоч думка дом мой нащиви,
мой дом стареньки, у старим краю,
бо думки, мамо, голуби шиви,
цо дом свой стари не охабяю
1969 (Ковач, 1985: 144).

На основи анализованих прикладох, мож заключиц же у Ковачовой поезії дом представя сакрални простор, бо є зоз раю спущени на жем. То єдини простор хтори поетови дава чувство сигурносци, та ше прето непрерывно жада до ньго врациц. Ковач поровнує хижу з мацеру, та врацанє до хижи мож поровнац зоз жажду за врацаньом до мацеровей утробы. Дом представя центр швета, космичну осу коло хторей ше шири швет. Так похопену хижу мож наволац Космос, наспрам Гаосу хтори ю окружує и хтори грожи ей гармонії и сигурносци. Елияде гвари же ше человек премодерних дружтвох намага жиц цо бліжей гу Центру Швета, цо мож препознац у поетовим споведаню у поезії, але и у таким похопйованю швета хторе Ковач сце формовац при своїх читачох. Так ше у його ділу справую припадніки старшей генерації, односно родичи, баби и дідове, хтори хижу доживюю як Центр Швета, хтори жию мит, вони хижу тримаю за сакрални простор. Млади, медзитим, хижу не доживюю так, вона за

ніх вещей не сакрални, але профани простор, бо страцела тото значене хторе присутне при їх родичох. Юлиан Тамаш, анализуючи писню *Хижочко стара*, гвари же Ковач похасновал принцип хтори присутни у веліх митологийох швета, а хтори ше одноши на птици хтори участвую у твореню швета, а праве у спомнутей писні, поет поровнуе хижу з квочку хтора гу себе притулюе своєю дзеци. „Така *Хижочка стара* вещей не старее, вона тирва покля ми тирваме” (Тамаш, 2009: 100). Кед Ковачову хижу похопиме як Центр Швета и як сакрални простор у Ковачовим миту завичаю, Тамашово твердзене о тим же хижка *Хижочка стара* будзе тирвац покля ми тирваме можеме преглібиц и повесц же вона будзе тирвац тельо кельо ю кажда идуца генерація будзе тримац за модел на основі хторого будзе будовац свой швет.

Ana Rimar Simunović

HOME IN KOVAČ LITERARY WORKS

Summary

Mihajlo Kovač has taken over matrix of authorized Ukrainian myth from Taras Shevčenko. That is the base on which he had build his own literary work and had created his own myth of homeland of Ruthenians. Hrihorij Hrabovič defined Shevčenko's Ukrainian myth and showed that in Shevčenko's poetry Ukraine didn't exist in historical continuity, but in mythological. That is the very similar way in which homeland is defined in Kovač's literary works. Homeland in Kovač's myth presents complex term. In the narrowest sens of the term, homeland presents birth house or home, that is the only one place in the world where Kovač's characters feel safe. Then, this term presents village in which this house is placed and where Ruthenians live organized. In the end, the term of homeland presentes historical homeland of Ruthenians – Ukraine. The aim of this paper is to present home as a microcosmos and as a cosmogonic symbol in Kovač's myth. Mirca Eliade definies difference between sacred space and profane space, and shows that sacred space has existential value for religious man. This paper shows that in the case of Kovač's myth of homeland, home is sacred place for characters who believe in this myth and who truly live it.

Key words: Mihajlo Kovač, home, sacred space, profane space, microcosmos, Taras Shevčenko

ЛИТЕРАТУРА

- Boronj, O. (2015). *Poet i joho proza, heneza, semantyka i recepcia Shevčenkovoї tvorčosti*. Kyjiv: Krytyka. (Cyrillic)
- Elijade, M. (2004). *Aspekti mita*. Zagreb: Demetra.

- Elijade, M. (2003). *Sveto i profano*. Sremski Karlovci, Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića. (Cyrillic)
- Hrabovych, H. (1991). *Shevchenko jak mifotvorec*. Kyjiv: Radianskyj pysmennyk. (Cyrillic)
- Papuga, O. (2009). *Ruske obisce*. Rijeka: Kulturne društvo Rusnacoeh i Ukrajincoeh „Rušnjak”. (Cyrillic)
- Pešikan-Ljuštanović, Lj. (2016). Žensko telo kao prostor u usmenoj obrednoj lirici. *Sarajevske sveske*, 49–50, 93–108.
- Salamon, S. (2009). Književni radovi Michajla Kovača. *Šidina*, 11, 71–73. (Cyrillic)
- Tamaš, J. (1997). *Istorija ruske literature*. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva. (Cyrillic)
- Tamaš, JU. (2009). *Jevanhelista Michajlo Kovač, studija*. Novi Sad: Ruske slovo. (Cyrillic)

ЖРИДЛА

- Kovač, M. (1964). *Moj svet*. Ruski Kerestur: Ruske slovo. (Cyrillic)
- Kovač, M. (1979). *Pisnji Djida Zahradara*. Ruski Kerestur: Ruske slovo. (Cyrillic)
- Kovač, M. (1985). *Švetla večarovo*. Novi Sad: Ruske slovo. (Cyrillic)
- Kovač, M. (1989). *Ja dub červotočni, pisnji*. Novi Sad: Ruske slovo. (Cyrillic)
- Kovač, M. (1990). *Hižočka stara, vibrani dzecinski pisnji*. Novi Sad: Ruske slovo. (Cyrillic)

ЧИТАЛЬНЯ НОВОСАДСКИХ РУСИНОХ (1931–1944)

Тота робота ше заніма зоз снованьом, діялносцу и статусом Читальні новосадских Русиных, організації хтора исновала од 1931. року и хтора под час Другей шветовой войны пробовала предлужиц свою культурно-просвитну діялносц.

Ключни слова: Читальня новосадских Русиных, КПСЮР/КНСЮР, Руснаци, Нови Сад, Друга шветова война.

Период медзи двома шветовима войнами ма окремну значносц за заедніцу бачванско-сримских Руснацох, медзи иншим и прето же теди розпочал їх організовани и обдумани культурно-просвитни живот. У тим чаще основани перши організації хтори дзбали о культурним живоце рускей заедніци на тих просторох. Так, после Руского народного просвитного дружтва (РНПД) основаного 1919. и йому блізкого Союзу руских школярох основаного 1927. року, отримана сновательна скупштина Читальні новосадских Русиных дня 6. децембра 1931. року.

По доступних податкох, слово о першей националней організації бачванско-сримских Руснацох локального характеру. Статут Читальні,¹ хтори нам доступни у форми прекладу зоз сербского на мадярски язык, а настал як пробоване руководства Читальні предлужиц ей діялносц и у периодзе мадярскей окупациі од 1941. по 1944. рок, не гутори вельо о діялносци и идеологийней ориєнтациі Читальні. Як циль здруженя представене зазбероване новосадских Русиных по культурней основи. Як активносци за витворйоване цилю наведзене сноване библиотеки и хора, концерти, організоване образовних преподаваньох и аматерских представох. Спрам членох 7. и 8. Статута, хтори медзи иншим бешедую и о политичней независносци Читальні, член того здруженя може буц кажди Русин без огляду на свою вирску лебо политичну ориєнтацию. Окрем того, важне указац и на остатню одредбу статута хтора гутори о маєтку Читальні у

* sabadossasa@ymail.com

¹ Историйни архив городу Нового Саду, Ф. 259, Городске поглаварство Шлебодного кральовского города Нового Саду, 42466/1941.

случаю гашеня. Ту наведзене же у случаю преставања работи здружєня, його маєток припада худобним дзецом новосадских Русинох. Одобрєне з боку Кральовскей банскей управи Дунайскей бановини статут достал 5. марца 1932. року. Подписніки того статута були др Милутин Губаш, Петро Поповицки и Петро Сендерак.² Тоти особи участвовали и у формованю и работи Културно-просвитного союзу югославянских Русинох (КПСЮР), хтори основани 3. септембра 1933. року у Старим Вербаше. У кратким звиту, началнік Кулского срезу зазначел же схадки присуствовали коло 150 нащивителе, же тоту организацию хтору предводза лікар др Милутин Губаш и бувши општински новтаруш Лаци (Владислав) Поляк потримує лєм меншина Руснацох, по оцени началніка, од дзешец по петнац проценти руского жительствова, и же плановане шедзиско новей организациї Коцур.³ Слово було о организациї прорусийскей и проправославней организациї директно процивставеней РНПД, у хторим доминовало грекокатолицке духовенство прихильне украинскей националней идеї. КПСЮР 4. юния 1935. року пременел мено и постал Културно-национални союз югославянских Русинох. У *Русским народним календаре Заря* за 1936. рок – виданю КНСЮР, Петро Д. Сендерак обявює текст под назву *Русини у Новим Садзе*, у хторим першенствено бешедує о діялносци Читальні новосадских Русинох. Сендерак гвари же Читальня секция КНСЮР, але и член Союзу културних дружтвох у Новим Садзе, хтори по Сендеракових словах зазберує понад 50 новосадски дружтва.⁴ У Архиве Войводини остала зачувана вимога Союзу културних дружтвох у Новим Садзе зоз 15. мая 1935. року з молбу же би Просвитне одделєне Кральовскей банскей управи Дунайскей бановини зоз свойого бюджету додзелело средства з розходах предвидзєних за народне просвищованє тром здружєньом медзи хторима и Читальня новосадских Русинох. Одвит на тоту вимогу не зачувани.⁵ Зачувани, медзитим, одвит Просвитного одделєня на

² Исте.

³ Архив Войводини, Ф. 126 - КБУ Дунайскей бановини - II одделєне, 13245/1933, Звит началніка кулского срезу КБУ Дунайскей бановини о конститутивней скупштини Културно-просвитного союзу югославянских Русинох, 6. септембер 1933.

⁴ П.Д. Сендерак, *Русини у Новим Саду, Руски народни календарь Заря на преступни рок 1936*, Нови Сад, 1936, 54.

⁵ АВ, Ф. 126 – КБУ Дунайскей бановини – IV одделєне, 22970/1935, Молба Союзу културних дружтвох у Новим Садзе Просвитному одделєню КБУ Дунайскей бановини же би ше додзелело средства Музичному дружтву за музичну школу “Баїч”, Матици Росийскей и Читальні новосадских Русинох, 16. май 1935.

одну другу молбу Читальні за финансовойну помощь. Так 16. юния 1937. року Читальні одобрена финансовойна помощь у суми од 3000 динари. Зачувана и Главна одлука Городского поглаварства Нови Сад зоз 31. марца 1941. року о виплацованю субвенції 44 здруженьом, медзи хторима и Читальня новосадских Русинох хторей додзелени 2000 динари.⁶

Початок Другей шветовой войны на территории Югославии 6. априла 1941. року привел до розпаду южнославянской держави. Територия Бачкей у хторей у тей хвильки жила векшина югославянских Руснацох нашла ше у мадырской окупационной зони, а Руснаци у Сриме постали часц жительствова новоформованей колаборационистской Независней Держави Горватской. Пре нови обставини пришло до прерви активней культурно-просвитней діялносци яка по 1941. исновала на тих просторох. Як гутори текст председателя РНПД Дюри Биндаса, обявени у *Великим сельско-господарским календаре* за 1942. рок, спомнуте дружтво престало исновац пре воени обставини и пробовало ше присединіц перше гу *Подкарпатскому обществу наук*, а потим гу *Организации католицкей младежи*.⁷ Податки о судьби КНСЮР не пренайдзени.

З другого боку, пренайдзени два предмети з Уряду городоначалніка Шлебодного кральовского городу Нового Саду, вязани за пробоване доставаня дошлебодзеня за роботу Читальні новосадских Русинох. Перше пробоване представлял допис руководства Читальні городскому председателству города, хтори подписали председатель Петро Поповицки и секретар Евгений Кочиш, обидвоме активни предвойново члени КНСЮР.⁸ Сам допис представя источашне и молбу за одобрене вимененого статута (вименки ше одноша насампредз на ускладзоване зоз законодавством мадырской держави) и молбу за суспендоване активносци Читальні покля би ше чежки животни обставини не пременели по законченю войны. Допис гутори о тим же Читальня ані пред войну не мала окреме вельку активносц и же остатня скупштина отримана 1936. року.⁹ Вименки статута не прилапени з боку городоначалніка хтори, по допису зоз 27. децембра

⁶ АВ, Ф. 126-IV, 23379/1937, Ришене Просвитного оддзеленя КБУ Дунайской бановини о додзельованю и виплацованю помощи Читальні новосадских Русинох, 16. юний 1937.

⁷ Дю. Биндас, *Слово председателя РНПД-а бачваньско-сримским русином*, Великий сельско-господарский календарь Подкарпатскогп общества наук на рокь 1942, Унгварь, 1942, 223-226.

⁸ Историйни архив Городу Нового Саду, Ф. 259, Городске поглаварство Шлебодного кральовского городу Нового Саду, 42466/1941.

⁹ Исте.

1941. року, зауважал же приява послата полиції, а не йому, хтори длужни дополнети статут прешлїдзиц кральовскому министрови нукашнїх дїлох,¹⁰ и врацени су на дальши вименки хтори мали буц закончени по 31. марец 1942. року. Приложени преклад статута (правилох) Читальнї зоз сербского на мадярски язык и його у прекладзе на руски язык ту и приложиме.¹¹

*ПРАВИЛА ЗДРУЖЕНЯ
Читальнї новосадских Русинох*

I

Назва, пецац и место

Член 1.

„Читальня новосадских Русинох“

Член 2.

Пецац Читальнї кружней форми и попри назви здруженя назначени рок снованя.

Член 3.

Шедзиско Читалнї Нови Сад..

Член 4.

Иснованє здруженя часово неограничене.

II

Цилї и средства

Член 5.

Циль здруженя зазберованє новосадских Русинох и то по културней основи.

Потребни средства за витворйованє цилю:

а) снованє библиотеки

б) снованє хора, концерти, организоване образовних преподаваньох и аматерских представох.

¹⁰ Исте.

¹¹ Исте.

Член 6.

Здруженє ше не може злучовац з нїяким подобним здруженьом на основи окремих правилох.

*III**Члени**Член 7. и 8.*

Понеже здруженє политично независне ей член може буц кажди Русин без огляду на своєю вирске лебо политичне прешвеченє.

Члени можу буц:

- а) порядни*
- б) снователє*
- в) почесни и*
- г) допольнююци.*

а) Порядни член може буц кажди Русин-мадярски державян без огляду на пол.

б) Член-снователь може буц кажда физична лебо правна особа хтора здруженю уплаци 50 пенги.

в) Почесни член може буц лєм гевтот хтори за здруженє ма окреми заслуги.

г) Допольнююци член може буц кажди Русин по 18 роки старосци без огляду на пол и други мадярски державяне без огляду на виру, народносц и старосц.

*Улоги**Член 9.*

а) Уписнина 50 филери за порядних и допольнююцих членох.

б) Членарина: за порядних членох 50 филери, за допольнююцих по 18 роки 20 филери, а понад 18 роки як и за порядних членох,

Членарина ше уплацує напредок.

*Маєток**Член 10.*

Потребни материялни жридла здруженє обезпечує:

- а) зоз зазберованьом членарини*
- б) преїг добродзечних донацийох*
- в) з организацию преподаваньох, аматерских и других приредбох,*

Преставанє членства

Член 11.

а) У случаю виходзєня з намиру, после окончованя превжатих обовязкох и уплацованя членарини здружєню за 3 мешащи.

б) По основи одлуки управного одбору, у случаю же зоз своїм справованьом чкодзел угляду здружєня.

в) по основи одлуки управного одбору, пре пожнєнє з уплацованьом членарини за 3 мешащи.

Обовязки членох

Член 12.

а) же би присуствовавал схадзком и зашеданьом здружєня, же би почитовавал правила и обовязки здружєня хтори видава председатель здружєня лебо його заменїк, управни одбор лебо скупштина.

Член 13.

Почесни члени не вязани з нїякими обовязками.

Права членох

Член 14.

Порядни член ма право:

а) участвовац на преподаваньох, схадзкох, зашеданьох и других приредбох здружєня.

б) присуствовац на схадзкох управного одбору, давац предкладаня управному одбору и рочней скупштини и окончовац йому зверени обовязки. Предкладаня заш лєм треба поднесц управному одбору и то найменей 5 днї пред отримованьом рочней скупштини.

в) хасновац библиотеку.

Права сновательох и почесних членох: участвовац на схадзкох здружєня, схадзкох управного одбору з правом даваня совиту и на скупштинаох з правом гласаня.

Права дополнююцих членох: участвовац на схадзкох здружєня, приредбох здружєня и хасновац библиотеку.

Дополнююци члени не маю право гласу.

IV

*Руководство здруження
Управни органи:**Член 15.*

- а) скупштина*
- б) управни одбор*

*Скупштина**Член 16.*

Скупштина ше дзелі на:

- а) порядну и*
- б) позарядову скупштину.*

Порядна рочна скупштина ше сходзи раз до рока и то у другим мешацу. Позарядову скупштину зволує управни одбор лебо 75% членох. Порядна скупштина ше зволує з писану поволанку 10 дні пред ей отримованьом з предвидзеним дньовим шором. Одлуки порядней скупштини правомоцни у случаю же було присутне 50% членох.

Цеком вименки правилох здруження лебо приношеня одлуки о преставаню работи здруження потребне двотрецинске членство.

У случаю же ше члени на скупштини не зьяв у потребним чишле, вецка скупштина будзе одложена за 8 дні без огляду на число присутних членох и їх одлуки буду правомоцни.

*Ділокруг рочней скупштини**Член 17.*

Рочна скупштина вибера:

- а) шейсцох членох управного одбору, трох заменікох и трох членох надпатраюцого одбору*
- б) одлучує о звиту о работи управного одбору и дава свою согласносц*
- в) составя план работи*
- г) приноси одлуку о предкладаньох поднєшених з боку управного одбору*
- г) одлучує о вименках правилох и о преставаню работи здруження. Одлуки, окрем тих цо ше одноша на вименку правилох и преставанє работи здруження, правомоцни кед присутна половка членох, а за одлуку о вименках правилох и преставанє работи здруження потребни гласи двох трецинох присутних членох.*

Состав управного одбору

Член 18.

Управни одбор ше состої зоз:

- 1. председателя*
- 2. подпредседателя*
- 3. секретара*
- 4. касира*
- 5. заменїка касира*
- 6. библиотекара*
- 7. трох заменїкох*

Состав надпатраюцого одбору

Член 19.

Надпатраюци одбор ше состої зоз трочленей рахунководственей контроли.

Член 20.

Управни одбор вибера скупштина зоз шора порядних членох и то на еден рок. У случаю же дахто зоз членох управного одбору цеком рока виступи, його место ше пополнює з едним заменїком по одлуки управного одбору. Схадзка управного одбору ше зволує по потреби, але є раз до мешаца обовязна. Схадзку зволує председатель лебо його заменїк ведно зоз секретаром више у писаней форми.

Ділокруг управного одбору

Член 21.

- а) Управни одбор водзи здруженє и його маєток,*
- б) зволує скупшину,*
- в) на скупштини дава звит о діялносци,*
- г) подноси скупштини своєю предкладаня и предкладаня членох пре приношенє одлуки,*
- г) реализує одлуки скупштини и*
- д) прима членох и менує почесних членох. Одлука управного одбора правомощна теди кед присутни председатель лебо його заменїк и 4 члени. Приношенє ше окончує з векшину гласох, але при истим чишле гласох одлучує председатель. Выбор поединих членох управного одбору ше окончує на скупштини з тайним, лебо на вимогу скупштини, з явним гласаньом. Исте ше одноши на выбор членох надпатраюцого одбору и выбор заменїкох. Вибрани тот хтори ма*

найвещей гласи. У случаю едного числа гласох вибор ше повторює двараз и кед же резултат останє исти, одлучує коцка.

Длужносци поєдиних членох управного одбору слідујоци:

Член 22.

а) Предсидатель представя здруженє пред органами и трецима особами, зволує скупштину, предшедує на схадзкох и зашеданьох, подписує зоз секретаром шицки сообщеня одбору и ведно з касиром шицки звити каси.

б) Подпредсидатель заменує предсидателя у шицких його діялносцох под час його одсуства.

в) Секретар окончує шицки писани роботи здруженя, водзи записнік на схадзки управного одбору и скупштине, подписує и составя рочни звит о діялносци здруженя.

г) Касир окончує шицки касирски діялносци здруженя, пребера улоги, окончує виплацованя и склада звит каси о мастним стану здруженя.

д) Заменік касира заменує касира у шицких його діялносцох.

е) Библиотекар водзи библиотеку, позжичує кніжки и евидентує новини.

є) Троме заменіки у резерви у случаю же ше упражні место даєдного зоз членох управного одбору.

Член 23.

Надпатраюци одбор ма право и длужносц надпатрац діялносц и мастни стан здруженя найменей двараз до рока, дава звити скупштине и предкалада розришенє управного одбору. У случаю препущеньох у діялносци управного одбору, надпатраюци одбор ма право зволац позарядову скупштину.

Преставанє роботи здруженя

Член 24.

а) На основи одлуки скупштине и

б) на основи одлуки власци.

Скупштина, хтора одлучує о преставаню роботи здруженя, у обидвох случаях вибера одбор за преставанє роботи. З преставаньом роботи здруженя його масток преходзи на худобни дзеци новосадских Русинох.

Тоти правила на сновательней скупштине после читаня едногласно прилапени.

Нови Сад, дня 6. XII 1931.

др Губаши Милутин в.р.

*Поповицки Петер в.р.
Сендерак Михаль в.р,*

*Кральовска банска управа Дунайскей Бановини
II число: 17977
5. марца 1932. року
Нови Сад*

*На основи члена 4. Закона о здруженьохм сходах и схадзкох од
18. септембра 1931. року и на основи овласценьох министра нукашинїх
дїлох ч. Д.З. 8470 од 13. октобра 1926. р, тоти правила одобрени.*

*в.р. подпис нечитки
заменїк бана*

*За точносц прекладу
Нови Сад, 17. X 1941,
в.р. подпис Кочиши Єне
секретар*

*в.р. подпис Поповицки Петер
председатель*

Треба зазначити же уж у прекладзе оригінальних правилох направени интервенції по хторих ше не споминаю органи бувших югославянских, але нових мадярских власцох.

Други предмет Уряду городоначалніка гутори о дворочних пробованьох доставаня согласносци на статут Читальні.¹² У предмету ше находзи и Записнік зоз скупштини того здруження отриманей 1. марца 1942. року, дзе окрема вименкох статута вибране и нове руководство у хторим медзи иншима були потерашні председатель Петро Поповицки, тєраз у функції секретара и нови председатель, адвокат Михайло Рамач, активиста РНПД и дакедишні председатель Союзу руских школярох. Обидва спомнути організації були противставени позиційом потєдишнього членства Читальні. Члени управного одбору були зазначени у табеларним списку зложеним 5. марца 1942. року:¹³

	Мєно	Профєсия	Мєсто народзєня	Датум народзєня	Виросповиданє
1.	Рамач Михаль	адвокат	Дюрдьов	10. VI 1906.	грекокатолик
2.	Лїкар	урядник	Керестур	7. II	грекокатолик

¹² ИАГНС, Ф. 259, 42082/1944.

¹³ Исте.

	Корнел	катастру		1899.	
3.	Поповицки Петер	нечитке ¹⁴	Дюрдьов	1. VI 1901,	грекокатолик
4.	Обровски Янош	нечитке	Нови Сад	22. VI 1885,	грекокатолик
5.	Сендерак Петер	щетка	Дюрдьов	4. III 1896.	грековосточни
6.	Береш Йожеф	тишлър	Нови Сад	15. III 1905.	грекокатолик
7.	Парошкаї Шандор	огньогашец	Нови Сад	24. I 1900.	грекокатолик
8.	Колесар Михаль	земледілец	Нови Сад	5. XI 1881.	грековосточни
9.	Кочиш Михаль	земледілец	Дюрдьов	28. VIII 1889.	грекокатолик
10.	Сивч Янош	ципелар	Господінци	21. I 1890.	грекокатолик
11.	Винаи Деметер Хромиш Петер	вожач трамваю карчмар	Дюрдьов Нови Сад	14. IX 1901. 8. VIII 1894.	грекокатолик грекокатолик
12.	Чизмар Єне	вожач трамваю	Дюрдьов	3. IX 1905.	грекокатолик
13.	Брундза Денеш	наднічар	Коцур	14. X 1905.	грекокатолик

Зачувана и заувага Новосадскей капетанії Мадярскей кральовскей полиції зоз 28. марца на члена Надпатраюцого одбору Петра Хромиша, хтори як член четніцкогo руху бул под надпатрунком полиції. На горе наведзеним списку мено и податки Петра Хромиша прекрижени и заменени з податкми о новому членови. По шицким судзаци, Статут и з новима вименками не бул прилапени. Зачувани вецей вимоги Читальні за дошлебодзене работи цеком 1943. и 1944. року, а остатні документ датовани з 14. юнийом 1944. року (у периодзе кед уж почала немецка окупация Мадярскей и кед менована дочасова влада Деме Стояя) у хторим городоначалнік ознова одбива Статут зоз обгрунтованьом же слово о преписаним статуту хтори бул уж одбити.¹⁵

Архивни документи и малочислени споминаня у обявених жридох по тераз представляю єдини шлїд о иснованю Читальні новосадских Русинок. Организация вязана за рух одупераня у рускей

¹⁴ Читке лем слово *tisztviselő*, цо малярски вираз за слово *уряднік*.

¹⁵ ИАГНС, Ф. 259, 42082/1944.

заєдніці доминантним идейом РНПД и ширеня идеї о єдинственим велькоруским народу православного виросповіданя, аж и зоз одредзену помоцу югославянскей держави не наишла на векшинску потримовку руского народу у южней Панонії. Числени пробованя предлужиц роботу Читальні под час окупації не були удатни. Мадярским власцом вшелїяк не одвитовало ані пасивне исноване організації блїзкей югославянским кральовским власцом. Тиж так, мотиви уключованя даєдних членох бувшого РНПД до руководства Читальні тиж не цалком ясни. Медзитим, можливе поставиц два гипотези: єдна вязана за юридичне искусство Михайла Рамача, хтори би могол ускладзиц нормативу читальні зоз мадярским законами, а друга би була идея о заєдніцким ділованю обидвох релевантних руских опцийох у чежким периодзе мадярскей окупації Нового Саду. История бачванско-сримских Руснацох у периодзе Другей шветовой войны вшелїяк недостаточно вигледана, окреме питаня культурно-просвитней діялносци, без огляду на єй тедишні огранїчени обсяг. Наздаваме ше же представена робота голем у малей мири допринеше одкриваню обставинох у хторих ше руски народ на тих просторох находзел у єдним з найчежших периодох у историй чловечества.

Saša Sabadoš

NOVI SAD RUTHENIAN READING ROOM (1931–1944)

Summary

This paper concerns the foundation, activities and status of The Novi Sad Ruthenian Reading Room, an organisation that had existed since 1931. and which during World War II had tried to continue with its cultural and enlightenment work.

Key words: Novi Sad Ruthenian Reading Room, KPSJR/KNSJR, Ruthenians, Novi Sad,

ЖРИДЛА И ЛИТЕРАТУРА

Непубликовани жридли

Arhiv Vojvodini, F. 126 – Kraljovska banska uprava Dunajskeje banovini (1929–1941).

Istorijni archiv Horodu Novoho Sadu, F. 259 - Horodske pohlarstvo Šljebodnoho kraljovskoho horoda Novoho Sadu (1941–1944)

Senderak, P, Rusini u Novim Sadu, Ruski narodni kalendarь Zarja na prestupni rok 1936, Novi Sad, 1936, 54.

Bindas, Du, Slovo predsedatelja RNPД-a bačvanjsko-srimskim rusinom, Velikij seljsko-hospodarskij kalendarь Podkarpatskoho obščestva naukь na rokь 1942, Ungvarь, 1942, 223–226.

УПУТСТВО ЗА ПРИРИХТОВАНЄ РУКОПИСА ЗА ДРУКОВАНЄ

Часопис Русинистични студії / Ruthenian Studies обявює оригінални науково, преглядни науково и фахово роботи зоз обласци филологийних, лингвистичних и дружтвених наук. Роботи хтори уж обявени або понукани за обявйованє у даєдней другей публікації не можу буц прилапени, так як ані гевти хтори не задоволюю науково критеріями. Кед робота була викладана на науковим сходу, або настала як резултат наукового проєкта, тот податок треба навесц у надпомнуцу на дну насловного бока тексту.

Автор длужни почитовац науково и етични принципи и правила под час пририхтованя роботи у складзе зоз медзинародними стандардами. Зоз придаваньом роботи автор гарантує же шицки податки у роботи точни, як гевти хтори ше одноша на вигледованє, так и библиографски податки и наводи зоз літератури. Пре рецензованє ше проверює чи у роботох нет елементи плагиату.

Часопис Русинистични студії / Ruthenian Studies обявює роботи наставнікох и сотруднікох Факултету як и з боку Редакції поволаних авторох зоз иноземства и других універзитетох зоз жеми. У *Русинистичних студийох* ше обявюю роботи найвецей трох коавторох. Кажде може понукнуц лем єдну роботу за обявйованє, без огляду чиє є єдини автор чи коавтор.

Придаванє рукописох

Роботи ше придаваю у електронскей форми у .doc или .docx формату на адресу ruthenianstudies@ff.uns.ac.rs. Рок за придаванє рукописох 31. май чечуцого року.

Рецензованє

Поступок рецензованя анонимни у обидвох напрямох, прето авторе муша вихабиц шицки інформації зоз тексту, одн. файлу на основи хторих би могли буц идентификовани, и то на шлїдуюци способи:

- а) з анонимизацию референцох хтори ше находза у тексту и хтори авторово,
- б) з анонимизацию референцох у библиографії,
- в) з уважним менованьом файлох, так же би ше не видзел автор (нпр. File > Check for Issues > Inspect Document > Document Properties and Personal Information > Inspect > Remove All > Close).

Роботи рецензую двома кваліфікованими рецензентами.

Думане анонімного рецензента і текст роботи зокрема надіслані автору ще би вон у цеку 14 днів окончел глядани премоенки у роботи. Кед же рецензент утвердзи же робота не согласна зок правописом и же ма граматични и стилски гришки, автори ще враца робота на лектуру. Автор одвитує за правописну и стилску коректносць текста. Ревидована верзия роботи ще посила рецензентови на увид, та ще вон вияшнює чи глядани премоенки одвитуюци и чи роботу мож друковац. Потим Редакция приноши одлуку о обявйованю.

Язык и письмо

Роботи ще публикую на шциких славянских языках и на главних шветових языках.

Форматованє тексту

Тексти ще пишу у програми Microsoft Word, зок фонтом Times New Roman. Велькосць фонта основного тексту 12 (кед цитат ма вещей як 40 слова, велькосць фонта 11). Проряд основного тексту 1,5. Кажди перши шор нового пасуса уцагнути (Paragraph/Indentation/Special: First line 1,5 cm), а текст треба вировнац з обидвох бокох („justify”). Формат бока А4.

Фусноти означовац зок арабским числами (окрем перших хтори ще означую зок гвиздочками а часц су информации о авторови, повязаносци вигледованя зок проектом або информации о предходним опубликованю часцох роботи). Велькосць фонта фусноти 10.

Роботи хтори не задоволюю формални стандарди не могу войсц до поступку рецензованя.

Насловни бок

Шцики роботи маю насловни бок хтори треба же би у горнім лівим углу мал мено автора а под тим и афилияцию, односно мено институции. Под тима информациями шлїдзи наслов роботи хтори центрирани и написани зок верзалом и фусноту хтора означена зок гвиздочку (*). Зок першу гвиздочку ще дава информация о имейлу автора а зок другу и трецу гвиздочку информации о науковим проекту, подзекованю або надпомнуце о предходним представяню роботи на науковим сходзе итд.

Структура статї

Рукопис понукнути за друкованє треба же би мал шлїдуюци елементи: мено и презвиско автора, институцию у хторей є заняти,

наслов статії, абстракт, ключні слова, текст роботи, резиме и наукови апарат.

Наслов статії

Наслов треба же би цо вирнейше описал змист статії.

Абстракт и ключни слова, резиме

Єден параграф, до 200 слова.

Велькосц фонта 10, зоз прорядом 1.

Перши шор уцагнуц, без писаня слова *абстракт*.

Обовязни информации абстракту то цель вигледованя, методологія вигледованя.

Под текстом абстракту, пише ше наслов *Ключни слова*: и наводзи ше од 5 до 10 слова або фрази хтори описую змист статії.

Резиме ше пише по англійски на концу текста, пред литературу, з велькосцу фонта 10 и прорядом 1 (single). Пред резимеом пише ше мено и презвико автора на латинки. Потим шлідзи наслов *Summary*, центровани. Перши шор каждого пасуса уцагнуц на 1,5 цм. Наслов резимеа по англійски виписани зоз верзалом, центровано. Резиме зжато приказує проблем, цель, методологію и резултати наукового вигледованя. Обсяг резимеу до 500 слова. Резиме не преклад абстракта. После тексту резимеа, уцагнути на 1,5 цм шлідзи наслов *Key words*: после хторого ше наводза 5 до 10 ключни слова.

Кед же работа на англійским языку, резиме ма буц по руски.

Обсяг тексту

Минимална длужина роботи 20.000, а максимална 30.000 характери, ведно зоз абстрактом, резимеом и литературу.

Основни текст роботи

Основни текст ше пише з велькосцу фонта 12. Наслови поглавйох ше наводза з верзалом центровано, а поднаслови знука поглавйох з курзивом уцагнуто на 1,5 цм, як и перши шор нового пасуса.

Таблічки и графикони формовац у Word формату. Кажда таблічка ма буц означена з числом, з адекватну назву. Число и назва ше находза над таблічку/графиконом.

Цитованє референцох у тексту статії

Цитати ше означую зоз двойністима знаками наводзеня у складзе зоз правописом языка на хторим статя, а цитати знука цитату з

єдними знаками наводзєня ('...'). Хаснованє жридло ше наводзи знука тексту так же ше елементи (презвискò автора, рок виданя, число бока на хторей ше находзи часц хтори ше цитує) наводза у заградзєньох и одвоєю зоз запяту и двома точками (Duličenko, 2009: 54). Цитовани жридла ше наводза на концу вирєчєня, непòстрєдно пред точку.

За блок цитат (вєцєй як 40 слова) нє хасновац знаки наводзєня алє ше го пише у окремним блоку, лїва маргина (Paragraph/Indentation/Left) уцагнута на 1,5 цм, а фонт велькосци 11, на концу у заградзєню жридло.

Кєд ше наводзи роботу хтора ма 3–5 авторох, перши раз навєсц шицких авторох а у познєйших наводзєньох лєм першого автора и навєсц „и др.” або „et al.”.

Кєд статя ма два або вєцєй референци истого автора зоз истого року, вєц ше после податкох о року додаваю знаки а, б итд. (Таташ 2012а), (Таташ 2012б). Роботи истого автора ше наводза по хронологийним шорє: (Halle, 1959; 1962).

Литература

У списку литератури наводза ше лєм референци хтори автор хасновал у роботи. Референци хтори у оригиналу на кирилки ше наводза на латинки зоз надпомнуцом у заградзєню непòстрєдно после точки референци (Cyrillic). Велькосц фонта 12, а форма треба же би була Hanging на 1,5 цм (Paragraph/Indents and Spacing/Hanging).

Напрямки за прєруцòванє зоз рускей кирилки на латинку

<http://rusinisticnisti.ffi.uns.ac.rs/index.php/rs/article/view/17/14>

Зоз сєрбскей кирилки

https://www.lexilogos.com/keyboard/serbian_conversion.htm

Зоз украинскей кирилки

https://www.lexilogos.com/keyboard/ukrainian_conversion.htm

Зоз русийскей кирилки

https://www.lexilogos.com/keyboard/russian_conversion.htm

Кнїжки (друковани жридла)

Кнїжка зоз єдним автором

Duličenko, A. (2010). *Jugoslavo ruthenica II*. Novi Sad: Filozofski fakultet

Novi Sad, Ruske slovo Novi Sad. (Cyrillic)

Кніжка з вецей авторами

Кед кніжка ма вецей авторох, наводза ше шицки, але ше пред остатнім презвиском додава знак „&”.

Đorđević, S.–Mitić, M. (2000). *Diplomatsko i konzularno pravo*. Beograd: Službeni list SRJ.

Rokai, P.–Đere, Z.–Pal, T. & Kasaš, A. (2002). *Istorija Mađara*. Beograd: Clio.

Кніжка зоз редактором або ушорйовачом зборніка роботох

Кед кніжка зборнік роботох зоз наукового сходу або є пошвечена єдней теми, як автор ше наводзи редактор або ушорйовач публикації и коло презвиска и иницијалу ше додава „ред.” або „ушор.” односно „ed.” кед кніжка на странским языку.

Tamaš, JU. (red.) (2012). *Veličina malih jezičkih, književnih, kulturnih i istorijskih tradicija*. Novi Sad: Filozofski fakultet – Oddzeljenje za rusinistiku.

Статя зоз зборніка

Hardi, DJ. (2012). Koncept istoriji bačvansko-srimskih Rusnacoh Havrijila Kosteljnika. U: Tamaš, JU. (Red.) (2012). *Veličina malih jezičkih, književnih, kulturnih i istorijskih tradicija*. Novi Sad: Filozofski fakultet – Oddzeljenje za rusinistiku. 141–149.

Статя зоз наукового часописа

Kišjuhas, A. (2017). Manjinski identiteti: perspektiva teorije kontrole afekta i teorije kontrole identiteta. *Rusinistични студиї/Ruthenian Studies*, 1, 155–171.

Статї зоз новинох

Потребне навесц информации о року, мешацу и дню за дньово и тижньово новини и хасновац „bok” або „p.” кед новини на странским языку.

Mišić, M. (1. feb. 2012). Ju-Es stil smanjio gubitke. *Politika*, str. 11.

Кед ше не спомина автор статї:

Straževica gotova za dva meseca. (1. feb. 2012). *Politika*, str. 10.

Онлайн жридли

Кед то жридли оможлївює, треба написац DOI число. Тото число ше записує на концу описа без точки. Кед DOI не доступни, треба

хасновац URL.

Статя зоз онлайн наукового часописа

Stankov, S. (2006). Phylogenetic inference from homologous sequence data: minimum topological assumption, strict mutational compatibility consensus tree as the ultimate solution. *Biology Direct*, 1. doi:10.1186/1745-6150-1-5

або з URL числом

Stankov, S. (2006). Phylogenetic inference from homologous sequence data: minimum topological assumption, strict mutational compatibility consensus tree as the ultimate solution. *Biology Direct*, 1. Preuzeto sa <http://www.biology-direct.com/content/1/1/5>

Е-книжки

Кед ше наводзи жридло хторе доступне лем на интернету, место податкох о месту видаваня и видавательови, треба навесц податок о електронским жридлу зоз хторого ше пребера:

Milone, E. F.–Wilson, W. J. F. (2008). Solar system astrophysics: background science and the inner solar system [SpringerLink version]. doi: 10.1007/978-0-387-73155-1

Веб сайм

Податок о року одноши ше на датум формованя, датум копії або датум остатней пременки.

Kraizer, S. (2005). Safe child. Prevzate 29. februara 2008, sa <http://www.safechild.org/>

Penn State Myths. (2006). Prevzate 6. decembra 2011, sa <http://www.psu.edu/ur/about/myths.html>

Необявени роботи

За необявени роботи треба навесц подполни податки.

Segedi, K. (2004). Prefiksi sa prostornim značenjem u rusinskom i ruskom jeziku (Nepublikovana magistarska disertacija). Filozofski fakultet, Univerzitet u Novom Sadu, Novi Sad.

Рукописни материял ше наводзи по авторови рукопису, а кед автор рукописа не познати, по наслову. Кед рукопис не ма наслов, дава му го тот цо пише о нїм. Шлїдуюци елемент час наставаня тексту, место и назва институції у хторей ше рукопис находзи, сигнатура и фолияция.

УНИВЕРЗИТЕТ У НОВОМ САДУ
ФИЛОЗОФСКИ ФАКУЛТЕТ
Др Зорана Ђинђића 2.
21000 Нови Сад
Тел: +381214853900
www.ff.uns.ac.rs

Припрема за штампу и редизајн корица
Игор Лекић

Штампа
Сајнос, Нови Сад

Тираж
200

CIP - Каталогизација у публикацији
Библиотека Матице српске, Нови Сад

811.161.2

РУСИНИСТИЧНИ студије = Ruthenian Studies /
главни редактор Јанко Рамач. - 2016, 1- . -
Нови Сад : Универзитет у Новим Садзе,
Филозофски факултет, Одзелене за русинистику,
2017- . - 23 cm

Dostupno i na: <http://rusinisticnistiudi.ff.uns.ac.rs>. –
Годишње.

ISSN 2560-3612 = Русинистични студије

COBISS.SR-ID 313718791
